

СЛОВА ВОЛШЕБНИКА

ПЬЕСЫ и МЮЗИКЛЫ

Эдуард ГАЙДАЙ

Эдуард Гайдай

СЛОВА ВОЛШЕБНИКА

ПЬЕСЫ и МЮЗИКЛЫ

Музей уникальных вещей
Санкт-Петербург
2021

На обложке:

Фрагмент «Репетиция шоу „Алых парусов“ в Финском заливе»

Фотограф: Ник Григорьев, 18 июня 2020

Корабль «Секрет». Художник: Виктор Запаренко, 2021

По фотографии «„Алые паруса“ на Неве»

Фотограф: Евгений Бурлаков, ночь на 24 июня 2012

Дизайн обложки: Анастасия Аргутина

Гайдай, Эдуард Петрович

Г 14 Слова Волшебника : пьесы и мюзиклы / Э. П. Гайдай ; сост. и послесловие А. Амасовой ; ил. Виктора Запаренко, Чже Хи Ким. – Санкт-Петербург : Музей уникальных вещей, 2021. – 204 с.: ил. + 6 л. цв. ил. – («Книга-театр»). – Примеч.: Комплект из печатного издания и электронной версии в формате pdf.

ISBN 978-5-6046613-2-1

УДК 82-2(47)

ББК 84(2=411.2)6-6

Пьесы для драматических и кукольных театров: «Алые паруса», «Колобок», «Госпожа Метелица», «Гробовщик», «Горыныч».

Представлены эскизы кукол Чже Хи Ким к спектаклю Театра марионеток им. Деммени «Госпожа Метелица» и персонажи художника-мультипликатора Виктора Запаренко к «Алым парусам» и «Колобку».

Благодарим партнеров по распространению.

Собрание

Музея уникальных вещей, 2021

От Музея Что такое «пьесы для детей»?

Конечно, дети не читают пьес. И даже среди подростков любителей пьес единицы. Так что благоразумный читатель, увидев название «Пьесы для детей», не сделает вывод, что книга адресована детям. Даже если она, как это издание, сопровождается иллюстрациями.

В первую очередь, «пьесы для детей» – чтение для умных и вдумчивых взрослых. Для тех, кто ищет, что именно ставить в театре, из чего сделать мультфильм или снимать кино. Выбор, что именно ставить, делать и снимать – непросто, учитывая, что детям принято отдавать все самое лучшее. Издание «Слова Волшебника: пьесы и мюзиклы» подготовлено Музеем именно для таких читателей.

Эдуард Петрович Гайдай, автор вошедших в сборник произведений, – драматург и вот уже пятнадцать лет главный режиссер Санкт-Петербургского Театра марионеток имени Деммени. Он не только ставит спектакли, но и сам пишет пьесы для своих артистов. Впрочем, по этим же «чертежам» ставят спектакли в дюжине других театров – Петербурга, России и соседних стран.

При составлении сборника избранных произведений драматурга Музей постарался учесть, что «бесценной вещицей» для каждого охотника за сокровищами и чертежами является разное. Поэтому в нескольких абзацах – о принципе отбора.

Во-первых, это произведения, рассчитанные на детей разных возрастов: от малышей до подростков. Для теплого, уютного, ироничного семейного просмотра. Во-вторых, в сборник вошли как инсценировки, созданные по мотивам известных произведений, так и пьесы – совершенно новые, т.н. «авторские», произведения.

Открывает книгу очень петербургская феерия, мюзикл «Алые паруса». Эта пьеса вот уже десять лет с успехом идет в театре «Балтийский дом».

«Колобок» – самое популярное произведение для крох, которое ставят все, всегда и повсюду. Вариант Эдуарда Гайдая, созданный для

театра кукол, отличается легкостью в постановке и тем, что мало кому удаётся сделать постановку «как в книжке», но при этом обойтись без «трагичного финала».

«Госпожа Метелица» – тоже достаточно известная детская сказка (особенно в редакции братьев Гримм), но в отличие от «Колобка», при всей известности названия, её очень редко можно увидеть на сцене или на экране. Версия Эдуарда Гайдая представляет собой стилизацию под старинное «донемецкое» предание (предание земли Тюрингов), написанное в духе «Песни о нибелунгах».

«Грбовщик» – одноактная пьеса для современных подростков. Тоже несмотря на известность никогда не показываемое произведение. По признанию самого драматурга, он старался делать ее максимально близко к Пушкину, как если бы Пушкин сам написал ее для сцены, но, говорят, получилось похоже, скорее, на Ильфа и Петрова... «Я считаю, что Пушкин во многом был шутник. Больше, чем обычно себе представляют», – замечает автор.

Авторские пьесы для детей редко кого-то интересуют, так как родители предпочитают водить детей на что-то им известное. Возможно, поэтому детских пьес так мало – нет смысла их писать. (Впрочем, в детской драматургии все же есть приятное исключение – Новый год.)

Поэтому самое «вкусное» в этом сборнике – пьеса «Горыныч»: кстати, она до сих пор не поставлена. В тот же год, когда Эдуард Петрович написал это произведение, студия «Мельница» выпустила первый мультфильм о трех богатырях, и драматург нашел, что, возможно, детям достаточно на эту тему мультфильма.

В заключение – несколько слов об иллюстрациях. Музей принял решение сопроводить произведение эскизами персонажей.

Иллюстрациями к «Алым парусам» и «Колобку» являются предметы изобразительной коллекции Музея, созданные в разные годы художником-иллюстратором, режиссером-мультипликатором Виктором Запаренко.

Реальными эскизами кукол для театра марионеток являются иллюстрации к спектаклю «Госпожа Метелица» художницы из Сеула (Северная Корея) – Чже Хи Ким. (Их цветные версии вы увидите на вкладке.) Будучи студенткой Санкт-Петербургской академии

театрального искусства, она проходила практику в Театре марионеток Деммени. И спектакль с этими персонажами действительно был поставлен!

Вот как вспоминает об этом сам Эдуард Петрович Гайдай:

«Это был веселый эксперимент! Она сразу спросила: „Лица делать немецкие или русские?“, чем сильно меня заинтриговала. Я ответил: „Немецкие“. В результате получилось, на мой взгляд, японское аниме. Впрочем, подозреваю, если бы я ответил: „Русские“ – было бы примерно то же самое, хотя Чже Хи утверждала, что отличия велики. Однажды после репетиции я завел ее в кафе „Япошка“, где повсюду красовался логотип с радостным толстым мужичком в кимоно. Она оглянулась и говорит: „Странно, кафе японское, а нарисован почему-то китаец...“ Восток – дело тонкое!»

Таким образом, книга предназначена, в первую очередь, специалистам в области культуры и искусства: режиссерам, преподавателям, абитуриентам и студентам театральных вузов, художественных академий.

Впрочем, не бойтесь дать книгу в руки подросткам: может стать, в кого-то она заронит мечту – вырасти режиссером, сценаристом, драматургом, мультипликатором, художником, актером, создателем кукол... Или снять наконец-то кино, которое понравится современным детям.

Ведь именно для Большой Мечты и произносятся Слова Волшебника.

*Аня Амасова,
Хранитель Музея уникальных вещей*

Содержание

От Музея. Аня Амасова	5
---------------------------------	---

ПЬЕСЫ И МЮЗИКЛЫ

Эдуард Гайдай

Алые паруса. <i>Мюзикл</i>	9
Тексты песен к мюзиклу «Алые паруса».	59
Горыныч. <i>Комедия-боевик</i>	71
Госпожа Метелица. <i>Пьеса по сказке</i>	111
Гробовщик. <i>Инсценировка</i>	145
Колобок. <i>Пьеса для театра кукол</i>	175

ПРИЛОЖЕНИЯ

«Главный режиссер театра». <i>Репортаж</i>	198
Произведения Э. Гайдая в коллекции Музея	201
От Автора	202

Алые паруса

Мюзикл по мотивам феерии «Алые паруса» Александра Грина

С эскизами персонажей Виктора Запаренко

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ассоль

Маленькая Ассоль

Грей

Лонгрэн, отец Ассоль, бывший матрос

Циммер, виолончелист, он же «добрый волшебник»

Меннерс, хозяин трактира (сын Меннерса-старшего)

Меннерс-старший (отец)

Филипп, угольщик

Старушка

Летика, матрос «Секрета»

Пантен, боцман «Секрета»

Юнга

Продавец тканей в Лиссе, он же – 2-й посетитель
трактира, 2-й рыбак

1-й посетитель трактира, он же – 1-й рыбак

Мери, мать Ассоль

Матрос

Голоса: вахтенный, прекрасный принц

Жители города, матросы «Секрета»

ОПИСАНИЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

1. Ассоль взрослая. Трудно что-то советовать конкретно, поскольку она является практически идеалом. Внутри – милая, добрая, честная, чистая душой. Снаружи симпатичная молодая девушка. Будет петь и танцевать (как минимум, должна хорошо двигаться). Роль активная в смысле физических нагрузок. Быстрые переключения в разные состояния.

2. Маленькая Ассоль. 10–15 лет. Сообразительная девочка. Слов достаточно много для актрисы такого возраста. Но роль не сложная.

3. Циммер – бродячий музыкант-виолончелист. 50-60 лет. Он же «добрый волшебник» в сцене с маленькой Ассоль. Воспринимается как некий ангел-хранитель или добрый гений Ассоль на протяжении всей истории. Проходит через весь спектакль, хотя не всегда на сцене. Физически не очень сложно. Танцевать не требуется. Нужен хороший опытный молодой актёр, который справится с большими монологами и сможет держать внимание зрителя без лишних телодвижений.

4. Грей – молодой капитан. Тоже из серии идеальных, мужественных и красивых.

5. Лонгрен – отец Ассоль, бывший матрос. Возраст примерно такой же, как у Циммера. Немного поющий (задушевно). Роль не очень большая.

6. Меннерс – хозяин трактира (сын утонувшего Меннерса). Среднего возраста. Внешне немного напоминает молодого Гитлера. Основные состояния – то испуганный, то активный, самоуверенный. Он же играет отца – Меннерса-старшего – такой же, но седой, по поведению более вальяжный.

7. Филипп – угольщик, вечно пьян. Детина больших размеров. Возраст непонятен из-за постоянного употребления алкоголя. (Но актёр должен быть достаточно пластичный – ему предстоит сыграть драку в кабаке.)

8. Летика – матрос «Секрета». Адъютант Грея, его ближайший соратник и помощник. Возраст такой же, как у Грея. Бойкий, громкий, неугомонный.

9. Пантен – боцман «Секрета». Немолодой, коренастый, умудрённый опытом.

10. Старушка. Жительница Лисса. Довольно гибкая.

11. Юнга – мальчишка не старше 17 лет.

12. 1-й посетитель трактира – классический представитель провинциального рыбацкого посёлка. Довольно развёрнутая (комическая) роль в начале спектакля. Также ему предстоит драка в трактире. Напоминает пьяного Д'Артаньяна.

13. 2-й посетитель трактира, он же Продавец тканей – этот почти такой же, но по поведению больше похож на Атоса (внешне может быть и Портосом).

14. Мери. Мать Ассоль, 30–40 лет.

15. Матрос. Матрос «Секрета».

АКТ I

СЦЕНА 1. В ТРАКТИРЕ МЕННЕРСА

Кто сказал, что в море
Солёная вода?
Только тот, кто рому, кто рому не попил.
Кто сказал, что горе
На море и беда?
Только тот, кто в море, кто в море не ходил!..
[См. «Тексты песен» на стр. 59–69.]

В трактире у Меннерса.

Барная стойка, несколько столиков. Посетители с металлическими кружками.

За центральным столиком двое (далее это 1-й и 2-й посетители).

За отдельным столиком сидит угольщик Ф и л и п п. Перед ним несколько кружек. За другими столиками ещё два-три человека без слов. В углу сидит старик Ц и м м е р. У него единственного на столике чашка с блюдцем, рядом стоит виолончель. Он и Меннерс – единственные трезвые в этой компании.
Меннерс стоит за стойкой.

1-й посетитель. ...И представьте себе – подтянул её я к борту, а дальше никак! В сачок-то не помещается! Да какой тут, к дьяволу, сачок! Пожалуй, и в лодке бы места не хватило...

2-й посетитель. А ты бы лучше глаза промыл – помогает иногда. Глядишь, и рыбка бы поменьше стала!

Здесь и далее все присутствующие, кроме Циммера, громко смеются после каждой реплики.

1-й посетитель. Да я трезвый был! Как сейчас! Клянусь... Абсолютно!.. Меннерс, рому!

2-й посетитель. Давай, Меннерс! Давай ещё – видишь, человек совсем трезвый сидит!

Меннерс. В долг не даём. Где твоя сказочная рыба? Неси, тогда посмотрим!

1-й посетитель. Убью!

2-й посетитель. Ладно, тихо, тихо!.. Наливай, Меннерс, я плачу.

Меннерс наливает. «Весёлая передача» для окружающих закончилась, смех прекратился, далее каждый занимается своим делом.

1-й посетитель. А что это твой музыкант не играет?

Меннерс. Это не мой музыкант. Из города, видать, пришёл.

1-й посетитель. То-то я смотрю – не из наших, вроде. Филипп, ты его знаешь? Говорят, он из города.

2-й посетитель. Угомонись! (*Циммеру.*) А ты, старик, и вправду, сыграл бы. Что это за инструмент у тебя такой огромный?

Циммер. Виолончель. Я вообще-то отдыхать зашёл, а не работать.

1-й посетитель. Ты смотри! Большая эта величель. Во! Точь-в-точь, как та моя рыба! Абсолютно!

Филипп. Меннерс, угости музыканта. (*Циммеру.*) Как Вас зовут?

Циммер. Циммер. Нет-нет, спасибо, мне только чаю.

Филипп. А я Филипп. Уголь вожу из города. Так что, могу подвезти, когда возвращаться будете.

Циммер. Спасибо.

Филипп. Сыграйте, а? Уж очень интересно посмотреть, как на такой штуковине играют.

1-й посетитель. Да-а! Сто лет я уже не слышал эту, вели... вело...нчель. О! А давайте лучше споём! Эх, после пи-и-ва волна игри-и-ва в корму-у кача-ает и в...

Входит Ассоль. У неё в руках корзинка с моделями кораблей. Все резко смолкают, уставившись на неё. Ассоль оглядывается, словно она здесь впервые, но не замечает виолончелиста. Находит Филиппа, подходит к нему.

Ассоль. Добрый вечер.

Меннерс. Ах, какие гости к нам пожаловали! Вы только посмотрите!

Ассоль. Я не к Вам. Филипп, мне не удалось сегодня ничего продать.

Филипп. Зря ты сюда пришла, Ассоль. Иди домой.

Ассоль. Но ты меня утром отвозил в город, а мне теперь совершенно нечем тебя отблагодарить.

Филипп. Не болтай глупостей. Я тебя просто так подвёз. Иди. Нечего тебе тут делать.

Ассоль. Спасибо.

Меннерс. Ай-яй-яй! Кажется, ваш бизнес пошатнулся? Неужели глупые горожане больше не хотят покупать ваши бесполезные игрушки? Может быть, они поумнели?

Филипп. Помолчи, Меннерс. Ассоль, уйди отсюда.

Меннерс. Постой! Покажи свои кораблики, Ассоль, не стесняйся! Может, я что-нибудь куплю на память? Господа! У кого вельбот протекает, подходи-покупай! Тут есть целый фрегат для мухи или паука! Очень-очень нужная вещь! Не хотите фрегат – берите галиот! В него поместится как раз три таракана, господа! Я не шучу, он просто огромен! Надеюсь, Ассоль, вы с папашей не забыли навесить на него алые паруса?..

Филипп ударяет кулаком по столу. Меннерс мгновенно смолкает.

Меннерс. Увы. Здесь тоже никто не покупает ваш товар. Придётся снова голодать. Сочувствую.

Уходит к себе за стойку.

Филипп. Мне от тебя ничего не нужно, Ассоль. Иди домой, я сказал! Отец ждёт, наверное.

Ассоль. Хорошо. Спасибо, Филипп. До свидания.

Уходит.
Пауза.

1-й посетитель. А что, правду говорят, что она того – полоумная?

Меннерс. Так же, как и её папаша Лонгрэн. Семейка чокнутых.

Филипп (*напеваёт*):

Корзинщик, корзинщик,

Дери с нас за корзины...

Меннерс. Ей в детстве колдун привиделся, который обещал, что за нею принц приплывёт на корабле под алыми парусами!

Филипп (*всё громче*):

...Но только бойся попадать

В наши Палестины...

1-й посетитель. Да я слышал! И что ж она? Всё ещё ждёт принца, дурочка?

2-й посетитель. Как видишь. За тебя пока не вышла, дурочек!

Снова всеобщий смех.

Филипп. Эй, ты, паук, подай-ка ещё рому!

Тишина.

Не слышишь, что ли? Рому давай, говорю!

Пауза. Филипп встаёт, подходит пошатываясь к стойке, за которой не шевелясь стоит Меннерс. Все внимательно следят за происходящим.

Не бойся, т-таракан, я заплачу тебе... за всё!

Меннерс. А рома больше нет.

Все угрожающе вскакивают со своих мест.

Все. Что?!!!

Меннерс. Я пошутил, братцы, пошутил. Будет вам ром!..
Но только, когда этот угольщик отсюда уйдёт.

1-й посетитель. Угольщик? Уходи, угольщик, я пить хочу!
Филипп. Сам уходи! Меннерс, тебе говорят – налей мне ро...

1-й посетитель пытается стулом ударить Филиппа по голове,
но промахивается. Завязывается всеобщая драка. Фоном звучит бодрая
музыка.

СЦЕНА 2. РАССКАЗ ЦИММЕРА

Драка в трактире продолжается. Те же. Циммер не торопясь допивает чай.
Достаёт из чехла виолончель. Выходит с нею на передний план (возможно,
забирается с нею на стол). Проводит смычком. Музыка драки обрывается,
слышен только звук виолончели. Все от удивления замирают и оглядываются
на Циммера. Когда всеобщее внимание привлечено, Циммер перестаёт играть
и начинает рассказывать.

Циммер. Всё было совсем не так, господа. Успокойтесь.
Я расскажу вам правду. Однажды летом, когда Ассоль было около
деяти лет от роду, она шла в город, чтобы продать лавочнику
игрушечные корабли, которые мастерит её отец. До города тут
недалеко, но дорога, как вы знаете, идёт через лес...

1-й посетитель. Знаю, знаю! Там она встретила волка,
а в корзинке был пирожок... Ха-ха-ха...

2-й посетитель. Помолчи, приятель!

Циммер. Когда Ассоль дошла до ручья, она присела у мостика,
чтобы немного отдохнуть, и принялась рассматривать корабли
в своей корзинке. Там было несколько прекрасных моделей,
но среди них одна оказалась совершенно необычной! Это
была миниатюрная яхта с парусами из алого шёлка. Вы только
представьте себе – белая яхта с алыми парусами! Она привела

в восхищение маленькую Ассоль! Пламенный весёлый цвет горел так ярко в её руке, словно она держала огонь...

Циммер играет на виолончели. Посетители трактира замерли в оцепенении.

Все смотрят назад, в глубину сцены, где им «видятся» описываемые рассказчиком события.

Маленькая Ассоль с яхтой в руках.

Маленькая Ассоль. Если я опущу её в ручей поплавать немного, она не промокнет. А потом я её вытру.

Опускает кораблик в «ручей». Разговаривает с яхтой за себя и за воображаемого капитана.

- Ты откуда приехал, капитан?
- Я приехал... я приехал из Китая.
- А что ты привёз?
- Что привёз, о том не скажу.
- Ах, ты так, капитан! Тогда я посажу тебя обратно в корзину.

Сквозь звуки виолончели раздаётся звук порыва ветра. Ассоль вскрикивает, протягивает руки к яхте, но не может её достать. Кораблик быстро плывёт через сцену. Ассоль хватается за корзину и пускается в догонку.

Маленькая Ассоль. Стой! Стой! Ах, господи! Ведь случилось же...

Вслед за яхтой маленькая Ассоль исчезает за кулисами.

Виолончель остаётся стоять там же, где и была, но её мелодия продолжается словно на ней кто-то продолжает играть. Циммер, рассказывая дальше, отходит в сторону по авансцене, садится на большой камень. В процессе рассказа у него в руках появляется яхта с алыми парусами.

Циммер. Здесь было устье ручья. Разлившись нешироко и мелко, он пропадал во встречной морской волне. Ещё издали Ассоль увидела незнакомца, который сидел на берегу и рассматривал её яхту.

Появляется маленькая Ассоль с корзинкой. Несколько секунд молча смотрит на Циммера, который её «не замечает».

Маленькая Ассоль. Ты уже поиграл. Теперь отдай мне. Ты как поймал её?

Циммер от неожиданности чуть не роняет яхту.

Циммер. Клянусь Гриммами, Эзопом и Андерсеном, это что-то особенное! Послушай, это твоя штука?

Маленькая Ассоль. Да, я за ней бежала по всему ручью. Она была тут?

Циммер. У самых ног моих! Яхта, покинутая экипажем, была выброшена на песок трёхвершковым валом. Как тебя зовут, крошка?

Отдаёт ей яхту.

Маленькая Ассоль. Ассоль.

Циммер. Хорошо... Хорошо, что оно так странно, так однотоно и музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины. Твоё имя не нарушило очарования. Эта удивительная яхта здесь, на берегу моря, потом ты... Что у тебя в корзинке?

Маленькая Ассоль. Лодочки. Потом пароход, да ещё три таких домика с флагами. Там солдаты живут.

Циммер. Отлично. Тебя послали продать. По дороге ты занялась игрой. Ты пустила яхту поплавать, а она сбежала. Ведь так?

Маленькая Ассоль. Ты разве видел? Тебе кто-то сказал? Или ты угадал?

Циммер. Я это знал.

Маленькая Ассоль. А как же?

Циммер. Потому что я – самый главный волшебник.

Маленькая Ассоль смущается.
Испуганно отступает.

Циммер. Тебе нечего бояться меня. Напротив, я хочу поговорить с тобой по душам. Слушай меня внимательно, Ассоль. Я был в той деревне, откуда ты, должно быть, идёшь. Я люблю сказки и песни, но у вас не рассказывают сказок и не поют песен. А если и поют, то, знаешь, эти истории о хитрых мужиках да рыбаках, эти грубые коротенькие четверостишья с ужасным мотивом... Стой, я сбился. Погоди...

Не знаю, сколько пройдёт лет, только в твоей деревне расцветёт одна сказка. Ты будешь большой, Ассоль. Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнёт алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе. Тихо будет плыть этот чудесный корабль. На берегу соберётся много народу, удивляясь и ахая. И ты будешь стоять там. Корабль подойдёт величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки. «Зачем вы приехали? Кого вы ищете?» – спросят люди на берегу.

Тогда ты увидишь красивого храброго принца. Он будет стоять и протягивать к тебе руки. «Здравствуй, Ассоль! – скажет он. – Далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне. Я приехал, чтобы увезти тебя навсегда в своё царство. У тебя там будет всё, что ты только пожелаешь. Жить мы станем с тобой так дружно и весело, что никогда твоя душа не узнает слёз и печали». И ты, Ассоль, уедешь с принцем в блистательную страну, где восходит солнце, и где звёзды спустятся с неба, чтобы поздравить тебя с приездом.

Маленькая Ассоль (*негромко*). Это всё мне? (*Пауза*.)
Может быть, он уже пришёл... тот корабль?

Циммер. Не так скоро. Сначала ты вырастешь. Потом... что говорить? Это БУДЕТ, и кончено. Что бы ты тогда сделала?

Маленькая Ассоль. Я?.. Я бы его любила... если он не дерётся.

Циммер. Нет, не будет драться, не будет. Я ручаюсь за это. Иди, девочка, и не забудь того, что я тебе сказал. Иди. Да будет мир пушистой твоей голове!

Маленькая Ассоль уходит.
Циммер возвращается к виолончели и продолжает.

Девочка стремглав побежала домой, забыв от счастья, что ей надо было идти в город. Она рассказала отцу о волшебнике и об алых парусах. Возможно, кто-то из соседей услышал, а может быть, это был случайный прохожий...

Раздаётся низкий резкий звук оборвавшейся басовой струны. Активная угрожающая роковая музыка. В луче света Меннерс. Он в ярости.

Меннерс. Ложь! Это всё ложь! Не слушайте его! Она сумасшедшая!

По сцене проходит взрослая Ассоль с корзинкой. Уже нет никаких столиков, нет трактира. Вокруг Ассоль в диком танце снуют мужики и бабы, не давая ей пройти. Толкают её друг другу с диким хохотом.

Меннерс. Не будет ей никакого принца! Не будет никакого корабля! Не будет алых парусов! Не будет! Не будет! Ни-ког-да!!!

Танец-насмешка продолжается.

Меннерс. Ненавижу эту семейку! Ненавижу эту Ассоль и её папашу Лонгрена! Этот грязный мерзавец утопил моего отца! Вы слышали? Он утопил моего отца, как котёнка! И я этого так не оставлю! Они ответят мне! Ответят за всё!

Темнота. Танец и музыка обрываются. Звучит тихая песня, похожая на колыбельную.

СЦЕНА 3. АССОЛЬ И ЕЁ ОТЕЦ ЛОНГРЕН

Лонгрэн сидит, покачиваясь, и задумчиво напевает песню, словно колыбельную. Ассоль лежит рядом, положив голову ему на колени.

Лонгрэн:

Где небо встречается с морем,
А море встречается с небом.
Там Солнце в бескрайнем просторе
Плывёт за дельфинами следом...

[См. «Тексты песен» на стр. 59–69.]

Ассоль. Я так люблю эту песню. Она похожа на мечту. Несбывшуюся мечту.

Лонгрэн. О... мы, кажется, загрузили? Отчего, Ассоль? Ну-ка, рассказывай, что случилось?

Ассоль. Ничего не случилось, отец. Всё как обычно... Скажи, почему нас так не любят в деревне?

Лонгрэн. Потому что они не умеют любить, Ассоль.

Ассоль. Не умеют... Бедные. Зато они умеют *нелюбить*. Меннерс на нас очень зол. Что ты ему сделал? Он всем говорит, будто... говорит, что ты...

Лонгрэн. Что я убил его отца? *(Пауза.)* Я давно должен был рассказать тебе, но это так непросто...

Ассоль. Нет! Не говори! Этого не может быть! Я не верю!

Лонгрэн. Успокойся, милая, я никого не убивал. Просто однажды я не помог одному человеку спастись.

Ассоль. Почему?..

Лонгрэн. Ты же знаешь, отчего умерла твоя мать. Но я не говорил тебе, из-за кого это случилось.

Ассоль. Это был он? Отец Меннерса?

Лонгрэн. Ты родилась холодной зимой, Ассоль. Я тогда ещё плывал матросом на «Орионе» и не знал, что ты уже появилась

на свет. До моего возвращения оставалось совсем немного, но, увы, у матери уже не хватало денег, чтобы прокормить вас обоих. И тогда она решила пойти к нему – самому богатому человеку в этой деревне.

Завывание вьюги. Вечер. Женщина (Мери, мать Ассоль) стучит в дверь.

Открывает Меннерс-старший (почти такой же, как сын, но более пожилой – сгорбленный и седой).

Меннерс-старший. А, Мери! Чего это ты вдруг ко мне на ночь глядя? Переночевать, что ли? Ну, заходи, заходи, я не прочь – у меня под боком местечко для тебя свободно.

Мери. Мне не до шуток, Меннерс. В доме нет ни крошки съестного. Дочку не могу кормить.

Меннерс старший. Ай-яй-яй... Какая беда! Тебе, наверное, деньги нужны?

Мери. Я отдам сразу, как только Лонгрэн вернётся.

Меннерс-старший. У-у... зачем же нам с тобой так долго ждать? Всё гораздо проще, милая. И Лонгрэн нам совсем не нужен. Смекаешь?

Мери. Вот. Можешь взять моё кольцо! Оно дорогое. Возьми его!

Меннерс-старший. Мне не нужно твоё кольцо. Мне нужна ты, Мери. Будь смелее! Не упрямясь. Приласкай меня, и я тебя хорошо накормлю...

Мери. Не трогай меня! Ты с ума сошёл! Опомнись – я давно замужем и у меня маленькая дочка!

Меннерс-старший. Не хочешь – не надо. И сама с голоду умрёшь, и дочку погубишь.

Мери. Да я лучше умру, чем прикоснусь к тебе!

Меннерс-старший. Смотрите, какая гордая! А про ребёнка забыла – чем кормить-то будешь?

Мери. Найду, чем... В город схожу – тут недалеко.

Меннерс-старший. Недалеко летом. А сейчас-то и простудиться недолго.

Мери. Ничего. Переживу как-нибудь. Бог поможет. Прощай.

Меннерс-старший. Зря ты так, Мери. Нам было бы хорошо вдвоём!

Мери уходит.

Меннерс-старший. Слышишь?.. Куда ты пошла? Не делай глупостей! (*В закрытую дверь.*) Ну и иди! Сама потом пожалеешь...

Меннерс исчезает во тьме. Снова высвечиваются Лонгрэн и Ассоль.

Ассоль. А потом мама умерла?

Лонгрэн. Заболела уже на следующий день... Простудилась сильно... Соседка ухаживала за вами обеими, но спасти удалось только тебя. Когда же я вернулся, Мери уже не стало...

Ассоль. И тогда ты?..

Лонгрэн. Нет. Он сам тонул. Я просто не подал ему руки.

Ассоль. Почему наш мир такой жестокий? Почему люди не могут просто жить и радоваться жизни?

Лонгрэн. Не все, дочка. Есть и те, которые могут.

Ассоль. Иногда хочется сказать – оглянитесь, люди! Вокруг такая красота! К ней совсем не идут жестокость и обман. Посмотрите на это небо, посмотрите на это море! Как оно прекрасно! И волшебной ночью, и радостным днём. А каким сказочным бывает море в тихое летнее утро, вы разве забыли? Когда несмелый бриз развеивает тончайшие полосы тумана, над лазурной рябью то тут, то там мелькают белые гребешки волн, а в голубой вышине проплывают лёгкие облака. Словно природа играет, и земля с небом сливаются в один прекрасный мир! Как в твоей песне, папа. Вся душа наполняется теплом и радостью! В такие минуты очень хочется поверить в чудо...

Лонгрэн. Ты знаешь, многие любят море, только не все могут так хорошо говорить об этом, как ты, Ассоль.

Ассоль. А ведь согласись – это смотрелось бы очень красиво, если б действительно однажды ясным утром над морем вдруг возникли... алые паруса!

Лонгрэн. Ассоль, девочка моя, ты всё ещё помнишь эту сказку?

Ассоль. Я уже большая, папа... Столько лет прошло – но никто так и не приплыл сюда... Я понимаю, я всё понимаю – это был просто сон. Такой чудесный детский сон про доброго волшебника.

Идут минуты не спеша,
А годы мчатся вскачь.
Взрослеет нежная душа,
Хоть радуйся, хоть плачь...

[См. «Тексты песен» на стр. 59–69.]

СЦЕНА 4. АССОЛЬ И СТАРУШКА

Утром на берегу моря. Ассоль стоит и смотрит вдаль. Появляется Старушка, смотрит на Ассоль, недовольно бормочет. Сначала как будто сама с собой.

Старушка. Ах, Ассоль, ты, Ассоль. Ну что ты всё стоишь и стоишь тут каждое утро? Не смешила б людей-то. Чего выстаиваешь? Принцесса малахольная. Лучше б работать шла в огород, как все нормальные бабы. С утра-то работается лучше. Глядишь, и мужик бы какой тебя приметил. Слышишь, нет?

Ассоль. Что?

Старушка. Не слышишь, что ли?

Ассоль. Ой, здравствуйте, бабушка. Я засмотрелась на море. Сегодня оно как-то особенно красиво.

Старушка. Да, погода хорошая... Ты, Ассоль, когда говоришь, вроде здоровой кажешься. А ведёшь себя так, что, тьфу ты, не приведи господь! Жениха-то всё нету?

Ассоль. Нет пока.

Старушка. Ага. Учить тебя некому, я смотрю. Вот и ходишь посмешищем... Ладно. Хочешь настоящего принца? Слушай меня, поняла? Так и быть, помогу. У меня-то их, знаешь, сколько было? У-у-у...

Ассоль. Но мне не нужны Ваши принцы, бабушка...

Старушка. Цыц! Ишь ты, коза какая! Смеяться вздумала. А ещё говорят, что полоумная... Я с тобой серьёзно говорю. Ну-ка, давай, стань вот так. Ну!

Ассоль. Зачем?

Старушка. Ой, тёмная-то, ой... Стань, говорю! Теперь потянулись. Ручки вверх. Локти назад. Хорошо так потянулись. Ага... Ну, ничего, ничего... А теперь наклоняемся и собираем сорнячки, собираем... Ну, что ты опять смотришь?

Ассоль. Какие сорнячки? Я не понимаю.

Старушка. Да... Вот оно – детство без матери. Запоминай, сиротка. Запоминай внимательно. Завтра с утра выйдешь в огород и начнёшь полоть грядки. Но только те грядки, которые у забора, поняла? Можешь даже и не полоть сперва, главное – поглядывай за заборчик да поглядывай. Как только первый принц пойдёт по улице, так сразу выпрямляешься и потягиваешься, как я тебя сейчас учила, а потом наклоняешься и, не спеша так, спокойно сорнячки начинаешь собирать. К забору повернись этим... спиной... и собирай, собирай себе. Только на принца не вздумай смотреть, покуда совсем мимо не пройдёт. А то испугнёшь, поняла? И вот так каждое утро делай. Через недельку придёт свататься – это я тебе точно говорю!

Ассоль. Но откуда же там, на улице, принц появится, бабуля?

Старушка. Да как откуда? Не знаешь, что ли? С рыбалки, конечно! Одни ж на утренний клёв идут, другие обратно, с ночи. Потому утром самое время-то к заборчику за сорнячками топтать. И дело будет, и польза. Выбирай там себе кого захочешь!

Ассоль. За сорнячками, говорите?

Старушка. Да за ними, родными. *(Через паузу.)* А тут, на берегу, нечего тебе стоять, глаза мозолить. Только позоришься и людей дразнишь. Они, вон, кто в лодках, лишь смеются над тобой да от работы отвлекаются.

Ассоль. Спасибо за совет. Но я лучше без них как-нибудь проживу.

Старушка. Без кого это? Без мужичков, что ли?

Ассоль. Без сорнячков, бабушка, без сорнячков.

Уходит.

Старушка. Да... Бездёжно. Одно слово – полоумная.

СЦЕНА 5. НА КОРАБЛЕ ГРЕЯ

Шторм. «Секрет» качается на огромных волнах.
Матросы сражаются со стихией...

В морях и океанах
О славных капитанах
Слагаются легенды много лет...

[См. «Тексты песен» на стр. 59–69.]

Буря стихает. На переднем плане Грей и Пантен. Команды Пантена (подчеркнутые) «вдали» ещё раз повторяются вахтенным, словно эхо.

Грей. Закрепить мачты.

Пантен. Закрепить мачты! Подтянуть все ванты и фордуны!

Грей. Ветер попутный, Пантен. Поднимай марсели.

Пантен. Поднять грот-марсель!

Грей. Полный? Не рановато ещё?.. Может, стоит урезать на пару рифов?

Пантен. Ну, Грей, Вы как скажете – «урезать» – не сразу-то и поймёшь... *(Размышляет.)* Как хотите, конечно, но я не стал бы сейчас брать рифы, капитан. Ветер почти утих.

Грей. Думаешь, утих? Хорошо. Я тоже люблю скорость, но если паруса сорвёт, будешь сам потом зашивать, боцман.

Пантен. У меня ничего не сорвёт! *(В сторону.)* Эй, поднять фок-марсель! Веселее, парни! Веселее!

Грей. Этого пока достаточно. Теперь можно открывать люки и сушить паруса.

Грей уходит.

Пантен. Открыть люки! Мокрые паруса на ростры! Не ленись! Живо, живо! Юнгу ко мне!

Подбегает мальчишка-Юнга.

Пантен. Ну что ж, молодец! Скажу прямо – я думал, ты сломаешься в первый же час! Пережить свежий ветер с кормовой качкой – это не просто даже для бывалого моряка.

Юнга. Свежий ветер? Я думал, это был ураган, господин боцман.

Пантен. Ураган? Ну ты даёшь!.. А разве ты не заметил, герой, какие паруса стояли у нас на «Секрете»?

Юнга. Конечно! Был всего один трисель, а остальные Вы приказали убрать.

Пантен. Вот именно – трисель! Это ж как божий день! Так вот слушай сюда – если бы это был ураган, малыш, я приказал бы убрать вообще все паруса. Ясно?

Юнга. Могу ли я тогда спросить Вас?

Пантен. Ну, давай, давай, спрашивай.

Юнга. Если убрать вообще все паруса, я думаю, корабль потеряет управление.

Пантен. Это ты так спросил? Нет, вы на него посмотрите! Это так цыгане в порту спрашивают!

Юнга. Простите, господин боцман! Я просто имел в виду...

Пантен. Да ясно всё как божий день! Только, кроме хороших мозгов, неплохо бы иметь немного опыта, птенчик. Слушай сюда! Любой парус разорвёт в клочья первым же серьёзным шквалом! Если этот парус небольшой, конечно. А если ты ещё сдуру поставишь чего посерьёзнее, то можно и мачты лишиться, дружок, а то и вообще взлететь, как говорится, килем в небо! Понял? Вот, иди и думай теперь про потерю управления, умник. Потом доложишь. Всё.

Юнга. Слушаюсь!

Пантен. Стой. Руки покажи... *(Разглядывает.)* Ясно. Сколько раз тебе повторять – канаты хватать надо, а не гладить! Короче, даю тебе два дня отдыха.

Юнга *(радостно)*. Есть, два дня!

Пантен. Я не закончил. Иди, возьми на камбузе спирт и бинт и возвращайся сюда. Будешь лечить свои мозоли.

Юнга (*не радостно*). Слушаюсь, господин боцман.

Грей. Пантен!

Возвращается Грей.

Пантен. Я здесь, господин капитан! (*Юнге.*) Ну-ну! Чего скис? Бегом! И смотри, иголку не забудь.

Грей подходит. Юнга приветствует его и убегает.

Грей. Ну, что скажешь, Пантен?

Пантен. А что? Хороший парень! Старается. Не хнычет. И дотошный такой – всё вопросы задаёт. Очень мне Вас напоминает, Грей, когда Вы ещё мальчишкой на «Ансельме» ходили! Помните старину Гопа – уж он Вам спуска не давал!

Грей. Благодаря ему я стал неплохим моряком, Пантен.

Пантен. И очень хорошим капитаном, Грей! Уж, поверьте мне, это ясно как божий день.

Грей. Ладно, ладно... Давай-ка, лучше, к делу. Шторм был попутный, так что в порту мы окажемся гораздо раньше, чем рассчитывали.

Пантен. Да разве ж это шторм, капитан? Так, свежий ветер...

Грей. Отставить болтовню, боцман. Мы прибудем не на рассвете, а уже сегодня к вечеру. Так что срочно готовьте «Секрет» и команду – отдыхать будем на берегу.

Пантен. Есть, капитан.

Грей. И ещё: раз так вышло, когда станем на якорь, пусть Летика подготовит шлюпку и удочки. Этот ночной город меня совсем не привлекает.

Пантен. Будет сделано. На рыбалку, значит... Я вижу, Вы нынче не в духе, капитан Грей.

Грей. Не знаю, Пантен, что такое. Словно что-то должен сделать и не знаю что.

Пантен. Забыли что-нибудь?

Грей. Да нет. Тут что-то другое, неважное... Или наоборот, такое важное, что других не касается. Тоска какая-то внутри... И, вроде, устал, а спать не тянет.

Пантен. Бывает, капитан. Иным в таких случаях ночные кабаки хорошо помогают. Но Вы у нас поскольку трезвость любите, то рыбалка в гавани, пожалуй, будет Вам в самый раз. И тихо, и спокойно.

Грей. Я тоже так думаю.

Пантен. Только сдаётся мне, что тут дело посерьёзнее.

Грей. В каком смысле?

Пантен. Да как бы Вам сказать-то, уж и не знаю. Всё-то Вы у нас один да один... Матросы, вон, чуть на берег – уже с подружками гуляют. *(Собирается с мыслями.)* Я, конечно, согласен, что женщины – народ ненадёжный, и часто они сами не понимают,

что делают. Среди них, Грей, конечно, есть стервы, есть, согласен, но Вы не думайте, что все такие. Без женского полу всё одно чего-то не хватает. Хотя бы даже глупости их, например.

Грей. Как раз глупостей мне тут и без женщин удаётся послушать немало. Чаще всего – от своего боцмана. Ну, с чего ты вдруг взял, что я так плохо думаю о женщинах?! Я никак не мог дать повода к таким... странным мыслям.

Пантен. Логика, капитан. Я догадлив! Когда мы гостили в замке у Вашей матушки – помните? – слуги мне рассказали один случай. Из Вашего детства. Я вот тут сразу и смекнул!

Грей. Бог ты мой! Даже в голову не приходит, что такое они могли тебе рассказать!

Пантен. Да тот случай на кухне, когда Вам было лет десять. Служанка, как её, – Бетси, кажется? – обварила руку кипятком, помните? А Вам её так жаль стало, что Вы в суматохе половник зачерпнули и себе на руку тоже кипящий бульон вылили. Чтобы, значит, понять его, это, чужое страдание-то! Вот характер у Вас, а? С таких-то лет! Сила, капитан, сила!

Грей. Да, был такой случай. Потом я её к врачу повёл. И мы, кстати, с Бетси стали большими друзьями. Я не понимаю, Пантен, почему ты решил, что я из-за этого должен быть в обиде на всех женщин?

Пантен. В том-то и заковырка! Мальчишка Грей был в душе героем, а дамочка – что?

Грей. Что?

Пантен. А то! Когда она ошпарилась, и малыш подошёл к ней с сочувствием, и спросил, значит, – больно ли тебе, мол, девица, – она что тогда сказала?

Грей. Не помню.

Пантен. Вот! А слуги помнят! Она ответила, слезами истекая: «Попробуй, так узнаешь!» Чувствуете? Ей, конечно, и в голову не могло прийти, что мальчишка побежит пробовать! Потому

что сама бы она ни за что не побежала бы. И понять женщинам настоящего рыцаря, даже если ему всего-то ещё десять лет, не дано!.. Да. Вот это-то и обидно. Ради кого страдаем!

Грей. Да, Пантен. Ты, конечно, хороший боцман, но иногда такого себе накрутишь в голове, что белое чёрным начинает казаться. Могу тебя твёрдо уверить – у меня к женщинам отношение самое уважительное. А то, что один пока, так просто не встретил, видать, судьбу свою.

Пантен. Смейтесь, смейтесь над стариком, капитан! Может, я в чём-то и ошибся. Может, и фантазии у меня много, но мне ясно как божий день, что судьба эта Ваша встретится очень-очень скоро.

Грей. Да ну? Не знал, что ты ещё и волшебник у нас, предсказатель.

Пантен. Смейтесь, смейтесь. Поживёте с моё, тоже волшебником станете. Я ж по глазам-то всё вижу. Да и по возрасту... Пора уж... Да...

Возвращается Юнга.

Пантен. Ну что, всё принёс?

Юнга. Так точно!

Грей. Как тебе морская служба, юнга? Домой ещё не тянет?

Юнга. Тянет! Но я не хочу! Прекрасная служба, господин капитан!

Грей. Молодец. Как ураган перенёс, не страшно было?

Юнга. Это был не ураган, а свежий ветер, господин капитан!

Грей. Хм. Понятно. И я даже догадываюсь, откуда этот ветер дует... Пантен, про корабль не забудьте. Скоро земля.

Пантен. Всё будет сделано, господин капитан! И хорошего Вам улова, господин капитан! Эй, на вахте! Свистать всех наверх! Живее! Собрание на полубаке! Время пошло!

Вахтанный вдали кричит: «Свистать всех наверх!».

Пантен (юнге). Так, идем, боец. Перевязка откладывается на десять минут.

Уходят. Грей остаётся один.

Грей:

Порой приходят грустные минуты,

И снова я у чистого листа...

[См. «Тексты песен» на стр. 59–69.]

АКТ II

СЦЕНА 1. РАССВЕТ

Ночь (или очень раннее утро, до восхода). Сверчки, цикады и шум прибоя.

На авансцене камень (тот же, что и в сцене встречи с Волшебником).

Появляется Ассоль.

Ассоль. Какое всё теперь маленькое. И этот камень, и ручей... Наверное, он всё-таки обмелел... Сейчас бы сюда никакая яхта не доплыла бы. *(Садится на камень, повторяя с интонацией Волшебника.)* «Яхта, покинутая экипажем, была выброшена на песок трёхвершковым валом. Потому что я – самый главный волшебник. Клянусь Гриммами, Эзопом и Андерсеном...» *(Встаёт.)* А море такое же... Какой странный человек. И почему он клялся Андерсеном? «Не знаю, сколько пройдёт лет...» Не знаю. Я ничего, ничего не знаю.

Садится рядом с камнем, положив на него руки и голову. Звучит музыка.

Ассоль. «„Зачем вы приехали? Кого вы ищете?“ – спросят люди. На берегу соберётся много народу, удивляясь и ахая. А корабль величественно подойдёт к самому берегу под звуки прекрасной музыки.»

Музыка звучит громче. Раздаются немного нереальные голоса.

Голос маленькой Ассоль. Это всё мне? Может быть, он уже пришёл... тот корабль?

Голос прекрасного принца. Здравствуй, Ассоль! Далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне. Я приехал, чтобы увезти тебя навсегда в своё царство. Жить мы станем с тобой дружно и весело.

Голоса людей. Зачем вы приехали? Кого вы ищете? Зачем...

Голос прекрасного принца. Я увидел тебя во сне. Никогда твоя душа не узнает слёз и печали. Здравствуй, Ассоль, здравствуй!.. Я приехал, чтобы увезти тебя...

Голос плавно затихает. Ассоль спит. С противоположной стороны сцены появляются Грей и матрос Летика с удочками.

Летика (*громко напевает*):

«Секрет», надёжней судна в мире нет!
«Секрет» нас выведет на свет,
«Секрет» – команды не найдёшь сильней,
И в этом весь секрет!

Грей. Не кричи, Летика. Всю рыбу распугал.

Летика. Эх, господин капитан! Той рыбе, которую мы поймали, уже всё равно, пугай – не пугай. Да и где ж Вы крик-то услышали? Кричат бакланы у причала, а я, между прочим, пою.

Грей. Ну, молодец, молодец. Только пой потише. И лучше про себя.

Летика. Хм, про себя петь как-то нескромно... Кажется, тут неплохое местечко, капитан.

Грей. Да, пожалуй. Здесь и отдохнём.

Летика. Есть, привал! Скажите, капитан, а правда ли говорят, будто бы родом Вы из знатного семейства? Я думал, что всякие там графья – сплошные неженки и белоручки.

Грей. Это неинтересно, Летика.

Летика. Нет, ну ведь это же удивительный случай! А я, знаете, большой любитель удивительных случаев. Я их собираю и коллекционирую. Честное слово, если б я был писателем, капитан, я бы давно уже издал такую книжку удивительных случаев. Она бы так и называлась «Книга Летики». А что? Все стремились бы туда попасть! Я даже думаю, что многие специально стали бы создавать такие случаи или придумывать всякие странные

достижения, только чтобы попасть в мою книгу! Я, конечно, сразу стал бы миллионером, купил бы себе замок, потом стал бы графом, как Вы, сидел бы себе в этом замке и плевал в потолок. Красота! И уж, клянусь, никакие солёные ветры не затащили бы меня обратно в море.

Грей. Это тебе так кажется, Летика.

Летика. Все равно не понимаю. Плавать на паруснике по морям, трудиться день за днём, качаться на волнах, рисковать жизнью. Зачем? Для чего? Если уже все есть – и дом, и еда, и титул, и деньги...

Грей. Летика!.. Давай-ка, лучше помолчим и послушаем. Слышишь?

Летика. Чего?

Грей. Тихо так. Хорошо. Лес, море. Действительно, красота, правда? Настоящая.

Летика *(снова поёт)*:

...и в этом весь секре-е-ет.

Грей. Разводи лучше огонь, певец. Перекусим немного.

Летика. Есть, огонь! Разрешите отчалить за хворостом?

Грей. Разрешаю.

Летика уходит. Грей направляется в сторону, где уснула Ассоль.

Обнаруживает её. Долго разглядывает.

«Грей присел на корточки, заглядывая девушке в лицо... не подозревая, что напоминает собой Фавна с картины Беклина...»

Летика возвращается с хворостом.

Летика. Капитан, где Вы?

Летика идёт к Грею.

Грей встаёт, собирается уходить. Вдруг передумывает. Задумчиво снимает с пальца кольцо и опускает его на мизинец Ассоль. Оглянувшись, Грей обнаруживает, что сзади стоит сильно удивлённый Летика.

Грей. А, это ты, Летика! Посмотри-ка на неё. Что, хороша?

Летика. Дивное художественное полотно! В соображении обстоятельств есть нечто располагающее... Но я не успел развести костёр, капитан, потому что искал Вас...

Грей. Тише, Летика. Уйдём отсюда. *(Отходят.)* Уже светает. Костёр, пожалуй, не стоит разводить... Там за деревьями какая-то деревушка, видишь?

Летика. Ну, так и что такого? Разве мы им помешаем?

Грей. Летика, постарайся тихо разговаривать, хорошо? Мы сейчас пойдём туда. Ты ведь сможешь определить своим опытным глазом, где трактир?

Летика. Отсюда очень трудно... Должно быть, вон та чёрная крыша.

Грей. Что же в той крыше приметного?

Летика. Сам не знаю, капитан. Ничего больше, как голос сердца.

Грей тут же оглядывается в сторону спящей Ассоль. Далее Летика забывается и говорит с каждой фразой всё громче.

Грей. Идём.

Летика. А удочки?! Вещи?!.

Грей. Оставь. Потом... *(Снова оглядывается в сторону Ассоль.)* Впрочем, прикрой хвостом, чтобы никто случайно не увидел.

Летика. Эх, капитан! Я поймал четыре мурены и ещё какую-то толстую, как пузырь, а Вы говорите, оставь...

Грей. Тише, Летика, тише!

Летика прячет под охапкой хвоста удочки.

Летика. Да я тихо... Всё, можно идти! Никто не... *(Спотыкается. Говорит очень громко.)* Чёрт!!! Пенёк тут ещё этот!..

Ассоль пошевелилась. Грей хватается за шиворот и быстро увлекает за собой. Ассоль остаётся на сцене одна. Просыпается.

Ассоль. Что это? Чья эта шутка? Чья шутка? Разве я сплю? Может быть, нашла и забыла?

Ассоль осматривается вокруг. Держа в пригоршне кольцо, рассматривает его. Смотрит на небо. Прячет кольцо за лиф. Неожиданно обращает внимание на камень. Рассматривает его, как диковинку. Обращается к камню.

Спасибо! Спасибо тебе, брат мой! Я знала... я всегда знала, что это правда! Да, все говорят, что так не бывает. Так не бывает никогда! Но, пожалуйста, пусть хотя бы сейчас это будет не сон! Пожалуйста!

Со стороны, куда ушли Грей с Летикой, появляется Циммер со своей виолончелью. Замечает издали Ассоль. Останавливается. Ассоль спиной к нему. Снова смотрит на кольцо. Смеётся. Обнимает камень.

Циммер. Бог ты мой! Она здесь!.. Не пойму, смеётся или... плачет? Ассоль!!!

Ассоль испуганно вскакивает, не оборачиваясь на голос.

Ассоль. Волшебник? Нет. Это выше моих сил... я схожу с ума... только не сейчас...

Не оглядываясь убегает.

Циммер. Постой! Ассоль! Я только хотел сказать... *(Подходит к камню.)* А что? Что я мог бы ей теперь сказать? «Прости?» Так просто? Всего лишь слово – и больше ничего. Так же просто, как сказал когда-то маленькому доверчивому существу несколько других слов... Но мог ли я знать тогда, что моя невинная шутка так перевернёт ей всю жизнь?!.. Наверное, мог. Должен был знать! Видит Бог, хотел подарить ребёнку сказку! Всего лишь. А подарил несбыточную надежду, бесконечное ожидание, насмешки окружающих. Какое я имел право? Самонадеянный глупец. Пара слов и вот – целая жизнь страда-

ний... Эх, брат, ты оказался совсем никудышным волшебником.
(Играет на виолончели.)

Душа у девчонки свободна как птица,
Но, каждый встречая рассвет,
Всё ждёт, почему-то, прекрасного принца,
Которого, может быть, нет...

[См. «Тексты песен» на стр. 59–69.]

СЦЕНА 2. СНОВА В ТРАКТИРЕ

Циммер перестаёт играть. Немногочисленные посетители хлопают. Уходят из трактира. Остаются только Грей и Летика. За стойкой хлопочет Меннерс. За своим отдельным столиком снова сидит угольщик Филипп. За другой усаживается Циммер. Он явно не в настроении.

Грей. Как тебе, Летика? По-моему, очень неплохо.

Летика. Хорошую музыку я люблю послушать, особенно в такой глуши и после долгого плавания.

Грей. Да... Господин музыкант!

Циммер. Меня зовут Циммер, сударь.

Грей. Очень приятно, господин Циммер. Я, с Вашего позволения, сообщу Вам своё имя немного позже. Надеюсь, что нам удастся встретиться в скором времени.

Циммер (*равнодушно*). Вы хотите предложить мне работу? Благодарю, господин капитан, в здешних краях это большая редкость.

Грей. Пока не могу сказать точно. У Вас есть ещё знакомые музыканты? На случай, если мне бы понадобился небольшой оркестрик.

Циммер. Думаю, что я смогу найти достойных людей.

Грей. Замечательно! Но поговорим об этом позже.

Циммер. Как Вам будет угодно, господин капитан.

Меннерс. Вам чаю?

Циммер. Нет. На этот раз можно чего-нибудь покрепче.

Меннерс наливает Циммеру из бутылки. Грей подзывает Меннерса. Тот подбегает, полный подобострастия.

Грей. Вы, разумеется, знаете здесь всех жителей. Меня интересует имя молодой девушки [в косынке, в ... платье], тёмно-русой и невысокой, в возрасте от семнадцати до двадцати лет. Я встретил её неподалёку отсюда. Как её имя?

Меннерс. Хм! Это, должно быть, Корабельная Ассоль. Она полоумная.

Грей (*равнодушно*). В самом деле? Как же это случилось?

Меннерс. Когда так, извольте послушать. Лет семь тому назад встретила она колдуна-предсказателя на берегу, а может, и не встречала никого, только стало ей чудиться, что за нею приплывёт корабль с алыми парусами. Таких кораблей не бывает в природе, Вы же понимаете. Но она всё ждёт, глупая, как бы мы над ней не смеялись. С тех пор так её и зовут – Ассоль Корабельная.

Грей. А вы над ней, значит, смеётесь.

Меннерс. Что Вы! Я не о себе! Народ у нас, сами понимаете, грубоват. Опять же, и женщины местные – как им не смеяться, коли Ассоль с этого безумного корабля прекрасного принца ждёт. Якобы, он именно её тут же выберет себе в жёны. Эта глупость многим кажется даже очень оскорбительной! К тому же, и отец у неё сущий мерзавец. Он утопил моего папашу, как кошку какую-нибудь, прости господи. Он...

Филипп (*громко и свирепо*):

Корзинщик, корзинщик,

Дери с нас за корзины!..

Меннерс. Опять ты нагрузился, вельбот проклятый! Уходи вон!

Филипп:

...Но только бойся попадать

В наши Палестины!..

Меннерс (*Грею*). Дрянь, а не человек. Каждый раз такая история!

Грей. Более Вы ничего не можете рассказать?

Циммер. Я могу!

Меннерс. Нет, нет! Не перебивайте. Уж я начал, я и закончу! Так вот. Отец её – мерзавец, как я Вам уже гово...

Филипп. Ты врешь! Ты врешь так гнусно и ненатурально, что я протрезвел! (*Грею*.) Он врёт. Его отец тоже врал; врила и мать. Такая порода. Можете быть покойны – Ассоль так же здорова, как мы с вами. Я с ней разговаривал. У неё хорошая голова. Это сейчас видно. С тобой, Меннерс, она, понятно, не скажет и двух слов. Но я, сударь, в свободном угольном деле презираю суды и толки! Она говорит, как большая, но причудливый её разговор. Вот, к примеру, раз завелось дело о ремесле. «Я тебе что скажу, – говорит она, – моя работа не скучная, только всё хочется придумать что-нибудь особенное. Я, говорит, хочу так изловчиться, чтобы у меня на доске сама плавала лодка, а гребцы

гребли бы по-настоящему; а потом они пристают к берегу и, точно живые, садятся на берегу закусывать». Я, это, захохотал, мне стало быть, смешно стало, и говорю: «Ну, Ассоль, такое уж твоё дело, потому и мысли у тебя такие, а вокруг-то посмотри: все в работе, как в драке.» – «Нет, – говорит она, – когда рыбак ловит рыбу, он думает, что поймает самую большую рыбу, какой никто не ловил.» – «Ну, – спрашиваю, – а я как же?» – «А ты, – смеётся она, – ты, верно, когда наваливаешь углём корзину, то думаешь, что она зацветёт». Вот какое слово она сказала! В ту же минуту дёрнуло меня, сознаюсь, посмотреть на пустую корзину, и так мне вошло в глаза, будто из прутьев поползли почки; лопнули эти почки, брызнуло по корзине листом и... пропало. Я малость протрезвел даже!.. Вот... А Меннерс врёт и денег не берёт, – я его знаю! *(Меннерсу.)* Рому давай, чего стоишь!

Меннерс из-за стойки, игнорируя Филиппа, обращается к Грею.

Меннерс. Прикажете подать что-нибудь?

Грей. Нет. Мы уходим.

Циммер. Капитан, если Вы ещё не передумали насчёт оркестра, то я хотел бы Вас немного проводить... Чтобы уточнить, м-м-м, состав инструментов.

Грей. Состав?.. А, хорошо. Идёмте.

Грей расплачивается и уходит вместе с Летикой и Циммером.

Меннерс. Ещё один сумасшедший. Да ещё миллионер! Оставил столько золота, что можно полгода не работать! Эх, живут же люди... *(Поёт.)*

Моей тоски глубокой и печали
Людишки никогда не замечали...

[См. «Тексты песен» на стр. 59–69.]

СЦЕНА 3. ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Активная музыка, на фоне которой периодически возникают в разных местах локально высвеченные быстрые диалоги...

1. Грей и боцман Пантен:

– Капитан, тут один маклер предлагает выгодный фрахт с премией.

– Пантен, сообщите людям, что сегодня мы поднимаем якорь и переходим в устье Лилианы, миль десять отсюда. Придите за картой. Лоцмана не брать. Пока всё... Выгодный фрахт мне не нужен. Я буду в городе до вечера.

– Что случилось?

– Решительно ничего. Матросам скажите, что предстоит мелкий ремонт. Потом всё объясню.

– Будет исполнено...

2. Грей и Продавец тканей:

– У меня лучший шёлк в городе, сударь, самый лучший! Есть, конечно, и красный...

– Нет. Этот слишком бледный.

– В таком случае есть с прекрасным розоватым оттенком!

– Нет.

– Вишнёвый? Оранжевый?

– Нет. Нет.

– Тёмно-рыжий?

– Нет. Всё не то...

3. Пантен:

Пантен один.

– Что происходит, чёрт возьми? Уж не выступаем ли мы под чёрным флагом?

Подбегает Матрос (или Юнга).

- Боцман, там какие-то люди с трубами, барабанами и другими скрипками.
- Что им-то здесь нужно?
- Говорят, что капитан позвал их на «Секрет».
- Дьявольщина! Отведи их пока в кубрик и никуда не выпускай. Дальше видно будет.

4. Снова Грей и Продавец тканей:

- Довольно образцов! Этот шёлк я беру.
- Весь кусок?.. Нет?.. В таком случае, сколько метров?
- Одну секунду... Так... выходит... две тысячи метров. Да, не более двух тысяч метров.
- Две? Тысячи? Метров? Прошу Вас сесть, капитан. Две тысячи... Вот спички, вот прекрасный табак, прошу вас. Две... Это будет... это ж будет... Господи!.. два километра!..

5. Финал музыки – Грей выступает перед командой:

– Ничего особенного, друзья мои! Мы простоим в устье реки, пока не сменим весь такелаж. Из красного шёлка будут сделаны новые паруса для «Секрета». Затем мы отправимся недалеко отсюда... Я еду к жене. Она ещё не жена мне, но будет ею. Мне нужны алые паруса, чтобы ещё издали, как условлено с нею, она заметила нас. Вот и всё. Как видите, здесь нет ничего таинственного. И довольно об этом.

Матрос. Так вот в чём дело, капитан! Не нам, конечно, судить об этом. Как желаете, так и будет. Я поздравляю Вас!

Грей. Благодарю!

Матросы по очереди подходят к Грею и пожимают ему руку.

Юнга переговаривается с Матросом.

Юнга. Том, а ты как женился?

Матрос (*гордо*). Я поймал её за юбку, когда она хотела выскочить от меня в окно!

Все постепенно расходятся. На «палубе» Грей и Пантен.

Пантен. Лево четверть румба, лево! Стой: ещё четверть! (*Грею*.) Знаете, я доволен.

Грей. Чем?

Пантен. Тем же, чем и Вы. Мне всё ясно, как божий день.

Грей. Что Вам ясно?

Пантен. Лучший способ провезти контрабандную материю! Ведь всякий может иметь такие паруса, какие хочет, правда? У Вас гениальная голова, Грей! Ха-ха-ха!!!

Грей. Бедный Пантен! Ваша догадка остроумна, но лишена всякой основы. Сейчас, когда в сердце моём больше счастья, чем у слона при виде булочки, я попытаюсь настроить Вас в унисон со своими мыслями.

Скоро Вы увидите девушку, которая не может, не должна иначе выйти замуж, как только таким способом, который я развиваю на ваших глазах. Я прихожу к той, которая ждёт меня, и не хочу никого другого, кроме неё, может быть, именно потому, что благодаря ей я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками.

Когда для человека главное – получить дражайший пятак, легко дать этот пятак, но когда душа таит зерно пламенного растения – надежды на чудо, то сделай ему это чудо, если ты в состоянии.

Новая душа будет у него и новая у тебя. Когда начальник тюрьмы сам выпустит заключённого, когда миллиардер подарит поэту виллу, а жокей придержит лошадь ради другого коня, которому не везёт, – тогда все поймут, как это невыразимо чудесно! Но есть не меньшие чудеса: улыбка, веселье, прощенье, просто доброе слово. Владеть этим – значит владеть всем. Что до меня, то наше начало – моё и Ассоль – останется нам навсегда в алом отблеске парусов, созданных глубиной сердца, знающего, что такое любовь. Поняли Вы меня?

Пантен. Да, капитан. Я всё понял. Вы меня... тронули. Пойду-ка я вниз и попрошу прощения у Никса, которого вчера ругал за потопленное ведро. И дам ему табаку, пожалуй, – свой-то он проиграл в карты.

СЦЕНА 4. ФИЛИПП СПАСАЕТ АССОЛЬ

Деревенская улица. Идут два рыбака и Меннерс.

2-й рыбак. Слушай, Меннерс... давай начистоту... у тебя прямо с собой, вот тут, случайно, нет рома?

1-й рыбак. Только честно!

2-й рыбак. Да. И не это...

1-й рыбак. Не юли.

2-й рыбак. Да. Не юли. Мы этого не любим. Вообще.

1-й рыбак. Абсолютно!

Меннерс. Я всё понимаю, братцы! Конечно, у меня есть немало рому. Специально для вас, прямо с собой и... совершенно случайно!

1-й рыбак. О! Другое дело! Давно бы так! А то всё ходишь вокруг да около.

2-й рыбак. Цыц! Тихо. Меннерс – мой друг. И он где ходит, там и ходит. Правильно?

1-й рыбак. Абсолютно.

2-й рыбак. Вот и я говорю. Доставай, друг Меннерс, бутылку. А после ро-ма пора до до-ма...

Все хором. ...и берег ве-се-ло качается.

Меннерс. Тихо! Идёт! Всё. Я буду говорить, понятно? (*Молчание.*) А... бутылка потом. Потом.

Рыбаки (*вместе*). Понятно.

Появляется Ассоль.

Меннерс. Ассоль! Ну, наконец-то! Где ты ходишь? Тебя тут все ищут, уже с ног сбились!

Ассоль. Меня? Что случилось?

Меннерс. Всё в город ходишь со своими игрушками, а тут такое происходит!..

2-й рыбак. Да! Та-акое тут! Ого-го!

1-й рыбак. Абсолютно!

Меннерс. Ассоль, признаю, я был неправ. Мы все были неправы, правда? Мы смеялись над тобой, потому что просто не могли в это поверить. Никак не могли. Мы даже, когда увидели, не поверили своим глазам, правда? Ты посмотри на этих мужественных людей, Ассоль, дорогая! Сегодня у них слёзы текли по щекам, когда они увидели это чудо в нашей бухте!

1-й рыбак. До сих пор не могу... понять.

2-й рыбак. Я тоже.

Ассоль. Какое чудо? Пожалуйста... не надо так... шутить.

Меннерс. Как вам не стыдно! Я не позволю больше никому над ней смеяться! Бедняжка Ассоль! Когда этот корабль появился в нашей гавани, у меня все окна в доме покраснели от его парусов!

2-й рыбак. Ничего себе! А я не видел...

Меннерс. Как ты мог видеть мои окна, болван, если ты в это время смотрел на корабль!

2-й рыбак. Я?

Меннерс. Ассоль, дорогая, я сразу всё понял! И, конечно, побежал на берег.

1-й рыбак. Точно! Это ты говоришь про корабль с алыми парусами? Я его видел. Абсолютно!

Ассоль. Я... я была в городе. Как же я могла знать?..

Невольно хватается рукой за кольцо на пальце.

Меннерс. Что там у тебя, Ассоль? Рука болит?

Ассоль. Нет. Ничего.

Меннерс. Он, конечно, искал тебя, но что мы могли поделаться? Кажется, он сильно спешил.

Ассоль. Кто?

Меннерс. Ну, расскажите ей, хотя бы как он выглядел, тот красавец с корабля, что вы всё молчите? Высокий, смелый, благородный.

2-й рыбак. Точно! Такой. Он ещё просто вообще это...

1-й рыбак. Со шпагой.

2-й рыбак. Вот. Я и говорю. Тут, на боку прямо шпага такая – ух!

Ассоль. Вы... вы шутите? Откуда он меня знает?

Меннерс. Бог ты мой! Мало ли, откуда? А корабль с красными парусами откуда взялся? Тоже ведь загадка! Мы, конечно,

сказали ему, что ты в город пошла. Ведь ты всегда у нас в город ходишь...

Ассоль. Когда же это было? Давно?

2-й рыбак. Давно.

1-й рыбак. Но не очень.

2-й рыбак. Мы как раз рыбу ловили.

1-й рыбак. Точно! Это ж как раз когда я чуть не вытащил ту здоровенную макрель! Помнишь? О! Вы не поверите! Это надо было видеть! Вот уж попалась макрель, так макрель – в жизни такой не встречал! Абсолютно! Я ещё подумал сперва – что за чёрт? Акулу, что ли, подцепил? Представляете? Ну, с метр длины там точно будет, или больше – не знаю, врать не буду, – но тяжёлая, гадина, не поднять! Вот, абсолютно! Уж я её и так, и...

Меннерс. Он письмо для тебя оставил, Ассоль.

Ассоль. Что? Какое письмо?

Меннерс (*похлопывая себя по карману*). Откуда мне знать? Я чужих писем не читаю. Может, здесь и не письмо вовсе, а так – просто записка. С обратным адресом.

Ассоль. Оно у вас?

Меннерс. Ассоль, ты же знаешь, я человек простой, ни на кого зла не держу.

Достаёт конверт.

Поднимает его над головой.

2-й рыбак (*озадаченно*). О-па!..

Меннерс. Но душа моя болит, Ассоль. Болит и страдает. Скорбный дух моего отца не даёт мне покоя. И я в ответе за него. Мы все в ответе за своих отцов, Ассоль.

Ассоль. Но это не так! Мой отец мне рассказал...

Меннерс. Твой отец не в силах сознаться и хотя бы попросить прощенья. Мне очень жаль, Ассоль, но придётся это сделать тебе.

Ассоль. Лонгрэн невиновен, клянусь вам, это правда!
Меннерс (*убирая письмо в карман*). Что ж, мы друг друга не поняли. В таком случае, я пошёл.

1-й рыбак. И я пошёл.

2-й рыбак. Да уж, повеселились...

Ассоль. Постойте! Погодите! Что Вы от меня-то хотите?

Меннерс. Ничего особенного. Попроси прощения. И все.

Ассоль. Прощения?

Меннерс. Да. Это же так просто. Ты говоришь: «Простите, господин Меннерс, моего отца». А я отдаю тебе письмо. И всё. Ну, смелее.

Ассоль. Простите... моего...

Меннерс. На колени.

Ассоль. Что?

Меннерс. На ко-ле-ни!

Ассоль. Не смейтесь надо мной, пожалуйста. Зачем Вам это?

Меннерс. Мне не до шуток, Ассоль. Клянусь, я порву это письмо на мелкие кусочки! Развею по ветру все твои алые паруса! И уже никто – никогда! – не узнает, откуда и куда они уплыли! Слышишь? На колени, я сказал!

Ассоль медленно опускается на колени.

Со спины у Меннерса выходит Филипп с парой огромных корзин. Увидев происходящее, останавливается. Ставит корзины на землю.

Ассоль. Клянусь Богом, отец мой невиновен...

Меннерс начинает медленно разрывать письмо пополам.

Ассоль. Нет! Прошу Вас!

Меннерс. Это неправильные слова, Ассоль.

2-й рыбак. Слушай, Меннерс, может, он и вправду это... не того...

Меннерс. Молчать! (Ассоль.) Говорю в последний раз. Проси прощения.

Ассоль. Господин Меннерс...

Меннерс. Я слушаю. Очень внимательно слушаю.

Ассоль. Пожалуйста... я... я не могу...

Меннерс. А ты постарайся.

Филипп подсакивает к Меннерсу, одной рукой хватая его за шиворот, другой выхватывает у него письмо. Отбрасывает Меннерса в сторону.

Рыбаки тут же испуганно убегают.

Меннерс. Ага, защитничек нашёлся! Ладно, вы ещё пожалуете! Оба! Уж я вам припомню!

Филипп делает движение к Меннерсу, тот вскакивает и убегает. Кричит издали «Вы ещё пожалуете!».

Филипп отдаёт конверт Ассоль.

Ассоль. Спасибо, Филипп. Если бы не ты, я бы, наверное, сейчас умерла.

Филипп. Перестань. Какие глупости. Не с чего тебе тут умирать.

Ассоль. Нет. Это не глупости, Филипп. Это очень-очень важно для меня. Правда!.. (Достаёт пустой лист из конверта.)

Здесь ничего нет... Он, всё-таки, обманул меня. Боже, зачем? Зачем ему всё это?

Филипп. Нехороший человек этот Меннерс. Вечно соврёт и денег не возьмёт – такая у него порода. Уж я-то знаю. Вишь, и бумагу не пожалел. Хорошая бумага, белая... (*Смотрит на Ассоль.*) Эй, ты чего это? А ну-ка хватит! Вот, не люблю я, когда бабы плачут. Не могу. Ну его, этого Меннерса. Нашла из-за чего! Кабацкая его душонка, и дело его – кабак.

Ассоль. Я не... не от этого. Прости, Филипп. Я от радости плачу. Ты не знаешь ещё, как много ты для меня сделал. Ты ведь не меня – надежду мою спас! Если бы ты только знал!..

Филипп. Да ладно. Помог, и слава Богу. Чего там. Рыдать-то уж совсем ни к чему.

Ассоль. Ах, не могу я тебе объяснить сейчас, но... Скоро, очень скоро ты узнаешь. Я чувствую... знаю.

Филипп. Да ты, никак, всё про корабль свой? Эх, кабы чудеса бывали, Ассоль, так любой бы поверил. Ну а так-то откуда? Сама подумай.

Вот, когда мы, бывало, с тобой говорили, так, вроде, и правда получалась. Послушаю тебя, вроде, и поверю. Но потом – глядь – ан и нет! Нету чудес, и всё тут. Я ж, вот, про корзину тогда послушал. Смотрю – и вправду расцвела! Я, понятно, бегом к мужикам нашим с этой корзиной. И что? Только они на неё дыхнули – раз, и нет ничего! Как не бывало! Смотрю сам – точно! – никогда ничего там и не было вовсе! Морока просто какая-то, и всё тут.

Ассоль. Чудес не видят те, кто в них не верит, Филипп.

Филипп. Ну... не знаю... не знаю... Колечко вон у тебя красивое.

Ассоль. Тебе нравится? Мне тоже. Очень... Я скоро уеду, Филипп. Наверное, уеду совсем. Ты не говори никому об этом.

Филипп. Хочешь уехать? Куда же ты собралась?

Ассоль. Не знаю. Всё это мне неизвестно. Я не знаю ни дня, ни часа и даже не знаю, куда... Ты часто меня возил и... На всякий случай – прощай. Спасибо тебе за всё!

Ассоль быстро обнимает Филиппа и убегает.

Филипп. Чудеса. Поди-ка пойми её. Что-то с ней сегодня... такое... *(Подходит к корзине и видит, что корзина зацвела.)* Матерь божья! Ну, опять! Ведь зацвела же!.. Зацвела же... ведь... Как же это?.. зацвела... Матерь...

Обнимает корзину. Уходит с ней, словно с ребёнком в руках.

СЦЕНА 5. АЛЫЙ «СЕКРЕТ»

Раннее утро. Ассоль и Лонгрэн.

Лонгрэн. Ассоль, что с тобой в последнее время? Ты не больна?

Ассоль. Нет, я здорова... Мне весело. Верно, мне весело оттого, что это утро так прекрасно! А что ты надумал? Я вижу по твоему лицу, что ты что-то надумал.

Лонгрэн. Что бы я ни надумал, ты поймёшь меня, я знаю. Жить нечем. Я решил поступить на местный почтовый пароход. Не волнуйся, плавания будут недолгие.

Ассоль *(неожиданно резко, испуганно)*. Нет! Пожалуйста, не оставляй меня сейчас! Я не вынесу ещё и этого!

Лонгрэн. Ассоль, успокойся. Расскажи, что случилось?

Ассоль. Ничего... Ничего не случилось. Просто, я... очень устала.

Лонгрэн. Они опять над тобой смеются? Кто это? Меннерс?

Ассоль. Отец, я не знаю, что будет. Иногда мне становится так страшно жить среди людей. Они не понимают и не хотят понять то, что я чувствую. Мне становится страшно оттого, что я теряю надежду... теряю с каждым днём...

Лонгрэн. Хорошо, я заложу ружьё и останусь дома ещё на несколько дней. Уж поверь, этого мне хватит, чтобы поговорить с подлецом Меннерсом по душам.

Ассоль. Нет, нет! Оставь его в покое. Я вовсе не думала о нём. Просто... Ты знаешь, иногда мне кажется, что осталось подождать совсем немного! А иногда весь мир словно рушится перед глазами... Остайся хотя бы на этот день, ладно? А потом... потом мы лучше вместе уедем отсюда. Куда угодно!

Лонгрэн. Ассоль, милая, я не понимаю тебя. Ты говоришь – осталось подождать. Но чего? И куда мы уедем, подумай?

Ассоль. Я хотела сказать... что у нас ещё есть еда и... и мы можем пока прожить спокойно несколько дней.

Лонгрэн. Наверное, нам действительно придётся как-то перебраться в город. Пропадёшь ты тут среди местных пьяниц. Если мне удастся устроиться на пароход, то мы сможем потихоньку встать на ноги. А что? Снимем жильё. В городе и женихи культурные – есть из кого выбирать.

Ассоль. Нет. Только не надо об этом, пожалуйста.

Лонгрэн. Хорошо. Я пока молчу. Но когда-нибудь всё равно придётся об этом подумать, Ассоль. Ты уже выросла. Не век же тебе одной быть.

Ассоль. А этот твой пароход... Он когда отплывает?

Лонгрэн. Уже завтра. И, честно говоря, мне надо торопиться в город, пока там ещё требуются моряки.

Ассоль. Хорошо. Иди. А я... я пойду провожу тебя немного.

Лонгрэн. Ты у меня умница, Ассоль! Я сразу знал, что ты всё правильно поймёшь. Пойдём. Это ж будет прекрасная работа.

И недолго плавать, и рядом с домом – ну что ещё надо для счастья, правда?..

Лонгрени Ассоль уходят.

Постепенно нарастая, звучит музыка. На сцене скапливается всё больше народа.

Появляется корабль с алыми парусами...

В толпе постоянное движение, гомон. Отдельно слышны слова и фразы «Ассоль», «Не может быть!», «А паруса-то алые!», «Вот вам и Корабельная Ассоль», «Значит, это всё правда?», «А ты что, не видишь? Алые паруса!»,

«Может, это какая-то ошибка?», «Вот вам и Ассоль!», «А вы не верили! Видите теперь?», «А ты верил(а), что ли?», «А кто верил? КТО ВЕРИЛ-ТО?»,

«Хоть кто-нибудь в это мог поверить?»...

При этом фоном часто повторяется на все лады имя «Ассоль».

Неожиданно все резко смолкают. Толпа расходится и замирает.

В центре стоит Ассоль.

Она медленно идёт вперёд, стараясь не потерять сознание или опасаясь, что видение исчезнет. Вдруг, словно чего-то испугавшись, резко бросается вперёд и кричит.

Ассоль. Я здесь, я здесь! Это я!

Падает на колени, шепчет «это я», падает без чувств. Музыка.

Появляется Грей и с ним моряки «Секрета», в том числе Пантен, Летика, и Юнга. Грей подходит к Ассоль. Поднимает её. Она приходит в себя.

Грей. Ассоль! Ассоль.

Ассоль. Совершенно такой.

Грей. И ты тоже, дитя моё! Вот я и пришёл. Узнала ли ты меня?

Ассоль прячет лицо на груди Грея. Они стоят, обнявшись.

Недалеко в стороне из общей компании матросов выделяется пара «случайно» оказавшихся рядом людей. Это Лонгрени с котомкой и Циммер с виолончелью.

Циммер. Так, значит, это Вы и есть Лонгрени, отец Ассоль?

Лонгрени. Да. Я.

Циммер. Меня уже много лет мучает один вопрос. Как вам тогда в голову пришла столь удивительная мысль – смастерить яхту с алыми парусами? Между нами говоря, мне очень понравилось – игрушка-то вышла великолепная!

Лонгрэн. Так... это был... ТЫ?!

Циммер. Прости. Так уж вышло тогда...

Некоторое время смотрят друг на друга. Потом Лонгрэн протягивает Циммеру руку. Тот её пожимает. Возможно, они обнимаются.

Ассоль. Ты такой... совершенно такой, как я думала... Ты... А ты возьмёшь к нам моего Лонгрена?

Грей. Да. Конечно.

Грей и Ассоль целуются.

Циммер. О! Я вижу, музыкантам пора братья за работу! Господа!..

Дирижирует смычком, играет. Звучит торжественная музыка, переходящая в песню Ассоль, которую исполняют все присутствующие.

Идут минуты не спеша,
А годы мчатся вскачь.
Взрослеет нежная душа,
Хоть радуйся, хоть плачь...

[См. «Тексты песен» на стр. 59–69.]

Занавес.

На авансцене к Старушке, которая внимательно вглядывается вдаль, подходят два рыбака.

1-й рыбак. Эй, бабуля, ты что там высматриваешь?

Старушка. Не твоё дело, иди куда шёл.

2-й рыбак. А что там такое? Ничего не вижу...

1-й рыбак. Да я вот тоже не вижу.

Старушка. И я.

Рыбаки *(вместе)*. Что?!

2-й рыбак. Не понял!

1-й рыбак. Абсолютно!

Старушка. Я сказала, идите отсюда, вы мне мешаете! Я, может, человека жду! Понятно?

2-й рыбак. Какого человека?

Старушка. Да уж получше вас будет, сорнячки несчастные.

2-й рыбак. Может, тебе, мать, лучше это... доктора позвать?

1-й рыбак *(другому)*. Слушай, а может, она как раз его и ждёт?..

Старушка. Я вам сейчас покажу дохтура! Я вам сейчас такого дохтура покажу, пьяницы проклятые! Я вам...

Рыбаки убегают от старухи, она гонится за ними...

Зима - весна, 2008

ТЕКСТЫ ПЕСЕН

к мюзиклу «АЛЫЕ ПАРУСА»

ПЕСНЯ РЫБАКОВ

Кто сказал, что в море
Солёная вода?
Только тот, кто рому, кто рому не попил.
Кто сказал, что горе
На море и беда?
Только тот, кто в море, кто в море не ходил!

Припев: А после пива
Волна игрива,
И в белой пене с землёй венчается.
А после рома
Пора до дома,
И берег весело качается.
А после пива
Волна игрива,
Стучатся в лодку хмельные валики.
А после рома
Пора до дома,
Качает суша нас как ялики.

Ты не прячь улыбку,
И не печалься зря,
Милая рыбачка, родимая моя!
Золотую рыбку
Тебе поймаю я,
Если ты дождёшься на берегу меня!

Припев.

ЛОНГРЕН

Где небо встречается с морем,
А море встречается с небом.
Там Солнце в бескрайнем просторе
Плывёт за дельфинами следом.

Прпев: Море сливается с небом,
Небо сливается с морем.
Если счастливым ты не был,
Счастье примчится за горем.

Под волнами звёзды сияют,
В зените челнок рыбака.
Любые печали растают,
Забудятся наверняка.

Прпев.

Чайкою парусник реет,
В море плывут облака.
Сердце надежда согреет
И сбудется наверняка.

АССОЛЬ

Идут минуты не спеша,
А годы мчатся вскачь.
Взрослеет нежная душа,
Хоть радуйся, хоть плачь.

И, продолжая трудный путь,
Молю я небеса,
Оставить мне на время, хоть чуть-чуть
Ту Веру в чудеса.
Лишь веру
В чудеса.

Далёкая мечта – мой талисман:
Взошла заря, и в дымке океан,
На миг затих прибой, и ярко вспыхнула роса,
В ней отразились алые, как сердце, паруса.

Алые, как сердце, паруса.

Как сердце,
Что верит и зовёт,
Как песня,
Что радость нам несёт,
Надежды тайной голоса –
Алые паруса.
Алые паруса.
Алые паруса.

«СЕКРЕТ»

В морях и океанах
О славных капитанах
Слагаются легенды много лет,
А нам иных не надо –
Горою встать мы рады
За капитана Грея и «Секрет».

Под всеми парусами,
От блинда до бизани,
Идём по морю, словно по судьбе.
И все свои маршруты,
От бака и до юта,
Мы сами смело выберем себе.

Секрет
спросите у любых морей.
«Секрет» –
единственный ответ.
«Секрет» –
команды не найти дружней,
И в этом весь секрет.

В морях и океанах
Бушуют ураганы,
Кидают словно щепки корабли.
То к звёздам поднимают,
То в бездну опускают,
И держатся за ванты моряки.

И твёрдой нет опоры,
И волны словно горы,
И в воду с неба рушится вода.
Раскачивает тучи
Девятый вал могучий,
И кажется, весь мир сошёл с ума.

«Секрет»
любых штормов и бурь сильней.
«Секрет»
нас выведет на свет.
«Секрет» –
команды не найти верней,
И в этом весь секрет.

ЦИММЕР

Душа у девчонки свободна, как птица,
Но там, у прибоя,
 встречая рассвет,
Всё ждёт почему-то прекрасного принца,
Которого, может быть, нет.
Всё ждёт, почему-то, прекрасного принца,
Которого, может быть, нет.

И в солнечный день, и в лихое ненастье,
Сквозь сотни столетий,

 сквозь тысячи лет,

Любая былинка мечтает о счастье,
Которого, может быть, нет.
Любая былинка мечтает о счастье,
Которого, может быть, нет.

Но вечно над миром надежда летает,
И всем нашим душам,

 которых не счесть,

Добраться до светлой мечты помогает
Надежда,
Которая всё-таки есть.
Добраться до светлой мечты помогает
Надежда,
Которая всё-таки есть.

МЕННЕРС

Моей тоски глубокой и печали
Людишки никогда не замечали;
Своей тоски, скользящей как причал,
И сам я никогда не замечал.
Друзья меня нисколько не жалеют,
Они свои желания лелеют,
А я всегда терпел, всегда молчал –
Да и друзей совсем не замечал.

Привет: Кричите, ревите
Сколько хотите!
Хоть волосы рвите,
Клыки обломав!
Я всё же хитрее,
А значит, сильнее,
Я просто умнее,
И значит, я прав!

Хотелось быть и добреньким, и честным,
Дарить всем людям счастье повсеместно,
Но если б я такое сотворил,
Кто мне тогда бы счастье подарил?
И все слова красивые болтают,
Что будто бы друг другу помогают,
Но я пустой не верю болтовне –
Уж лучше помогу я сам себе.

Привет.

ФИНАЛ

Идут минуты не спеша,
А годы мчатся вскачь.
Взрослеет нежная душа,
Хоть радуйся, хоть плачь.
В душе звучат мольба, и крик,
И шёпот в небеса:
Оставить нам ещё на миг
Ту веру в чудеса.
Лишь веру
В чудеса.

Припев: Алеют паруса,
Как солнце красное.
Синеют небеса
Над нами ясные.
Мы верим в чудеса,
Чтоб стать прекраснее –
К мечте и счастьем найти пути.
Желаний голоса
С Землёй вращаются,
Влюблённые сердца
Всегда встречаются,
Алеют паруса –
Мечты сбываются,
Как эти алые паруса.

Мечта в душе – наш талисман.
Сквозь горы и леса
Ведёт она, сквозь океан,
Как яхту паруса.
Как яхту паруса.
И сердце верит и зовёт,
И в самых сладких снах
Надежда радость нам несёт
На полных парусах.
Волшебных парусах...

Привет.

Горыныч

Комедия-боевик для подростков

СПИСОК ДЕЙСТВУЮЩИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Баян, он же Старец
Добрыня Никитич
Алёша Попович
Илья Муромец
Забава Путятична
Князь Владимир
Царь Батур
Басурманин, он же Шаман Джалык
Три головы Горыныча
Две девицы
Два стражника
Трое басурманских воинов
и Слуга

Действие первое

Темно. Периодически раздаются странные рычание, урчащие звуки. Напряжённый музыкальный фон (который подошёл бы к фильму ужасов).

Голос Добрыни. Эй!.. Эгей! Есть тут кто али нет никого?!

Гулкое рычание. Тишина. В тишине слышны монотонные завывания
«Айы-ы-ы-ы... айя-я-я-я... айы-ы-ы-ы... айя-я-я-я...»

Постепенно становится светлее, будто глаза привыкают к темноте.

Сцена почти пустая. На заднике вырезаны то ли три арки, то ли три круглых прохода, то ли три тоннеля. На сцене находятся молодой человек в набедренной повязке (Добрыня), большой камень (с человеческий рост) и старик (Старец). В стороне в позе лотоса сидит Басурманин и, покачиваясь, издаёт вышеупомянутые завывания.

Добрыня. Что за напасть! Али кто задумал шуточки шутить? Так мне то не любо!

Гулкое рычание.

Добрыня (*громче*). Не любо мне, говорю! Кто ты, ведьма ли, колдун, ну-ка покажись!

Тишина.

Добрыня. Неча попусту рычать, выдь да покажись, говорю! Али силушки моей испужалися?

Тишина.

Добрыня. Эко дело! Посредь бела дня тьму кромешну напустили, нечестивцы. И где река?

Гулкое рычание.

Добрыня. Где река, спрашиваю, по которой плыл я?!

Тишина.

Добрыня. Батюшки святы, али я утоп? Али я уж помер?..
Голос Старца. Почитай, что так...
Добрыня. Что-о-о?

Оглядывается. Замечает сидящего Старца.

Старец. Да, почитай, что так, молвлю. Вроде оно и жив, а вроде как и помер...

Добрыня. А! Вот ты где, колдунице поганый! Ужо я тебе покажу, волчья сыть!

Старец. Пощади, родимый! Не колдун я, нет!

Добрыня. Отвечай, собака, куды свет божий подевал, не то сам боле свету не взвидишь.

Старец:

Ничего не девал, благодетелец!

Мы и сами в лишеньях великих!

Пощади, Христа ради, Добрынюшка,

Мы и так уж с тобою загублены...

Добрыня. Что Христа помянул, то мне по сердцу. Кто же ты, старец? И откуда имя узнал моё?

Старец:

Православные мы, из Пучаевки.

А тебя же в округе-то знают все.

Ты – Добрыня, видать, сын Никитович.

Я-то сразу приметил, да... только сперва сумлевался.

Добрыня. Что-то речи твои больно чудны. Хоть, кажется, ты не татарин, и на половца тоже не выглядишь... Вот, правда, на колдуна-то боле всего и похож.

Старец:

В жизни был я баяном-сказителем.

Все словечки былинками складывал,

Так мудрено привык речи сказывать,

И теперь так же молвлю, как ранее.

Добрыня. Да не то я вопрошаю! Молви ты себе как умеешь. Но вот об чём речь-то твоя разуметь не могу. Вроде жив, а вроде помер – что это? Да и где мы с тобою теперича? Растолкуй-ка поживее, а то, знаешь, старче, коли силушки много, так терпению уж и места нет!

Старец:

Ни к чему горячиться, Добрынюшка.
Нам спешить уже некуда более.
Успокойся, присядь вот у камушка,
Расскажу тебе все по порядку.
Ты слышал ли про Змея Горыныча?
Что о трех головах, о семи хоботах?
Он в горах обитает Сорочинских
И в Пучай нашей речке купается.

Добрыня. Ещё б не слышать. Я давно с ним встречи ищу. Потому и плывал вот в Пучай-реке, чтоб к себе приманить это чудище. Кабы приманил, так разом бы ему все головы снёс!

Рычание.

Старец:

Вот ты, батенька мой, и доплавался.
Донырлся, родной, доприманивал.
Глянь, куда ты попал, добрый молодец,
Без доспехов своих, без оружия.

Добрыня. Так это Змей поганый тьму напустил? Ну, попадись он мне... Не беда, что без меча да без палицы, я его и этим камушком зашибу!

Старец:

Успокойся, Добрыня, присядь пока...
Уж не ведаю, как и сказать тебе...

Добрыня. Что? Что боишься ты мне молвить? Знай же, со мной тебя никто не тронет. Говори, старик! Что сотворил тут

Змей поганый? Коли реку выпил – убью! Коли Солнце проглотил – разорву на части!

Старец:

Да глотать-то он любит, Добрынюшка,
Не жуёт, слава Богу, нисколечко!
Проглотил он, да только не Солнышко,
А... ты сядь, не труди резвы ноженьки.

Добрыня. Ты о чем это?.. Ты, никак, надо мной насмехаешься? А? Пошто томишь-то душу?! Я ведь тебе не... я ведь... Да скажешь ли ты что-нибудь или нет, волчья сыть?!

Старец (*испуганно*):

Всё скажу, всё скажу, всё поведаю!
Ты же слышишь, уже говорю тебе...
Православные мы, из Пучаевки...
Да теперь в животе мы, в животике...
Не серчай, отпусти душу грешную,
Всё скажу... в животе мы, в животике...

Добрыня. Да ты бредишь, старик! Какой животик?! Где, я спрашиваю, Змей Горыныч прячется?! Отвечай, коли знаешь!

Старец:

Дак не прячется он, не скрывается,
Отдыхает, видать, после завтрака...
Только мы-то с тобою, несчастные,
Только мы-то, Добрыня, в животике!
Проглотило нас это чудовище,
Проглотило и не поперхнулося!
Отпусти, не губи меня, родненький,
Не виновен, ни в чем не повинен я!

Добрыня. Но... как же такое могло случиться? Я же плыл один... вокруг – никого!.. И тут он меня?.. Значит, проглотил, говоришь?

Старец. Проглотил! Так вот – ам! – и порядочек...

Добрыня. Как же я не учуял того? Лишь моргнул, а он уже?
Старец:

Так на это злодейство он шустренький.
Пастью щёлкнуть разок – много ль времени!
Ты ж не первый собой его потчуешь,
Наловчился людишек он кушати.

Добрыня. Ох, да как же теперь... Значит, это вокруг-то всё
Змей?.. И это, значит, такой животище?

Старец:

Да уж, брюхо наел он не малое,
Даром, жрет-то в три морды бессовестно!

Добрыня. Ой, беда мне! Ой, позор! Так вот сгинуть без боя, без
драки! Позор, позор... А это что за чудо-юдо? Никак, басурманин?!

Старец:

Басурманин, да тихий как будто бы.
Не дерётся. Сидит пятый день ужо,
Да всё воет вот так, по-собачьему...
Говорю ему – мил человек, уймись,
Ты ж замолкни, ну хоть на минуточку!
Да всё бестолку – толи не слышит чё,
Толь по-нашему он не кумекает.

Добрыня. Да, знаю я эту братию. Не кумекают, если не хо-
чется.

Глядит в зал.

Старик, а ну, глянь-ко – у тебя ж глаза к темну привык-
ши – кажись, и там есть кто-то. И там, и там... словно чьи глаза
глядят.

Старец:

Да, конечно глядеть, что ж им делать-то?
Тут народу, Добрыня, немерено.
Всё сидят, смотрят, думоньки думают,
Своей участи ждут неминучей.

Добрыня. Ах, вот как! Я-то разумел, мы здесь одни. Но коли так, коль много нас, то и горе не беда – что-нибудь придумаем!.. Ну-ка!

Пытается сдвинуть камень. Из-за него с визгом выбегают Девыцы.

Добрыня. Ого! Ещё и красны девыцы! Вы пошто тут схоронились? Уж не меня ли, красавицы, испужались?

1-я девыца. Ой, да чего ж нам бояться-то! После Змея-то Горыныча!

2-я девыца. Это ж мы тебя, богатыря могучего, смутить боялися – доспех-то на тебе уж больно скромненький!

Добрыня. А ну цыц, болтушки. Не до шуток нынче!

1-я девыца. Ух ты какой грозный! (Смеется.) Отчего ж не пошутить-то, отчего не позабавиться таперича, перед гибелью-то?

Добрыня. Позабавиться, говоришь? Однако ж, славно придумано! А ну-ка, дед, коли ты баян, так доставай свои гусли яровчатые. Сыграй-ка нам плясовую, да позадорнее, позабористей! Сыграй так, чтобы ноги сами в пляс пошли! А мы с вами, девоньки, ножек-то не пожалеем – так отпляшем, что Горыныч сам закорчится, свету белого не взвидит, разков сорок пожалеет, что посмел проглотить человеков!

Старец. И то дело!

Танец.

Грозный рык Змея Горыныча. В моменты, когда головы произносят текст, соответствующие «тоннели» изнутри освещаются (ещё лучше, если они будут слегка шевелиться).

Голос 1-й головы. О-о-ох! Я – первый. Что-то мне плохо!

Голос 2-й головы. Это ужасно, ужасно! Я – второй. Меня разбудили! Я не могу этого терпеть! Меня толкают!

Голос 1-й головы. Болит живот. Второй, второй, это я, первый, что у нас в животе?

Голос 2-й головы. Как будто колет! Все тело колет!.. Или пучит...

Голос 1-й головы. Или ломит?!

Голос 2-й головы. Ломит, ломит и стучит... может быть, простуда?

Добрыня (*тихо*). Ай-яй-яй! Слыхали, наш Горыныч простудился? А ну, девицы, поддайте жару – пуцай прогреется! Давай, дедуля, ещё шибче!

Танец.

Голос 1-й головы. О-о-й ёй ёй! Верно, опять кто-то проглотил носорога!

Голос 2-й головы. Первый, я – второй, я не глотал носорога, я никого не глотал!

Голос 1-й головы. Второй, буди обжору.

Голос 2-й головы. Третий, третий, проснись! Проснись, гадюка! Что за гадость ты съел?

Голос 3-й головы. Ш-ш-ш! Добрый день, братцы!

Голос 1-й головы. Третий, ты опять проглотил носорога?

Голос 3-й головы. Не-е-ет! Только рыбку. Куш-ш-шал рыбку в речке...

Голос 1-й головы. Лжешь, змеёныш!

Голос 2-й головы. Жевать надо, жевать! Сколько раз говорить? Ты, третий – балбес, опять живьем носорога сглотнул!

Голос 3-й головы. Сам ты балбес-с-с!

Голос 2-й головы. Первый, он ещё обзывается, обжора!

Голос 3-й головы. Я не обж-ж-жора, сам ты...

Добрыня между тем с трудом поднял камень и нарочно уронил его.

Три головы (*одновременно*). А-а-а-а-а!!!

Добрыня. Эй! Змей! Слышишь меня?!

Три головы:

– Что это?

– Кто это?

– Где это?

Добрыня. Это говорю я, Добрыня Никитич, русский богатырь! *(Снова поднимая и роня камень.)* Хочу пожелать тебе приятного аппетита!

Три головы *(вместе)*. А-а-а-а-а!!!

Голос 2-й головы. Больно же!

Голос 1-й головы. Перестань, Добрыня, прошу тебя!

Голос 2-й головы. Прекрати немедленно!

Голос 3-й головы. Хватит уж-ш-ш-ш...

Голос 1-й головы. Скажи, чего ты хочешь – всё сделаю!
Только выпустить тебя обратно не смогу!

Голос 3-й головы. Да уж-ш-ш, теперь никак не выплюнуть.

Добрыня. А мы как раз собрались выйти отсель, думали, ты нам поможешь, правда, девицы?

1-я девица *(тихо)*. Ты бы, Добрынюшка, поласковой с ним-то. А то ж осерчает – беды не миновать.

Добрыня. Какой ещё беды?! Нас и так уже съели! Ну уж нет. Я в бою не испугаюсь, да и здесь не уступлю. *(Снова принимается за камень.)*

2-я девица *(тихо – Старцу)*. Ишь, раздухарился богатырь. А ну как змей вздумает водицы испить? Куды мы денемся-то?

Старец. Ой, батюшки святы! Я ж плавать-то не умею!

Басурманин *(показывает Старцу, чтобы тот снова сыграл)*. Эйя! Дрын-дрын! Дрын-дрын!

Старец. О! Ты глянь, и этот взбаламутился!

Добрыня. Дед, а он прав, басурманин-то! Ты чего это гуселки прячешь? Али играть утомился? Давай-ка, за дело! Не время нам отдыхать! *(Роняет камень.)*

Три головы *(хором)*. А-а-а-а-а!!!

Голос 2-й головы. Опять! Просили же по-хорошему!

Голос 3-й головы. Сколько же мож-ж-ж-но?!

Добрыня. Слушай, Змей, меня внимательно, ежели спокойно жить хочешь! Там, на крутом бережку, у Пучай-реки, стоит конь мой богатырский. Ты коня-то не трожь. А вот рядом с ним, на траве густой, сапоги, кафтан да оружие. Ты добро это всё проглоти-ка, да поживей!

Голос 2-й головы. Я не буду есть эти железки!

Голос 3-й головы. Уж-ж-жас! Тут острые предметы!

Голос 2-й головы. Лично я не буду...

Голос 1-й головы. Зачем тебе меч, Добрыня, ты хочешь меня резать?

Добрыня. Я же сказал, что жить спокойно будешь. Значит, так тому и быть! Я сдержу своё слово богатырское! Прорублю наружу выход да после зашью тебе брюхо. А коли надобно будет, окроплю живой водой, чтобы ты, чудище поганое, не издох раньше времени! Уж поверь мне, со спины да изнутри Добрыня врага не убьёт!

Голос 1-й головы. Я должен подумать.

Басурманин *(показывает, что надо поднять и бросить камень)*. Эйя-э? Ы-ы-ы-ы – Хопа! Ы-ы-ы-ы – Хопа!

Добрыня. Тс-с-с! Да погоди ты, погоди.

Голос 3-й головы. Первый, лучш-ш-ше выпить что-нибудь.

Голос 2-й головы. В прошлый раз носорога озером записали – и всё прошло.

Голос 1-й головы. Тихо вы!

1-я девица. Ой, мамочки! Пропали мы, пропали.

Старик падает в обморок, девицы пытаются привести его в чувство.

Голос 1-й головы. Добрыня! Я сделаю, как ты велишь, но только если выкаатишь ты из меня этот камень. Уже три года не могу я ни летать, ни плавать из-за тяжёлого камня в животе.

Голос 3-й головы. Это ж-ж-ж второй проглотил, а говорит, что я обжора!

Голос 2-й головы. Я по ошибке, по ошибке...

Голос 1-й головы. Ну как, Добрыня, ты согласен? Я помогу тебе, а ты поможешь мне...

Голос 2-й головы. Иначе я просто выпью эту речку!

Добрыня. Я согласен, Горыныч. Обещаю выкатить этот камень, но тогда и ты выполи мой наказ! Поклянись не летать впредь на святую Русь, не глотать людей да и не чинить им вреда. Записи напишем мы промеж собой. Записи – договоры. И, коли не нарушим их, не съедемся век повеку во чистом поле, не сделаем бою-драки, кровопролития промеж собой!

Голос 1-й головы. Да будет так!

Из одного «тоннеля» вываливаются на сцену доспехи и оружие.

Добрыня. Вот и славно! Ну что же, девицы-красавицы, можете брюхо зашить?

Две девицы (*хором*). Господь с тобой, мы таким делам не обучены!

Добрыня. Ничего, то дело нехитрое. Нитки-иголки найдутся?

Две девицы. А как же. У нас такое богатство даже при себе имеется.

Добрыня. Что ж, тогда вперед!

Добрыня делает мечом вертикальный разрез в заднике, откуда на сцену пробивается яркий свет. Все, кто находился на сцене, уходят сквозь этот разрез. Последний – Добрыня, толкая перед собой камень.

Добрыня. Девицы, вставляйте нити шёлковые в иголочки острые да узелки вяжите крепкие! Поработаем сейчас на славу за свободу нашу, за вольну волюшку!

Действие второе

Палаты белокаменные князя Владимира. Обеденный зал. За дубовым столом сидят Илья Муромец и Алёша Попович. Попивают зелено вино и слушают Баяна.

Баян:

Из того ли-то из города из Мурома,
Из того ли из села да с Карачарова
Выезжал-то удалой да добрый молодец,
Богатырь всем богатырям Илья Муромец...

Алёша. Э-э-э! Баян! Это как понимать? Богатырь всем богатырям?..

Илья. А как оно сказано, так и понимай. Иль тебе, Алёшка, что не по вкусу пришлось? Так чисто поле-то рядом, пойдём-ка, выйдем.

Алёша. Ну что ты всё выйдем да выйдем?! Я же, Илья Иванович, люблю тебя, как отца родного! А ты – в поле... Мы с тобою – славные русские богатыри! Коли друг дружку порубим, кто ж Владимира-то князя защитит да и Русь нашу матушку?

Илья. Ну-ну. Опять испужался. (Баяну.) Давай, баян, с того же места.

Баян:

...Выезжал-то удалой да добрый молодец,
Богатырь всем богатырям Илья Муромец...

Алёша. Не-е-ет! В сём-то месте ошибочка. Я ж слыхал ту былинку! Ты, баян, коли жить хочешь, так всем угоди, не токмо одному кому-то!

Илья. А пошто опять мешаешь, собачий сын?!

Алёша. Илья Муромец, Ильюша, я же... Ты смотри, князь Владимир осерчает, коли будешь тут...

Илья. На колени, собака!

Алёша. Да ты что! С глазу сдвинулся? Я же тебе не соловей-разбойник...

Илья. На колени, я сказал! Что не люблю тебе в той былине? Говори, гадюка! Али что не правда там?

Алёша (*отступая и опускаясь на колени*). Ну дак слово, одно словечко лишь неверное... «Богатырям» – так не говорят же!

Илья. А как говорят? Ну, давай, скажи! Богатырь всем... ну-ка!

Алёша. Э-э-э, всем... м-м... как это... богатырям...

Илья. Ну! Дале!

Входит Забава Путятична, племянница князя Владимира.

Забава. Ах! Алёша, свет, Попович! Что с вами?!

Алёша. Вот, споткнулся, Забавушка, ничего, пустое дело.

Илья. Я жду!

Забава. Ах, вставайте поскорей на резвы ноженьки! Ить сейчас Владимир-князь сюда пожалует!

Алёша. Он сюда идёт? Я очень рад!

Илья. Прочь уйди, Забава, не мешай! Ты, собака, говори, – кто богатырь всем богатырям?

Алёша (*вставая*). Не богатырям, а богатырям! И вообще, как посмел ты, невежа, говорить со мной столь грубо?! «Прочь уйди» сказал племяннице Владимира! Да за то не сносить тебе головы, увалень безродный!

Достаёт меч.

Илья. Ха-ха! Ну, Алёшенька Попович, не жилец ты боле! Знай, то были твои последние слова!

Достаёт меч. Начинают биться. Илья заметно сильнее. Баян убегает.

Забава. А-а-а-а! На помощь! Люди добрые! Илья-то Муромец Алёшеньку убивает! Ой, господи! Ой, убивают! Ой, помогите!

Входят князь Владимир, Добрыня Никитич,
Стражники (двое).

В л а д и м и р. Это что за дела?!

З а б а в а. Ой, князь-батюшка! Спаси, помоги! Владимир, не допусти беды! Ты глянь, убьёт же он его, погубит Алёшу...

В л а д и м и р. Помолчи, Забава.

Владимир подаёт знак. Двое стражников достают огромные кувалды, подходят со спины к дерущимся и одновременно бьют последних по головам. Богатыри падают, бой прекращается. Чувствуется, что это обычная, часто повторяющаяся процедура.

В л а д и м и р. Проходи, Добрыня Никитич, в палаты. Будь как дома. Да за стол садись и угощайся не стесняясь. Забавушка, налей Добрыне чарку да присядь покуда рядышком с дорогим гостем. Мы ж сперва решим делишки свои малые, опосля поговорим и о больших делах.

По знаку Владимира богатырей приводят в чувство.

В л а д и м и р. Ну так что, неугомонные воители?! Как посмели вы в палатах княжеских драку учинить? Али чиста поля вам не найти уже?

И л ь я. Так я ж и хотел было...

В л а д и м и р. И пошто друг дружку рубите не жалеючи? Али враги у Руси перевелись и биться уж боле не с кем?

И л ь я. Дак, он же – трус! Врагов боится...

З а б а в а. Сам-то больно смелый! На молодых руки поды-мать – велика заслуга!..

В л а д и м и р. Молчать! Перво-наперво ты, Илья Иванович, говори, в чём обида твоя.

И л ь я. Я обид не держу, великий князь. Потому как обидчиков всё больше пополам разрубаю. А нет, так в землю по шею вобью, и добре – никаких тебе обид.

В л а д и м и р. М-да... понятно... Ты, Алёша Попович, слышишь ли меня?

Алёша (*с трудом, оцупывая голову руками*). Да, великий князь.

Владимир. Говори, кто драку учинил и по какой причине.

Алёша. Дозволь мне, князь, промолчать. Дабы не думали, что я напраслину на кого возвожу. Пущай, кто видел, тот расскажет. Всё честь по чести – так оно будет вернее.

Владимир. Ну что ж, Забава Путятична, тебе слово. Молви толком, что видела, да от себя лишнего не прибавляй.

Забава. Отчего же, дядюшка, мне неправду-то говорить? Всё как было, всё без прикрас. Ведь как Алёша-то Попович спотыкнулся, на коленки пал, дак Илья и давай искать его всюду. «Где богатырь, – говорит. – Где богатырь?» Да с испугу, видать, меня толкнул-то в бок, прямо сюды, вот, да и ну гнать меня из палат-то! «Прочь уйди, – говорит. – Прочь!..» Уж не знала, как и спастись-то. Благо, хоть Алёшенька заступился. Тут-то оне и схлестнулись, аки те тучи небесные со громами да сполохами. А я же тогда и...

Владимир. Понятно. Выходит, Илья Муромец во всём виновен. Ой, что-то не верится мне, Забава, ой, не верится... Ну да ладно. Делать нечего. Велю запереть Илью в подвалы крепостные на три дня. Есть, пить давайте, что пожелает... окромя, разве, зелена вина да медовушки. Пущай посидит, одумается.

Илья. Слово князя для меня закон. Богатырю три дня поспать, что иному разок зевнуть. Но смотри, Владимир, чую я, пригрел ты гадюку на груди. Как бы после худо не пришлось.

Алёша. Ступай уж, коли велено.

Илья (*оттолкнув стражников*). Прочь! (*Одному из них*.) Давай ключи. Я себя запрю. Ибо кто ж, как не я сам, сможет Илью Муромца заполнить? А?

Добрыня встаёт.

Илья. Сиди, Добрыня, сиди. Вижу, богатырь ты славный, да князь-то правду молвил – негоже нам супротив друг дружки быть. То-то ж! Стража, за мной!

Илья и Стражники уходят.

Владимир. Теперь ты, Алексей Левонтьич, поповский сын. За прежние твои заслуги немало ты в палатах пожил в сытости и довольстве. Пора уж и потрудиться для Руси нашей, матушки. Настал срок дань платить басурманам. Стало быть, богатырь наш славный, ты и поедешь. А то в прошлый раз посла моего зарубили, поганцы. Видно, дань показалась им невелика... Иди, собирайся в путь-дорогу.

Алёша. Великий князь, Владимир Святославович, за что?! Я же ни в чём не повинен! Я ж Забавушку защищал от этого дикого невежды...

Владимир. А тебя никто и не винит! Я же Илью наказал. А тебе доверяю службу великую. Иди, совершай подвиги во славу земли русской... коли сможешь.

Алёша. Я же к вам всей душой, князь, и родню вашу я...

Владимир. Всё! Иди я сказал! Иль ты сам не можешь? А?

Алёша (уходя, тихо Забаве). Прощайте, Забава Путятична.

Алёша Попович уходит.

Забава. Ой, да как же это?! Да что же Вы творите, князь! Его ж там убьют! Бусурманы! Погубят славного богатыря же! Одумайтесь! Можно ли лучших людей на погибель-то?.. Как это?! Что ж это делается-то?!

В процессе этого потока слов Владимир подаёт знак. Входит Стражник с кувалдой и подкрадывается сзади к Забаве. Она, замечает его и тут же замолкает, закрыв себе рот обеими руками.

Владимир. И чтобы боле ни звука, чуешь? (Забава кивает.) Вот и ладно. (Добрыне.) Ну, Добрыня, самое время и наше дело обсудить... Да ты садись, успокойся. Ничего с ней не случится... Знаю я, что любя тебе племянница моя Забава, и помню, как ты просил её руки у меня.

Добрыня. Да, это так, великий князь. Ты отвечал, что покуда не совершу я подвига для Руси полезного, да не прославлю имя своё, негоже помышлять мне о свадьбе с Забавой Путятичной.

Владимир. Верно, Добрыня Никитич. Знай же, что ныне я с радостью готов благословить вас... Сиди!.. Больше того, за то, что освободил ты народ из полона змеиноного, за великий договор твой с Горынычем, жалую тебе дружину славную. Велю, чтобы стал ты главным воеводой. Охранял бы стольный Киев-град от врагов заклятых да жил в палатах княжеских, ни в чём себе не отказывая. А коль захочешь золота иль серебра, то бери сколько пожелаешь.

Добрыня. Благодарствую, великий князь. Я не охотник до богатства и славы. Мне бы... Нам бы с Забавушкой... *(Вскакивает.)* Да уберёшь ты свою кувалду или нет, ирод проклятый?!

Стражник растерянно смотрит то на Добрыню, то на Владимира. Князь, смеясь, даёт ему знак удалиться. Стражник уходит. Забава со вздохом опускает руки.

Добрыня. Виноват... Не удержался...

Владимир. Ха-ха! Орёл! Видала, Забавушка, как воевода наш новый командует?! Экий голосок-то грозный!

Добрыня. Дозволь, князь, Забаве слово молвить. Пущай сама она скажет, люб ли ей Добрыня. Ибо ежели не люб, так неволить я её не желаю.

Владимир. Молодец! Иной бы того не спрашивал. Говори, Забава.

Забавва. Уж теперь не знаю, как и сказать-то. Ведь тебе, извергу, что не по вкусу, дак тут же прикажешь дубиной огреть! Право слово – лучше быть чёрной крестьянкой, чем княжьей племянницей!

Владимир. Ты, Забавушка, по делу говорила бы, а то ж и вправду доведёшь до греха... Отвечай прямо, согласна ль выйти замуж за Добрыню Никитича?

З а б а в а. Согласна ли я – то дело второе, а вот заслужил ли сей богатырь чести высокой, жениться-то на мне, – ещё вопрос! Писать договоры-то со змеями – эт тебе не головы рубить. Тут силушки много не надобно... Та и ума, я думаю, тоже... А то в воеводы уж метит! А сражаться-то ты умеешь, богатырь? Что-то я не слыхала о том.

В л а д и м и р. Ну что ты такое городишь?! Да ежели Добрыня тебе не богатырь, то кто ж тогда? Во всей Руси равного не сыщешь. Разве что Илья Муромец, да и тот, почитай, старик уже!

З а б а в а. Коли поискать, так найдутся. А по мне, так и искать не надо. Вон, Алёша Попович, чем не богатырь?! Столько подвигов совершил, что вам и не снилось! Такое мне сказывал – ужас! И как он с басурманами сражался, и с чудищами разными, и как змею Горынычу голову отрубил!

В л а д и м и р. Ну, конечно! А где ж она, голова-то? Видать, снова приросла?! Твой Алёша только сказки рассказывать мастер!

З а б а в а. Неправда. Зачем же ему врать-то?

Входит А л ё ш а Попович.

А л ё ш а. Великий князь...

В л а д и м и р. Как, ты ещё не уехал?!

А л ё ш а. Пришлось с купцов ещё дани подсобрать, чтобы на сей раз побольше было. Так они ж, поганцы, давать не желали...

В л а д и м и р. Да как посмел ты, негодный, без моего на то дозволения?!

А л ё ш а. Почему без дозволения? Ты же сам, князь Владимир, сказывал, что в прошлый раз дани было мало и что нынче меня посылаешь, дабы всё хорошо устроилось. Так я и постарался!

В л а д и м и р (*Добрыне*). Вот наглец! Что мне с ним делать? На кол посадить, что ли?

А л ё ш а. Теперь-то всё честь по чести! (*Разворачивает свиток и читает.*) Сорок телег красна золота, сорок телег серебра, сорок возов скатна жемчуга да сорок сороков чёрных соболей.

Добрыня. Дозволь, князь, слово молвить. *(Забирает у Алёши свиток.)* Укажи мне путь-дорогу к басурманам. Я поеду туда посланником. Коли жив останусь, обещаю собрать с них самих дань великую. Привезу сюда, в Киев, и злата, и серебра, и всего остального, что тут записано. А уж коли в срок не вернусь, тогда и пошлешь Поповича с данью – хуже не станет.

Владимир. Мне надо подумать.

Забавва. Алёша, что ж ты молчишь? Гляди, он же над тобою насмехается!

Алёша. Да пускай себе хвастает, Забавушка. Настоящие богатыри-то не языком машут, а палицей.

Владимир. Вот и помолчи покуда... Добрыня, я тебя, пожалуй, не отпущу. Мне такие люди и здесь нужны.

Добрыня. Не держи меня, Владимир Святославович. Без Забавы мне всё одно жизни нет. Дозволь показать себя в деле, али хоть погибнуть с честью.

Владимир. Было б из-за чего... Не пущу, я сказал! А в деле ты себя и тут показать сможешь. Дела хватит на всех. Тут и половцы, и радимичи, и болгары. Соседей много, воинов мало... У греков Херсон надо бы взять, а то они...

Раздаётся шипение.

Забавва. А-а-а-а! Спасите! А-а-а-а! Змея!!! Там! Там! Вон! Гадюка! А-а-а!!!

Алёша запрыгивает на скамью. Владимир подбегает к Забаве и берёт её на руки. Добрыня кидается под стол и вытаскивает оттуда небольшую змею, зажав её в кулаке около головы. Внимательно рассматривает её.

Забавва. Что ж ты смотришь?! Дави её, гадину, скорей!

Добрыня подходит к окну и осторожно выбрасывает змею «во двор».

Добрыня. Я обещал Горынычу не трогать его детёнышей, ежели вреда они людям несть не будут.

В л а д и м и р. Что ж, договоры надо соблюдать. Оттого и нам спокойнее будет.

А л ё ш а *(подходит к Забаве с чаркой)*. Я, вот, нарочно за водницей сбежал. Возьми, Забавушка, испей. Сердечко успокоится...

З а б а в а. Поди прочь от меня! И не подходи боле!

Забава уходит.

В л а д и м и р. Иди, Попович, иди. Не гневи меня, Христа ради. Басурмане дани ждут, иди. А ты, Добрыня, подумай – воевода из тебя славный будет. Завтра жду твоего ответа.

Князь Владимир уходит.

Д о б р ы н я. Дорогу к басурманам знаешь? Сказывай!

А л ё ш а. Да тут недалече. Тебе любой скажет. Только провожатых не ищи – не найдёшь.

Д о б р ы н я. И то ладно. Стало быть, до завтра успею. Ты поди отдохни покуда, а коли к завтраму не вернусь, повезёшь басурманам дань.

А л ё ш а. Отдохни!.. Князь же не велел...

Д о б р ы н я. Скажешь, главный воевода приказал! Чтобы завтра ехать, понял? А пока – вот, бумага у меня будет.

А л ё ш а. Как не понять. Славно. Так и скажу.

Д о б р ы н я. Ну, с богом. Прощай... богатырь.

А л ё ш а. Прощай-прощай. Бог в помощь, герой.

Добрыня уходит.

А л ё ш а. Ишь, воевода нашёлся! Туда ему и дорога, на басурманские копыя... *(Поразмыслив.)* Однако, ежели он чудом каким дань с них соберёт, то я пропал – Забава на меня и глядеть не пожелает... А послежу-ка я за ним. Коли с данью назад будет ехать, нападку из кустов незаметно и сюда ворочусь я героем! Уж с ним-то управиться легче, чем с несметной ордой басурманской!

Действие третье

Стан басурманов. Сцена представляет собой центральную площадь шатрового города. В глубине, около входа в главный шатёр трон царя Батура (лучше на колёсах, наподобие инвалидной коляски). Ближе к зрителю, на другой стороне сцены, находится жертвенник. Это грязно-красный столб, опутанный цепями, с воткнутой в него парой топориков; возможно, находящийся на возвышении, окружённый языческими идолами, колыями с надетыми на них черепами и т. п. Атмосфера устрашающая.

На троне сидит Б а т у р со скучающим видом и с плёткой в руках. В центре – Ш а м а н в маске с большим бубном исполняет ритуальный танец. В о и н с копьём медленно ведёт к жертвеннику закованного в цепи Б а я н а. По бокам от Батура, справа и слева, в позе лотоса сидят д в о е В о и н о в (возможно, тоже в масках). Они сидят спинами к Батуру, неподвижно, их взгляды устремлены прямо перед собой.

Когда Баян оказывается около столба, Батур лёгким жестом (как уставший ямщик) шлёпает плёткой по спине одного из воинов. Оба воина мгновенно вскакивают, разворачиваются лицом к процессии и принимают стойки из восточных единоборств.

В о и н ы. Аарт-татай!!!

Шаман замирает. Процессия останавливается. Пауза.

Б а т у р. Однако, ты, старик, меня обманула, да? Ай-яй-яй...
Ни карасо-о... Засем говорила, сто ты не шаман? А?.. Засем?

Б а я н. Затем, что не шаман я. Потому и говорил, что не шаман...

Батур шлёпает плёткой одного из воинов.

Воины подпрыгивают с громким криком.

В о и н ы. Айыы!!!

Воин с копьём толкает Баяна, тот падает на колени.

Б а т у р. Ты нельзя говорить, старик. Ты – молчать. Только я говорить. (Шаману.) Джалык, татат-бубнынай! (Шаман отхо-

дит. Баяну.) Ты была русский шаман, старик. Я знаю. Шамана, однако, нельзя убить. Шамана мучить надо!

Шлепок плёткой.

Воины. Аарт-татай!!!

Батур. А ты хотела обмануть, да? Хи-хи-хи! Говорила – ты не шаман! Хотела не умирать и не мучиться, да? Так хотела, говори?

Баян. Нет, не так.

Батур. Как не так? Что не так?! Вот смотри! Сисяс моя шаман тебе покажет! (*Шаман приносит гусли и отдаёт их Батуру.*) Ага! Вот бубен твой! Русский бубен! Ты – шаман! Видишь, я всё знаю!.. Хи-хи-хи... Однако, твои духи тебе не хотелось помогать! Значит, наши духи сильнее! Да? Говори, наши духи сильнее, да?

Баян. Нет.

Батур (*лупит плёткой направо и налево*). Татат! Татат! Дьяалы!

Воины подкатывают трон к Баяну. Батур размахивается плёткой, чтобы со всей силы ударить Баяна, но неожиданно меняет своё намерение.

Батур. Не-ет. Ты думала, Батур тебя боится? Не-ет, хи-хи-хи... А ну бери своя бубен! Вызывай своих духов! Мы увидим сисяс! Мы увидим, чьи духи сильнее! (*Отдаёт гусли Баяну. Обращается к Шаману.*) Джалык, дрын-дрын!

Шаман принимается за медленный танец с редкими ударами по бубну и бормотанием. Баян, подумав и перекрестившись, начинает играть. Волей-неволей воины и сам Батур начинают пританцовывать, ритмично выкрикивая «Хоп-хоп».

Шаман с воинами окружают Баяна и, взявшись за руки, начинают водить вокруг него хоровод, постепенно сжимая кольцо. В какой-то момент Баян выскакивает из кольца и прячется в углу авансцены. Некоторое время басурманы продолжают плясать под ритмичное «Хоп-хоп», после чего в растерянности останавливаются.

Б а т у р. Однако, карасо-о... ой, карасо поёшь, старик!

Воины расходятся, открывая взору Батура пустое место.

Ш а м а н. Старик ёк.

Б а т у р. Э! Эя?!!

Ш а м а н (*падает на колени и ползёт к Батуру*). О-о-о! Старик ёк, ёк старик, ёк старик, старик ёк! О-о-о!!!

Воины принимаются делать и говорить то же самое.

Б а т у р. Татат!!!

Все замирают.

Б а т у р (*яростно*). Харды-марды, канай!!! Канай! Канай!! Канай!!!

Все начинают бегать, искать старика. Батур, сидя на троне, хлещёт по нему плёткой, словно укротитель диких зверей.

На авансцене около Баяна появляется Д о б р ы н я.

Б а я н. Ой!

Д о б р ы н я. Тс-с-с! Молодец, старче. Я всё видел. Ловко провёл ты их!

Б а я н:

Ну дак жить коль захочешь – не то ещё

Можно сделать, Добрыня Никитович.

Ты-то как здесь?

Д о б р ы н я. У меня дело к собаке-Батуру-царю есть немалое. Мыслю я, ты-то, старик, и поможешь мне его справиться.

Б а я н. Да ты что! Я ж только с полона убёг, и опять?..

Д о б р ы н я. Тихо, тихо. Не бойся. Пошли со мной.

Добрыня выходит к трону Батура, подталкивая перед собой Баяна.

Б а т у р. Эя! Ты сама пришёл, старик? Так не бывает! Зачем не убегаешь? Ты что ли глупый? (*Воинам.*) Марды-харды!

Воины возвращаются к трону.

Б а т у р. Хи-хи-хи... Не боишься меня, да? Не боишься?.. То не убегаешь, то убегаешь, то опять не убегаешь – шутишь так, да? Ай, весёлая старик, ай, весёлая... Мы будем тебя убивать. Очень больно. Понимаешь?.. *(Добрыне.)* Ты кто такой?

Д о б р ы н я. Я кто такой? Не видишь разве, дух я русский! Старец же кликнул – ну я и пришёл.

Б а т у р. Э-э-э! Дух?

Д о б р ы н я. Дух.

Б а т у р. Дух, да? Дух... А зачем у тебя меч? Ты же дух!

Д о б р ы н я. Это чтобы твоих басурманских духов рубить. У твоих-то духов нет мечей.

Б а т у р. Да, так говорят, что нет... Та-а-тай!

Двое воинов неожиданно кидаются на Добрыню, хватают его, заломив руки назад, третий воин держит Баяна.

Б а т у р. Хи-хи-хи... Вот и всё. Отдавай свой меч.

Д о б р ы н я. Сейчас!

Добрыня раскидывает воинов, в том числе и того, который держал старика. Вынимает меч и приставляет его к груди Батура. Воины встают на ноги, но не решаются подойти.

Д о б р ы н я. И помни, собака, что я – дух! А он – шаман! Позови хоть всё войско несметное, не одолеть тебе нас, не убить!

Б а я н. Да! Не боимся теперь мы нишкелечко!

Б а т у р. Да-да. Я понимаю, я всё понимаю. Ай-татат Джалык! *(Двое воинов уходят.)* Что хочешь старик, всё сделаю – отпущаю, награждаю, никого не убиваю!

Б а я н. Дак, я хочу... хочу я...

Д о б р ы н я. Он хочет вот этого!

Дает Батуру свиток.

Б а т у р. Ай, хорошо, хорошо, всё сделаю. (*Появляются воины с луками и с ними Шаман.*) Пускай, однако, моя шаман скажет, дух ты или нет. Джалык, эй-я духа?

Шаман медленно подходит к Добрыне. Внимательно смотрит на него.
Снимает маску.

Добрыня. Ты глянь-ко, старче, наш старый знакомый басурманин! Тот, что в животе-то у Горыныча повизгивал!

Шаман начинает тихо смеяться.

Ш а м а н. Хе-хе-хе... Ы-ы-ы-ы – Хопа!.. Ы-ы-ы-ы – Хопа!.. Хе-хе-хе...

Все басурмане тоже начинают смеяться. Воины при этом вкладывают стрелы в луки, натягивают их, нацеливают на Добрыню. Неожиданно Шаман обрывает смех. Падает на колени.

Ш а м а н. Духа! Айыыы!

Во и н ы (*бросая оружие и падая на колени*). Духа! Айыыы!

Б а т у р. Ай, хорошо – хорошо, шаман говорит, ты – дух. Убери своя меч, мои воины тебя не тронут, а я всё буду делать, всё буду давать, всё, что тут написано, всё! (*Добрыня убирает меч, Батур смотрит в свиток.*) Всё давать, всё... Сорок телег... ай, хорош... золот... ай, у-у-у-у... ц-ц-ц-ц... ай-яй-яй... Джалык!

Подходит Шаман, Батур даёт ему свиток, тот читает и, отрицательно мотая головой, возвращает обратно. Батур отдаёт свиток Добрыне.

Б а т у р. Ц-ц-ц, беда, видишь, я читать не умею и моя шаман читать не умеет.

Б а я н. Дак, я прочитаю, давай-ка! (*Читает.*) Сорок телег красна золота, сорок телег серебра, сорок возов скатна жемчуга да сорок сороков черных соболей.

Б а т у р. А сколько это – сорок? Моя не понимает!

Добрыня. А-а! То дело не хитрое – я тебя научу.

Батур. Ай, научи – научи.

Добрыня. Вот смотри, сколько воинов лежит под столбом, столько телег золота, серебра да жемчуга вели нагрюзить.

Батур. Где лежит? Под каким столбом?

Добрыня. Да вот, смотри! И-и раз!..

Хватает за шиворот одного из стоящих на коленях Воинов и толкает его в сторону жертвенника. Воин, добежав до столба, ударяется о него и падает. То же самое Добрыня проделывает и с двумя остальными – «и-и два... и-и три...»

Добрыня *(воображаемым воинам в закулисье)*. А ну-ка, что там притаились? Давай-давай, подползайте, мне отсюда кидать сподручнее. Ну-ну-ну, цыпа, цыпа, цыпа! Молодцы, слушаетесь духа! Ну-ну, ещё чуть-чуть!

Батур. Эй! Эйя! Постой, погоди, великий дух! Ты сисяс все моя войнов разобьёшь!

Добрыня. А что же делать, коли ты считать не умеешь?

Батур. Умею, умею, я пошутила... Сисяс все телеги дам, сколько надо. *(Кричит «закулисным» воинам.)* Татат! Телегай канай! *(Шаману.)* Джалык! Телегай-телегай – златы, срыбры, камны!

Шаман. А соболы?

Батур. Ой-ё, и соболы.

Шаман уходит руководить погрузкой возов. Из-за кулис слышны его команды.

Батур. Вот видишь, моя тебя не обманет. Уже телеги грузим.

Добрыня. А ну-ка, старче, поди проследи, чтоб всё было верно. Да смотри, Батур, ежели его кто тронет...

Батур. Не – не! Не тронет, моя воины духов сильно уважают!

Баян. Так, я гляжу, там уж всё готово! *(Уходит за кулисы)*

Батур. Да-да-да! Ты посмотри, великий дух, всё готово! Ай, красота, сорок телег и ещё сорок и... Ты посмотри вон, посмотри!

Добрыня. Ага... вижу, молодцы, быстро работают.

Батур достаёт кинжал и вонзает его в спину Добрыне. Добрыня падает.

Батур. Хе-хе-хе. А говорили, духи не умирают! Хе-хе-хе!
Ай, обманули – обманули...

Раздаются редкие низкие гулкие удары. Сначала едва заметные, но потом всё громче и громче. Словно шаги приближающегося великана.

Батур. Ай, обманули – обманули! Хе-хе-хе, был дух – и нет духа! Ай, обма... Ай!.. (Прислушивается.) Ай!.. Эя!..

Грохот, хруст, крики, грозное рычание и т. п. Вбегает Шаман.

Шаман. Ата! Ата! Горына! Зме! Горына!!! Ата!!!

Лежавшие у столба Воины вскакивают и начинают в ужасе носиться по сцене с криками «Горына! Ата!». Батур машет плёткой, что-то кричит, но его никто не слушает. На авансцену выбегает Баян и, упав на колени, начинает молиться.

Голос 1-й головы. Второй, буди обжору!

Голос 3-й головы. Я не сплю... Я уж-ж-же куш-ш-шаю!
Ха-ха-ха!

Воины разбегаются. Батур, отталкиваясь копьём от земли, кое-как уезжает со сцены. Остаются только Баян и лежащий Добрыня. Рычание, крик.

Голос 1-й головы. Третий! Опять целиком глотаешь!

Голос 3-й головы. Некогда мне ж-жевать... Тфу-у!!!

На сцену выкатывается пустой трон. Слышны удаляющиеся шаги монстра.

Баян. Ой, господь всемогущий... кажись, пронесло... О боже, живой... Живой! Живой!!!

На авансцене крадучись появляется Алёша Попович. Замечает Баяна и прячется от него.

Баян. Ой, спасибо, Пресвятая Богородица! Христос Спаситель! *(Замечает лежащего Добрыню.)* Добрыня, и ты здесь! Слышь, радость-то какая... Добрыня... Ой, Добрынюшка, ты чего это?.. Да как же это?.. Ой, горе... Да кто ж тебя?.. Да за что ж тебя, Добрынюшка-а-а-а!..

Ой, ты горе – горе – горюшка-а-а-а!

Ой, несчастная ты долюшка-а-а!

Уж возы стоят готовья-а-а,

Злато-серебром гружёныя-а-а!

А тебя, Добрыня, нетути-и-и,

а тебя сгубили демоны-ы-ы!

Ой, ты горе – горе – горюшка-а-а-а!..

Ой, несчастная ты долюшка-а-а!

Алёша подкрадывается сзади к Баяну. Раздаётся шипение. Старик отскакивает от Добрыни. Алёша отскакивает ещё дальше, прячется.

Баян. Тьфу ты, чёртово отродье! Откуда тут эта гадюка?! А ну кыш отсюда! Пошла, пошла... *(Шипение.)* Ну, я те покажу, тварь ползуча! *(Находит палку [кол] и пытается ею вытащить змею из-под Добрыни. Шипение.)* Эй, ты пошто его кусаешь? Ты зачем Добрыню... *(Шипение.)* Он уж и так помер, дура...

Шипение. Добрыня глубоко вздыхает и потягивается. Баяну, наконец, удаётся зацепить и он, словно хоккеист клюшкой, откидывает палкой за кулисы пёструю ленту змеи.

Баян. Фу-у-ух...

На сцену вперёд спиной в ужасе выскакивает Алёша Попович.

Алёша. А-а-а! Спасите! Змея!

Баян. Алёша?! Откуда ты взялся?

Алёша *(растерянно)*. Я?.. Да вот... проходил тут...

Добрыня *(приходит в себя, поднимается)*. Ох, никак, я за-снул?..

Б а я н. А-а-а! Чур, меня, чур! *(Крестится.)*

Д о б р ы н я. Ты, чего, старче?.. Попович?.. А где басурмане?

А л ё ш а. Святы угодники!.. Ты же помер!.. Тебя же убили!

Д о б р ы н я. Что? Убили? Кого?

Б а я н. Живой... Живой! Ха-ха! Видать, змеюка-то тебя ожи-вила... От, чертовка, а я-то ей «пошла» говорил! Ха-ха! Добрынюшка!

А л ё ш а. Змеюка? *(Смотрит назад. В страхе отбегает, прячется за спину Добрыни.)* Она там ещё, там! Вон – в кустах шевелится!

Д о б р ы н я. Погодите, вы о чём это? Я что-то не разумею...

Б а я н:

Да чего тут разуметь-то нам, голубчик мой?!

Вон, возы для нас уже стоят готовые!

А Батура-то собаку с его войнами,

Змей Горынич скушал разом...

Д о б р ы н я. Скушал?!

Б а я н. «Ам!» – и всё!

Д о б р ы н я. Ха-ха-ха! Славно дело обернулось!

Б а я н. Не болит ли спина-то, Добрынюшка?

Д о б р ы н я. А чего ж ей болеть после сладкого сна?

А л ё ш а. Чудно, даже следов не осталось!

Добрыня оборачивается к Алёше.

Д о б р ы н я. А ты как тут оказался? Али с басурманами биться пришёл?

А л ё ш а. Я... ой, я же... Ой, ты гой еси, Добрынюшка Никитович! Там беда стряслась во Киеве великая! За подмогую к тебе пришёл, за помощью!

Д о б р ы н я. Что ещё за беда? Сказывай толком!

А л ё ш а. Твой дружок-то новый, Змей Горынович, сотворил в столице дело чёрное, дело чёрное, беду-несчастье страшное!

Добрыня. Что? Во Киеве? Быть того не может! У нас же договор со змеем – на Русь не летать!

Алёша. Я про те договоры не ведаю, да глазам своим верю, Никитович. Ты ж когда к басурманам отправился, услышал я тогда вдруг великий шум. Рёв звериный, да крик-то людской... А как в набат зазвонили, я стрелой воротился в палаты. Глядь, стоит у окошка Забава Путятична, а пред ней на полу-то змеёныш малый. Забава, бедная, визжит так, что стёклы дрожат! А змеёныш-то не кусает и не уползает, да Забаве от окошка отойти не даёт. А за окном тем шум и того пуще! Горыныч над градом летит, рычит, народ во граде бежит, кричит... Я к змеёнышу метнулся – голыми руками разорвал этого червя! Вот так!.. Да... да тут окошко-то разбилось, и в него лапища Горынова просунулась! Ой, велика лапища – кажон палец, что тот вон столб!

Баян (*Добрыне, удивлённо*):

Когда брюхо мы шили Горынычу,
У него таких пальцев не видел я...

Алёша. Что?

Добрыня. Ничего, ничего. Продолжай. Какого цвета, говоришь, лапища была?

Алёша. А, цвета?.. Красного. Или зелёного – я уж не помню. Забава-то аж кричать перестала, замерла со страху, с места двинуться не может. Я к ней – да не тут-то было! Только шагнуть успел, Горыныч хватъ Забаву – и в окошко! Раза два крылом махнул – только его и видели! Куда улетел, куда Забаву унёс – никто не ведает. Вот разве только ты, Добрыня, знаешь, где он прятаться может...

Добрыня. Вот оно, значит, как... Нарушил, стало быть, Горыныч договор наш! Да унёс не кого-нибудь – саму Забаву Путятичну, княжью племянницу. Что ж, придётся ему, поганцу, ответ держать. Слава богу, меч мой не затупился и рука не ослабела!

Баян:

Погоди горячиться, Добрынюшка!
Верно, вышла какая ошибочка.

Коли Змей супротив нас ийти хотел,
Для чего же тогда он помог-то нам?
Для чего разогнал басурманов-то,
И зачем оживил тебя, мёртвого?

Добрыня. Для чего? Верно, поглумиться хотел надо мною!
Для того и оживил, дабы знал я, что невесту мою он унёс к себе!

Алёша. И то правда! Поезжай, Добрыня, проучи его! А я куда возы эти посторожу.

Баян. Не-е, тут, верно, что-то не так.

Добрыня. Вот на месте и поглядим, что к чему!

Алёша. Это верно! И надобно поспешать! Авось, жива ещё Забавушка!

Добрыня. Да, Попович, ты прав. Поедем вместе! Вдвоём Горыныча одолеем! А старче куда возы постережёт. Всё! Вперёд!

Алёша *(растерянно)*. А-а...

Баян *(растерянно)*. Дык...

Алёша. Я же...

Баян. Но...

Алёша. Он же...

Баян. Не смогу я...

Алёша. Да! Никак!..

Баян. Таки богатства! Меня ж ограбуют!

Алёша. Право слово! Ограбят его! Не-ет...

Баян. Не могу я, не-ет...

Добрыня. Вперёд, вперёд! Не до злата нынче, коль Забавушка в беде!

Алёша. Верно! Нечего тут старика оставлять! Поезжайте-ка оба в пасть... ой, в путь-дорогу, ко Змею. А я уж, так и быть, останусь.

Добрыня. Да почему же ты?..

Алёша. Я?.. А вдруг он сюда прилетит? Тут-то я его и встречу!

Добрыня. Что ж, будь по-твоему. Идём, старик, Змея бить! Седлай себе коня.

Б а я н. Да, вы что?! Христос с вами! Я – нет! Не пойду! Добрынюшка! Куды ж, мне?! Стар ужо! За что же?! Опустит, помилуй! Госпо...

Д о б р ы н я утаскивает Б а я н а за собой.

Последние фразы старик выкрикивает уже из-за кулис.

Его причитания резко обрываются, словно Добрыня зажал ему рот.

На сцене один Алёша.

А л ё ш а. Пусть земля им будет пухом! Один раз от Горыничих ушли – второй ни за что не вырвутся!

Звучит весёлая музыка.

Алёша поёт песню, танцует.

Как всё славно повернулось,

Как всё чудно обернулось!

Тот и победил,

Кто всех перехитрил!

А Забава во дворце

Меня встретит на крыльце!

Я ведь молодцом –

Со золотом-серебром!

На заднем плане за Алёшей некоторое время наблюдают довольные Добрыня и Баян. Последний снимает с себя рубаху, «рвёт» её, топчет и надевает снова. Добрыня с ним прощается и уходит в сторону возов.

Будет свадьба на всю Русь!

Стану князем, как женюсь!

А Добрыню Змей

Пусть кушает скорей!

Чем же я не богатырь?

Всех врагов перехитрил!

Вот вам и намёк,

Эх, вот вам и урок!

Выходит Баян. Одежда на нём разорвана. Идёт еле-еле, словно после сильных побоев.

Алеша. Баян? Ты жив? Ты откуда?

Баян. Оттуда, батенька, оттуда. *(Кивает.)* С гор Сорочинских, да с Пучай-реки. Нету боле Змея Горыныча. Порубил его Добрынюшка. В схватке дикой, в битве страшной...

Алеша. Порубил? Так быстро?! Такое чудище?! Не может быть!

Баян. Может, батенька, может, миленький. Погубил он Змея, да и сам погиб он доблестно. Смертью лютою да безвременной.

Алеша. А! Вот оно как! Славно... славный был богатырь. Да, жаль. Очень жаль!

Баян. Я уж и былинку, вот, сложил. Как Добрыня со Змеем бился...

Алеша. Хорошо, хорошо. Потом. Теперь сядем-ка на телеги, да поедем в Киев поскорее. Там нас, верно, заждались уже... Ой... А где они?..

Баян. Кто?

Алеша. Телеги... возы... Сорок сороков и ещё... Куда они делись? Целый обоз!

Баян. Дак, ты же их охранял!

Алеша. Боже! Столько золота! Серебра! Жемчуг... Что же делать?.. Что же теперь делать?..

Баян. Дак, что делать? Украли, стало быть. На нет и суда нет.

Алеша. Суда... нет суда... да... верно. А-а, пёс-то с ними... Едем в Киев! Басурманов побили, Змея погубили, Добрыню... хм... Старик, а тебя я... хочу... попросить! Ты, знаешь что, иди-ка домой. Вот, на, возьми *(Даёт Баяну кошелек)*. Здесь десять серебряных рублей. Бери и ступай с богом.

Баян. Благодарствую, мил человек.

Алеша. И ещё... Сложи-ка и про меня былинку... Так, для забавы. Мол, был такой богатырь... ну, сам знаешь. А я тебе потом ещё заплачу. Ладушки?

Б а я н. Да сложить-то былинку не трудненько...
А л ё ш а. Вот и славно, прощай.

Б а я н уходит.

А л ё ш а. А мне пора во дворец. Жениться на Забавушке.

Действие четвертое

Палаты белокаменные князя Владимира. Обеденный зал. За дубовым столом сидят князь В л а д и м и р, З а б а в а и И л ь я Муромец. Слушают рассказ А л ё ш и Поповича.

А л ё ш а. «...А-а-а-а! На помощь! Спасите!» – закричали басурмане! Но я взмахнул мечом, да и снёс разом семь голов!

Тут схватили меня три воина басурманских!

Я же первого взял – разорвал на куски,

И другого я взял – растоптал всего,

Ну а третьего взял-то я за ноги

И давай им вертеть да помахивать!

Стал я бить басурман басурманином,

А они от меня разбегаются!

Раз ударю – десятками валятся!

Так всю силушку эту несметную

Я разбил, раскидал в чистом полюшке!..

И л ь я. Это ты, брат, славно рассказываешь. Да вот, не уловил я только, что там делал Добрыня Никитович?

А л ё ш а. Я Добрыню в той битве не видывал. Он там был, но куда-то запрятался! Где-нибудь под ракиткой посиживал, да со страху, видать, он и помер там...

Неожиданно в палаты врывается Д о б р ы н я.

Д о б р ы н я. Лжёшь, собака! Лжёшь, волчья сыть!

Пауза.

В л а д и м и р (*расстроено*). Добрыня, ну зачем ты открылся?! Мы же хотели послушать, как он дальше врать будет.

Д о б р ы н я (*приближаясь к Алёше*). Не могу я боле слышать этого! Нет уж мочи терпеть!.. Я сейчас его сам схвачу за ноги и начну во все стороны помахать...

Протягивает руки к окаменевшему от изумления Алёше, намереваясь схватить его за горло. Неожиданно Попович уворачивается, выхватывает у Добрыни из ножен меч и отскакивает. После чего вынимает свой и с двумя мечами в руках идёт на Добрыню, который теперь вынужден отступать.

А л ё ш а. Ты снова ожил, гадюка! Ну, теперь-то я убью тебя сам! Навсегда!

Добрыня уворачивается от наносимых Алёшей ударов, защищается попавшим под руку стулом и т. п.

В л а д и м и р. Стража! Взять его!
Д о б р ы н я. Нет! Всем назад! Мы сами решим, кто из нас прав!
И л ь я. Добрыня, держи!

Кидает Добрыне свой меч. Алёша с Добрыней бьются на мечах.

В л а д и м и р. Добрыня привёз нам возы со золотом, серебром...
А л ё ш а. Вор! Он их украл у меня!

Бьются.

Д о б р ы н я. А куда же ты смотрел?
А л ё ш а. А я... я со Змеем бился!

Добрыня выбивает у Алёши оба меча. Алёша, обезоруженный, отступает к окну.

А л ё ш а. Я... я Змея... Горынича зарубил... Все головы ему снёс!..

Голос 1-й головы. Лжёшь, негодный!!!

Алёша с воплем отскакивает от окна и, забыв обо всём, прячется за спину Добрыни. Последний опускает меч и оборачивается.

Алёша. Там! Там!.. Он там!.. Во дворе!.. Вы слышали?! Конец!.. Это конец!!!

Все смеются.

Забава (*подходя к Добрыне и Алёше*). А мы знаем, Алёша. Нас Добрыня, вот, с Горынычем-то познакомил. Ты ж соврал ему, будто Змей меня унёс, а? И про всё другое тоже... Вот Добрынюшка и привёл сюда Горыныча, дабы правду мы узнали. (*Обнимает одной рукой Добрыню, гладит его по голове*.) Ты знаешь, Алёша, он оказался таким милым. Особливо, когда его за ушком гладишь.

Алёша (*потрясённо*). Кого «гладишь»? Добрыню?

Голос 2-й головы. Да нет! Меня, меня, тупица!

Голос 3-й головы. Нет уж-ш-ш, меня! В прош-ш-шлый раз меня гладили...

Голос 2-й головы. Ты вообще молчи, обжора!

Голос 1-й головы. Тихо вы, неугомонные!

Входит Слуга.

Слуга. Великий князь! К свадьбе всё готово! Столы накрыты, гости подъезжают ко двору! (*Уходит*.)

Владимир. Как, уже? А у нас жених с невестой ещё не наряжены! А ну, бегом по светёлкам! Девки!

Добрыня и Забава уходят. Вбегают Девицы с фатой в руках.

Владимир. Чтоб Забаву нарядили краше Солнышка, чтобы гости заморские восторгались да завидовали! Поняли? И бегом, бегом, что стали-то?!

Девуцы убегают.

Владимир. Ильюша, быстро поди столы проверь! Всё ль как надобно там?! Я покуда на крыльце буду гостей встречать!

Оба, Владимир и Илья, уходят.
Остаётся один Алёша. Появляется Баян.

Баян (*отдаёт Алёше кошелёк*):

Вот возьми свои денежки, родненький,
Ты же знаешь, они мне не надобны...

Алёша. Ты... тоже... (*Падает на колени перед Баяном.*) Старик, старче, баянчик, я же... я не трус... я не хотел... я хотел... думал, буду князем... всем, всем счастья дам... всем!.. Я же не токмо себе... я как лучше...

Баян:

Эх, ты, юность неразумная.
Раз ошибся – всю жизнь погубил.

Алёша. Как же мне теперь? Почему не казнил меня князь и не помиловал? Как теперь на людях показаться?

Баян:

Дак, вот то ж кара самая страшная –
Над тобой теперь все насмеваются.

Алёша (*доставая кинжал*). Коли так, то я сам и казню себя!
Пусть увидят, что вовсе не трус был Алёша Попович!

Баян:

Помереть ты напрасно торопишься,
Знаю я, как помочь твоему горюшку!
Ты же вспомни, что князь тебе сказывал –
Мол, и половцы есть, и родимичи,
И Херсон надо взять бы у греков-то!
Ты бери-ка доспехи булатные,
Собирайся, дружок, в путь-дороженьку!

Завоюй себе славу оружием,
А не сказками да небылицами!
Коль прославишь ты Русь нашу, матушку,
То вернёшь себе честь богатырскую!

Алёша. Да. Я понял. Иду! Еду! Немедля! На кордоны,
на Херсоны, на врагов и недругов! Я смогу, я знаю, я докажу, ве-
ришь ли?!

Баян. Конечно, верю, Алёша.

Алёша. Спасибо, спасибо тебе, старче! Прощай!

Алёша уходит.

Баян. Да хранит тебя бог.

Появляется Илья (слегка хмельной).

Илья. Баян! Ты где бродишь?! Народ танцевать желает!

Появляется Владимир (такой же).

Владимир. А вот ты где! Ну-ка сыграй чего повеселее!

Появляются Добрыня и Забава – в свадебных нарядах.

Владимир. О! А вот и жених с невестой! Просто сердце ра-
дуется!.. Сотню раз готов благословить вас!

Все. Баян!

– Плясовую давай!

– Позадорнее!

– Веселее!

– Шибче!

Добрыня. Помнишь, как тогда плясали, у Горыныча?!

Баян. Да, помню конечно! Это дело!

Начинает играть. Присутствующие на сцене пускаются в пляс.

Занавес начинает закрываться.

Голос 2-й головы. А-а!!!

Голос 3-й головы. Тиш-ш-ше!

Голос 2-й головы. Первый, он меня за ухо укусил!

Голос 3-й головы. А ты подвиньс-с-ся... Теперь моя оч-щ-щ-ередь смотреть.

Голос 2-й головы. Смотри в другое окно!

Голос 3-й головы. Я не достаю.

Голос 2-й головы. Что, шея короткая?

Голос 1-й головы. Цыц! Молчите! Всех гостей распугаете!

Спор голов на фоне музыки продолжается за закрытым занавесом.

Звук плавно убирается...

Госпожа Метелица

Пьеса по мотивам сказки братьев Гримм

С эскизами персонажей Чже Хи Ким

ПЕРСОНАЖИ

Жители нашего мира:

Хельга – падчерица (девочка, лет 10–12)
Брюнхильда – ленивая дочка (такая же по возрасту)
Зиглинда – мачеха Хельги и мать Брюнхильды
Петух

Жители подземной страны (Свартальвхейм):

Метелица – фрау Холле (похожа на ведьму-вампиру,
изо рта торчат большие клыки)
Гномы – Цвергофф и Дворфофф

Рассказчики-волшебники:

Вайделоты (два)

МЕСТА ДЕЙСТВИЯ

В нашем мире:

1. Вайделоты сидят на камнях у костра. Далее костёр превращается в места действия.
2. Во дворе дома у мачехи. Лето. Колодец, прядка у колодца.

В подземной стране:

3. Солнечная поляна, зелёная трава и цветы. Время года – лето.
4. Печь.
5. Яблоня.
6. Страшный лес.
7. Возле дома Метелицы. Взбивание перин.
8. Во дворе дома у мачехи зимой – вид из подземного мира.
9. Ворота (у дома мачехи).

ИНФОРМАЦИЯ ИЗ НЕМЕЦКОЙ МИФОЛОГИИ

Вайделот – жрец-хранитель легенд и преданий.

Одежда вайделотов состояла из длинной туники, обшитой белой тесьмой, застегнутой белым шнурком и украшенной внизу кистями из бычьих хвостов. Они опоясывались широким белым поясом и носили зелёные венки на голове.

Хольда (фрау Холле) – старуха-волшебница, наказывающая плохих людей и приносящая подарки хорошим.

Зигфрид – непобедимый рыцарь, обладавший плащом-невидимкой, который он отобрал у гномов. Герой «Песни о Нибелунгах».

Цверги и Дворфы – гномы, соответственно тёмные и светлые.

Свартальвхейм – подземная страна гномов.

1. Вайделоты

У костра сидят два жреца-кудесника (В а й д е л о т ы). В процессе их рассказа возникают персонажи, о которых они говорят. Костёр превращается в двор с колодцем.

В а й д е л о т ы:

Былых времён преданья поведает наш стих
О чудесах великих и о делах мирских,
О радости и горе, о зле и о добре.
Нравоучений мудрых полны сказанья те.

Жила в земле тюрингов на хуторе вдова
По имени Зиглинда, и шла о ней молва.
Все знали, что Зиглинда сварлива и скупа,
Но дочь свою любила без памяти она.

А дочь её – Брюнхильда – с рожденья, с первых дней,
Была капризной плаксой, ленивей всех детей.
Старалась мать капризы исполнить день за днём –
И от того случились несчастья с ней потом.

С Брюнхильдой и Зиглиндой, вредней которых нет,
Жила бедняжка Хельга – девица юных лет.
А злобная Зиглинда ей мачехой была,
Но Хельгу превратила в служанку для себя.

Работать заставляла, и шить, и пряхсть, и ткать,
Кормить её с Брюнхильдой, и в доме прибирать.

И хоть прилежно Хельга всю работу исполняла,
Её всегда «лентяйкою» Зиглинда называла...

2. Веретено

Двор небольшого дома. Во дворе колодец.
У колодца прядёт Хельга.
К ней подходят Зиглинда и Брюнхильда.

Зиглинда. Ну что, Хельга-лентяйка, долго ты ещё собираешься прясть? Мы с Брюнхильдой уже проголодались, а ты ещё даже не начинала готовить!

Хельга. Простите, матушка Зиглинда, я не успеваю – сегодня вы дали так много работы!

Зиглинда. Нет, немного! Как всегда! Эту пряжу сегодня же надо закончить! Но и обедать мы тоже хотим поскорее!.. Понятно?

Откуда ни возьмись, выскакивает Петух и громко возмущённо кричит.

Зиглинда (*Петуху*). Молчать!!! Кыш отсюда! Сейчас поймаю и брошу в кастрюлю!

Петух убегает. Мачеха и дочка весело смеются.

Хельга. Но как же я всё успею, матушка, – и спрясть, и приготовить?..

Брюнхильда. Ой, да что тут непонятного – пряди и готовь од-но-вре-мен-но! Всё так просто, а она понять не может! Правда же, матушка?

Зиглинда. Конечно, правда, Брюнхильдочка!

Брюнхильда. Правда же, я – умная?

Зиглинда. Конечно-конечно, Брюнхильдочка! (*Умильно.*) Умная-преумная! Пойдём, золотко моё. Посидим на лавочке, посмотрим картинки.

Брюнхильда. Не хочу на лавочке, хочу на перинке!

Зиглинда и Брюнхильда уходят.
Хельга остаётся у колодца с пряжей. Рядом появляется Петух.

Хельга (*Петуху*). Не волнуйся, Петя. Матушка пошутила. Она совсем не собирается тебя есть... Правда! Она мне сама вчера говорила, что на сегодня надо испечь яблочный пирог и пожарить баварские колбаски... Ах, как же я успею – ещё так много пряжи... Зато сегодня мне везёт – смотри, какая хорошая шерсть попалась – без комочков, вся чистая и белая, как первый снег! Из неё можно будет связать белые пушистые носочки или пушистую белую шапочку... Ой, что это? Тут всё испачкано... Кровь? Вот беда! Я даже не заметила, как поцарапала себе палец! Хорошо, что колодец рядом! Если сразу помыть, то кровь должна отмыться... (*Роняет веретено в колодец.*) Матушка Зиглинда! Матушка Зиглинда!

Петух кричит и убегает. Входят Зиглинда и Брюнхильда.

Зиглинда. Что случилось? Что за крик?

Хельга. Матушка Зиглинда, веретено упало в колодец!

Зиглинда. Как упало?!

Брюнхильда. Что упало?

Зиглинда. погоди, Брюнхильда. Ну, отвечай, Хельга, что ты тут натворила?

Хельга. Я... я хотела помыть веретено, а оно упало... Нечаянно.

Зиглинда. Какой ужас! Ах!..

Брюнхильда. Веретено – это та палочка, на которую намотана ниточка?

Зиглинда. Да, дорогая моя, это та самая палочка.

Брюнхильда. И что же за беда? Вон, за ниточку потяни, да и вытянешь.

Зиглинда. Ниточку-то она вытянет, а палочка-то останется. Какой ужас! Ах!

Брюнхильда. Ну и пусть! Иди скорей готовь обед, Хельга! Мне надоело уже ждать.

Зиглинда. Стоять!!!

Брюнхильда. Но...

Зиглинда. погоди! (Хельге.) И зачем же тебе вдруг понадобилось мыть веретено, а?! Да ты просто его бросила туда! Нарочно! Лентяйка этакая... Чтобы не работать!

Хельга. Нет, что Вы, матушка! Я вправду нечаянно! Уколола палец, и кровь капнула, я хотела только помыть веретено, а оно...

Зиглинда. Всё равно! Ты сама во всём виновата. Делай что хочешь, а веретено должна вернуть, понятно?

Брюнхильда. И обед приготовить, понятно?

Откуда ни возьмись, выскакивает Петух и кидается на Брюнхильду.
Зиглинда его отгоняет.

Зиглинда. Ах ты, негодяй! В кастрюлю захотел? А ну кыш!..

Петух убегает.

Хельга. Матушка, пощадите! Как же я достану веретено – этот колодец такой глубокий!

Зиглинда. Сумела уронить, сумей и достать!

Хельга. Но, как же?.. Матушка!.. Сестрица!..

Зиглинда и Брюнхильда. Как хочешь!

Уходят. Хельга смотрит в колодец, потом прыгает в него.

3. В подземной стране

Вайделоты:

Жила на свете Хельга – девица юных лет.
Добрее и честнее её не видел свет.
Но мачехой безвинно наказана была.
И прыгнула в колодец от горести она.

Колодец тот волшебным был,
и Хельга не разбилась.
В стране подземной Свартальвхейм
бедняжка очутилась.

Хельга лежит на зелёной поляне. Появляются два гнома – Цвергофф
и Дворфофф (один снимает с себя плащ-невидимку).

Цвергофф и Дворфофф:

– Посмотрите, глубокоуважаемый Дворфофф, какое чудное
создание изволило свалиться к нам с земли!

– Ай! Осторожней, Цвергофф, Вы наступили мне на ногу!

– Я же вас не вижу, Дворфофф! Снимите плащ-невидимку
немедленно! С Вами совершенно невозможно общаться в таком
виде!

– Вот так всегда – чуть что, сразу «снимите плащ-невидимку»! Зачем он мне вообще нужен, если я его всё время должен снимать?

– А зачем Вам голова, Дворфофф?

– Я же голову не снимаю, значит она нужна...

– Ох, молодёжь...

– Я младше Вас всего на 15 минут, уважаемый Цвергофф! И это вовсе не повод вечно указывать мне на мой возраст...

– Тише, Дворфофф, держите себя в руках. Мы должны осмотреть местность.

– Вы думаете, она могла уронить что-то ценное?

– Конечно, ценное! Вы бы стали прыгать в колодец, если бы уронили что-то **неценное**?

– Я не стал бы прыгать, даже если бы уронил что-то ценное.

– Не путайте меня, Дворфофф, лучше ищите!

– Я не стал бы прыгать, даже если бы уронил Вас, Цвергофф.

– Даже меня?

– Даже Вас. Хотя, признаюсь, Вы для меня – что-то ценное.

– Благодарю.

– Но **я** для меня – ценнее.

– Не отвлекайтесь.

– Нашёл!!!

– Тс-с-с... Что это?

– Палочка. Может быть, волшебная?

– Нет. Это больше похоже на веретено.

– Веретено? Оно ценное?

– Да нет... Не знаю. Отнесём фрау Холле, она разберётся.

– Отнесём фрау Холле... А эту даму будем оживлять?

– Нет.

– Почему?

– Потому что она уже сама очнулась! Надеваем плащи! Быстро!..

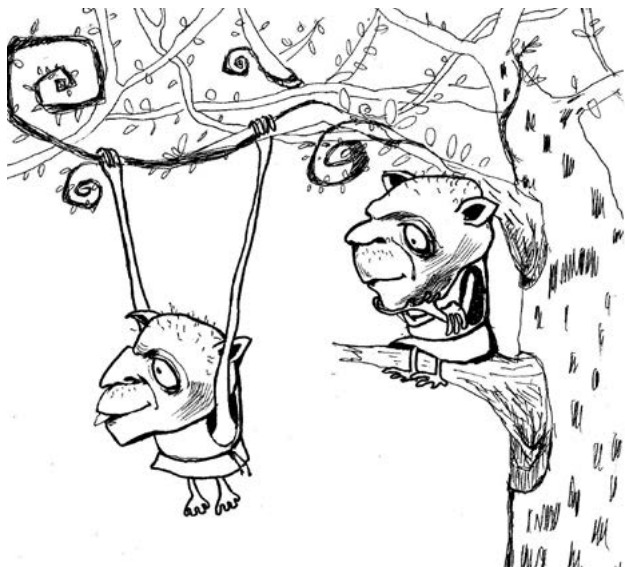
Хельга приходит в себя, оглядывается. Гномы перед этим успели накрыться плащами-невидимками и стали невидимы.

Хельга. Какая чудесная зелёная лужайка... цветы повсюду, птицы поют... Значит, это правда, что под землёй есть волшебная страна Свартальвхейм? Я слыхала, будто здесь живут гномы и всякие волшебники... Удивительно – Солнце светит... Почему-то нигде нет моего веретена. Куда же оно могло закатиться?..

Раздаются оханья, уханья и вздохи.

Хельга. Ой, кто это там так тяжело вздыхает? Может быть, кому-то нужна помощь?

Хельга уходит в сторону раздающихся вздохов.

4. Печка

Гномы около печи. Один раздувает огонь, другой проверяет готовность пирога, который печётся в печи. Оба громко стонут и вздыхают.

Цвергофф (*между вздохами*). Ну, как там дела, маэстро?
Пицца готова?

Дворгофф (*также*). Готова, сеньор! Можно звать гостей.

Цвергофф. Прекрасно! Гостя уже идёт! Надеваем плащи!

Гномы становятся невидимыми, продолжая издавать громкие вздохи.

К печи подходит Хельга.

Хельга. Кто так тяжело тут вздыхает? Уж не печка ли сама?

Гномы (*невидимые, вместе, изображая голос печки*):

Здравствуй, доброе сердечко.

Это я вздыхаю – печка.

Целый день пекла-дымила, угольки в себе калила,

Тесто замесила пышно, и начинка вкусной вышла.

А теперь готов пирог. Вынуть кто б его помог?

Хельга. Конечно, я помогу Вам с радостью, уважаемая печка!

Гномы (*невидимые*):

Непростое будет дело – много сажи нагорело.

Надо фартук приодеть, чтоб совсем не почернеть.

А ещё есть рукавицы, чтобы ручки не обжечь,

и ухват, чтоб вставить в печь.

Подцепить пирог несложно –

вынуть надо осторожно,

И нигде не зацепить, и пирог не уронить.

Хельга всё делает, как надо.

Ну, красавица, спасибо! Вот тебе вода и мыло!

Появляются кувшин и полотенце.

Гномы (*невидимые*):

Ты мне славно помогла, помогу тебе и я:

Что, скажи, тебя тревожит? Печка, может быть, поможет.

Хельга (*умывшишь*). Спасибо, уважаемая печка. Уж не знаю, сможешь ли ты помочь в моей беде. Уронила я в колодец веретено да и сама за ним в тот колодец прыгнула. А теперь, вот, и веретено не могу отыскать, и домой как вернуться – не ведаю.

Гномы (*невидимые, вместе*)

Не грусти, иди вперёд. Путь к удаче приведёт.

Там веретено найдёшь и домой ты попадёшь...

Хельга. Спасибо, милая печка!

Гномы (*невидимые*). Тебе спасибо! Счастливого пути!

5. Яблоня

Гномы развешивают на ветвях яблони крупные яблоки, словно украшают игрушками новогоднюю ёлку.

Гномы:

– Осторожнее, уважаемый Цвергофф, не уроните на меня яблоко!

– Уж как получится, уважаемый Дворфофф. Я не могу их привязывать слишком крепко.

– Где Вы только нашли такие огромные яблоки?! Это же не яблоки – это целые дыни!

– Где были, там и нашёл, уважаемый. В маленьких яблоках нет никакого смысла.

При приближении Хельги гномы прячут лестницу, затем снова укрываются своими плащами и становятся невидимыми.

Хельга подходит к яблоне.

Гномы (*невидимые, вместе, изображая голос яблони*). Ах, девица-красавица, не проходи мимо! Помоги! Избавь мои ветви от тяжёлых яблок. Смотри, какой урожай – я еле держусь.

Хельга. Конечно, уважаемая яблоня, я помогу тебе! Только, как же мне достать до верхних яблок?

Гномы (*невидимые, говорят поочередно*):

– Ты потряси, красавица, ствол – яблоки и упадут.

– Да. Только сперва, вон, шлемик надень, чтобы в голову не попало.

– Яблочки-то нынче тяжёлые уродились.

Хельга. Какой шлемик?

Гномы (*невидимые*):

– Да вон, лежит за стволом. В прошлый раз рыцарь один проезжал да оставил.

– Без шлемика, говорит, яблоки жевать удобнее. Как, бишь, его звали-то? Зигфрид, кажется...

Хельга достаёт из-за яблони большой рыцарский шлем и надевает его.

– О! Ну точно! Вылитый Зигфрид!

– Как живой!

Хельга. А разве он умер?

Гномы (*невидимые*):

– Не отвлекайся, уважаемая. Начинай трясти!

– Только знай: когда яблочко в шлемик попадёт, немного звенеть будет в ушах.

– Но это ничего – потом пройдёт.

Хельга трясёт яблоню, яблоки падают, многие с громким звоном. Усталая

Хельга садится под яблоней, качая головой в шлеме.

Гномы, сняв плащи, незаметно за ней наблюдают.

Гномы:

– Умаялась, бедняжка.

- Хорошая девочка. Смелая, боевая.
- Главное, трудолюбивая. Надо будет рассказать фрау Холле.
- Думаю, пора их уже познакомить. Как Вы считаете, мистер

Дворфофф?

- Совершенно с Вами согласен, мистер Цвергофф. Пора.

Гномы помогают ей снять шлем и тут же снова прячутся. Хельга, приходя в себя, не успевает их заметить.

Хельга. Ох, ну и звон! Бедные рыцари, как они только сражаются в таком шуме? Даже голова закружилась.

Гномы (*невидимые, вместе, от лица яблони*). Настоящему рыцарю звон в голове не помеха – лишь бы руки меч держали...

Хельга. Правда? Ах, если бы мне удалось встретить настоящего рыцаря, он помог бы мне найти веретено и домой вернуться!

Гномы (*невидимые*). Не спеши, красавица. Будут ещё рыцари на твоём пути. А куда иди дальше – там и помощь найдёшь, и спасение.

Хельга. Спасибо, уважаемая яблоня.

Гномы (*невидимые*). Тебе спасибо! Помогла ты мне, девица, больше, чем настоящий рыцарь. Все ветви мои распрямились! Буду теперь целый год расти, цвести, да тебя вспоминать с благодарностью!

6. Метелица

Вайделоты:

Меж тем подкрался вечер.

И сразу стал темней

Таинственный и жуткий

подземный Свартальвхейм.

То крик во тьме, то шорох, и веришь неспроста,
Что кто-то притаился у каждого куста.

Но гномы всё вели её в невидимом дозоре,
И к дому на опушке так пришла девица вскорее.

Ночь. Дом госпожи Метелицы. Хельга стучится у крыльца, появляется
Метелица. Хельга пугается, но, пересиливая страх, здоровается.

Хельга. Здравствуйте.

Метелица. Здравствуй, милая Хельга. Не бойся, я не причиню тебе зла.

По жесту Метелицы перед домом становится светло.

Хельга. Вы знаете моё имя?

Метелица. Знаю, дорогая, всё знаю. А меня зовут Метелица. Хотя у вас там, наверху, люди придумали мне много разных имен: Хольда, например, или фрау Холле... Не слыхала?

Хельга. Фрау Холле? Да, была такая волшебница в старинных сказках.

Метелица. Ха-ха-ха... Ну какая же я волшебница? Просто одинокая старушка в подземной стране. Ничего особенного.

Хельга. Вы простите, госпожа Метелица, что я потревожила вас среди ночи, но мне было так страшно, и... я совсем не знаю, куда мне идти.

Метелица. Ты всё правильно сделала, не переживай. Честно говоря, я ждала тебя немного раньше, но ты оказалась такой доброй и трудолюбивой девочкой, что пришлось тебе в пути задержаться... Кстати, познакомься с моими друзьями-гномами. Господа, появитесь-покажитесь!

Гномы появляются. Раскланиваются.

Метелица. Мистер Цвергофф, мистер Дворфофф. Прошу любить и жаловать.

Хельга. Очень приятно.

Гномы:

– Нам очень приятно познакомиться, фройляйн Хельга!

– Позвольте поцеловать вам ручку, фройляйн Хельга!

Хельга. Какие благородные господа! Дома мне ещё никто не предлагал поцеловать ручку.

Цвергофф. Привыкайте, фройляйн. Скоро самые благородные рыцари будут мечтать поцеловать вам ручку!

Хельга. Ну, это Вы, наверное, шутите, дорогой мистер Дворфофф.

Цвергофф. Цвергофф, с вашего позволения!

Хельга. Простите, дорогой Цвергофф...

Дворфофф. Ничего-ничего, можно и Дворфофф – это как раз я...

Метелица. Так, а ну-ка, господа гномы, прекратите смущать мою гостью! (Хельге.) Добрые дела задержали тебя в пути, Хельга, зато я успела приготовить хороший ужин. Сейчас тебе надо поесть и отдохнуть хорошенько.

Хельга. Большое вам спасибо, госпожа Метелица.

Метелица. Мистер Дворгофф, проводите нашу гостью к столу. А мы пока с мистером Цвергоффом тут займёмся важными делами.

Дворгофф и Хельга уходят.

Метелица. Ну, сударь, докладывайте.

Цвергофф (*протягивая ей веретено*). Вот оно, фрау Холле: Веретено Обыкновенное. Ни для какого клада не подойдёт.

Метелица. Давайте сюда. Вам бы всё только клады собирать, Цвергофф! Больше ни на что головушка-то не способна?

Цвергофф. Уж на то мы и гномы, ваша светлость, чтобы кладки собирать. А то чего ж зря добру пропадать в беспорядке? В кладиках оно всё ж как-то аккуратнее пропадает.

Метелица. Ладно, мистер Цвергофф, некогда нам беседовать – слишком долго вы с Хельгой сюда шли. А теперь уже ночь, и надо торопиться!

Цвергофф. Не могли быстрее, фрау Холле, никак. Очень уж девица сознательная попалась – пока дело не сделает, не уходит.

Метелица. Могли бы ей дела и полегче найти, горе-затейники! А теперь, вон, полюбуйся: на земле зима настала, а мы ещё ни одной снежинки не кинули!

Цвергофф (*глядя наверх, задумчиво*). Это плохо, когда зима без снега. Всё замёрзнуть может.

Метелица. В том-то и дело, наимудрейший Вы наш, в том-то и дело! Так что, хватит рассуждать, а лучше быстро готовьте перины. Пора мне братья за работу!

Цвергофф выносит перины, укладывает их (или развешивает).

Метелица берёт в руки колотушку и бьёт по перине.

Начинает лететь пух, звучит волшебная музыка, но в этот момент появляется

Хельга (и с ней Дворгофф). Всё резко прерывается, смолкает.

Метелица останавливается.

Метелица. Хельга? Ты уже поужинала?

Хельга. Да, госпожа Метелица. Большое спасибо! Было очень вкусно.

Метелица. Ну, тогда иди спать. Уже поздно. Дворфофф, почему Вы не проводили гостью в её комнату?

Дворфофф. Я пытался, госпожа, но она не стала слушать. Услыхала, что Вы тут работаете, и пошла сюда.

Хельга. Я подумала, может быть, Вам надо помочь?

Метелица. Помочь?.. Вот уж не знаю... Я всю жизнь сама взбивала перины, даже гномам не доверяла.

Хельга. Но Вам же, наверное, тяжело одной?

Метелица. Конечно, нелегко! Но дело это очень важное: надо так взбивать, чтобы из перины летел пух! Обязательно! И чем больше, тем лучше.

Хельга. Пух? Ну хорошо. Давайте, я попробую.

Метелица. Что ж, попробуй, Хельга. А я в долгу не останусь – помогу тебе домой вернуться.

Хельга. Спасибо, госпожа Метелица.

Хельга начинает взбивать перину. Летит пух, звучит волшебная музыка.

Открывается вид из подземной страны на двор мачехи. Идёт снег.

На дворе – Брюнхильда и Зиглинда.

Брюнхильда. Ух-ты! Снег! Матушка, посмотрите, сколько снега намело!

Зиглинда. Ну наконец-то, снег пошёл! Это хорошо – теперь и светлее, и теплее станет. Да и летом урожай будет хороший!

Брюнхильда. Теперь можно и на санках кататься! Вы же меня покатаете, правда?

Зиглинда. Покатаю, Брюнхильдочка, куда ж деваться. Хельги нет, придётся теперь мне самой тебя катать.

Музыка стихает.

7. Возвращение Хельги

Возле дома Метелицы. Хельга, Метелица, Цвергофф и Дворфофф.
Хельга, уже порядком уставшая, наносит последние хлопки по перине.
Метелица её останавливает.

Метелица. Всё, Хельга, достаточно. Спасибо тебе большое.
На эту зиму снега хватит.

Хельга. Снега? Какого снега?

Цвергофф. Тот пух, который Вы изволили выбивать из перин, фройляйн, весь улетел на землю и там превратился в пушистый снег. Взгляните сами.

Хельга смотрит вверх.

Метелица. А теперь, Хельга, я должна вернуть тебя домой, как обещала... Хотя мне очень не хочется расставаться с такой чудесной помощницей.

Хельга. Мне тоже очень понравилось у Вас, госпожа Метелица. Вы были так добры ко мне. И Ваши замечательные гномы стали мне лучшими друзьями.

Цвергофф. Благодарствуем, фройляйн Хельга! Мы с радостью были и останемся Вашими лучшими друзьями!

Дворфофф. В любой беде зовите нас на помощь, мы обязательно придём!

Хельга. Большое спасибо! Поверьте, я бы с радостью осталась здесь, но мне надо вернуться к своим родным. Ведь они там ничего не знают обо мне и, наверное, сильно переживают.

Метелица. Хорошо, Хельга, мы исполним твоё желание. Вот, бери. Узнаёшь эту штуку?

Хельга. Ах! Моё веретено! Вы его нашли? Спасибо!

Метелица. А теперь закрой глаза и не открывай их, пока не считаешь до семи. Тогда ты окажешься сразу у ворот своего дома. А там уж иди смело вперёд и ничего не бойся... что бы ни случилось.

Дворфофф. Счастливого пути, фройляйн Хельга!

Цвергофф. Счастливого пути!

Хельга. До свидания, господа гномы. До свидания, госпожа

Метелица.

Метелица. До свидания, Хельга! Будь счастлива!

Хельга оказывается перед воротами своего дома, делает шаг-другой, и, как только она оказывается под воротами, на неё сверху сыпется золотой дождь. Когда дождь рассеивается, становится видна Хельга в нарядном, расшитом золотом платье.

Появляется Петух и кричит.

Петух:

Ку-ка-ре-ку! Смотри, народ!

Наша девочка вся в золоте идёт!

Появляются Зиглинда и Брюнхильда, Петух убегает.

Брюнхильда. Какое чудо!

Зиглинда. Что это? Наш петух заговорил?!

Брюнхильда. При чём тут петух, матушка?! Вы посмотрите, какое платье!.. Я тоже такое хочу!

Зиглинда. Хельга! Дорогая! Откуда у тебя столько золота? Ну-ка расскажи нам. Мы же так по тебе скучали! Правда, Брюнхильдочка?

Брюнхильда. Да-да! Правда-правда. Я как раз сегодня сидела, скучала-скучала и думала: вот пришла бы Хельга, подарила бы мне золотое платье, я бы тогда сразу скучать перестала!

Зиглинда. Да куда ж тебе это платье, доченька? Ты погляди, оно ж тебе малó будет!

Брюнхильда. А вон серёжки золотые у неё, а бусы, а браслеты? Тоже всё малó, что ли?!

Зиглинда. Погоди, погоди, милая. Не торопись... Нам ведь Хельга сейчас расскажет, где она такого богатства набралась,

правда, Хельга? Мы и тебе, Брюнхильдочка, всё подберём. По размеру! Ещё и лучше будет!.. Хельга, дорогая, ты же не обманешь своих бедных родственников? Ведь мы так по тебе горевали! О... Если б ты только знала!

Хельга. Я тоже скучала по вам, матушка Зиглинда! И хотя госпожа Метелица была ко мне очень добра, мне всё равно хотелось вернуться домой.

Зиглинда. Что за госпожа такая – Метелица? Ну-ка, пойдём в дом, дорогая моя, расскажешь нам всё по порядку...

Уходят.

Вайделоты:

И рассказала Хельга

всю правду без затей,

Про жизнь в стране подземной

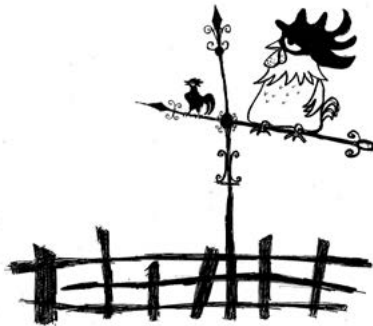
с названьем Свартальвхейм,

Про славных добрых гномов, про ужин и ночлег,

Как пух летел на землю и превращался в снег.

И вот, не долго думая, решила мать-Зиглинда:

Пусть прыгает к Метелице теперь её Брюнхильда!

8. Проводы Брюнхильды

У колодца.

Брюнхильда с веретеном испуганно смотрит в колодец. Появляется
Зиглинда с мешком (узлом) в руках.

Зиглинда (*взволнованно, торопливо, суетливо*):

Вот, Брюнхильда, здесь колбаски,
пирожки, варенье в банке,
а в другой ещё есть масло,
чтоб на булку к чаю мазать.
Справа рыбка, слева рулька.
Там, смотри, не перепутай.
Как на место приземлишься,
сразу сядь и пообедай,
чтоб побольше сил набраться...

Бросает узел в колодец. Уходит. Вскоре возвращается с другим мешком
в руках и шубой под мышкой.

Зиглинда:

Тут есть кофточки и шапка,
плащ от дождика, сапожки
и от солнышка панамка.
Одеяло и подушка...

Брюнхильда:

А зачем ещё подушка?
Там же есть перины с пухом!

Зиглинда:

Пригодится-пригодится!
Вдруг в пути прилечь придётся?
Вот постелешь одеяльце
и подушечку положишь...
Ой! Перины!.. Я ж забыла!..

Бросает узел и шубу в колодец и снова убегает. Возвращается с лёгкой ажурной колотушкой для выбивания ковров.

Зиглинда:

Вот! Нарочно раздобыла
у соседей выбивалку!
Очень лёгкая, попробуй,
будешь бить и не устанешь!

(Показывает Брюнхильде выбивалку и тут же бросает её в колодец.)

Там попробуешь, на месте...
Так, чего же я забыла?..
Всё как будто... Хельга! Хельга!!!
Ну, давай уже скорее!
Еле ходит – вот лентяйка!
Два часа варила рульку!
И за что ей только дали
кучу всякого богатства?!

Появляется Хельга. Она всё такая же нарядная, но сверху на платье повязан передник, а на голове – поварская шапочка.

Хельга. Матушка Зиглинда, вы меня звали? Вы не знаете, куда всё исчезло? Пока я накрывала на стол, из кухни все мои кушанья пропали...

Зиглинда. Ах, красавица моя золотая, ты не волнуйся, ничего страшного. Ну, подумаешь, кушанья пропали! Чего там жалеть? Потом ещё приготовишь... Нам сейчас главное Брюнхильдочку проводить в путь-дороженьку. Бедную мою доченьку... *(Утирает слёзы.)*

Брюнхильда. А может, не надо, а? Пусть вон Хельга ещё разок прыгнет да и наберёт мне золота побольше.

Зиглинда *(передразнивает)*. Хельга-Хельга... А вдруг ей во второй раз не дадут? *(Шепчет Брюнхильде.)* Ты пойми, она

ведь может там у них совсем остаться! Убежит от нас с богатством, будем без гроша в кармане!

Брюнхильда снова смотрит в колодец.

Брюнхильда. А там точно не больно будет?

Хельга. Нет. Только сначала страшно очень, а потом всё как будто во сне...

Брюнхильда. А у этой, у Метелицы, может, сразу про золото спросить? Чтоб зря перины не бить. Вдруг у неё и золота больше нету?

Зиглинда. Сразу не надо, а то ещё вспугнёшь! Лучше после спроси, – так, незаметно.

Брюнхильда. Ага.

Зиглинда. Ну, тогда... с богом, что ли?!

Брюнхильда. Ага.

Зиглинда. Погоди! Надо же сперва веретено кинуть!

Брюнхильда. Ах да... *(Кидает веретено в колодец. Ставится на край колодца, смотрит вниз.)* Ну вот. Всё.

Зиглинда. Ну, удачи!

Брюнхильда. Ага!

Зиглинда. Ну?..

Брюнхильда. Сейчас... А мы точно ничего не забыли?..

Зиглинда. Нет, кажется...

Брюнхильда. Хорошо... Хельга! Ну чего ты тут стоишь? Матушка, я так не могу – чего она стоит и смотрит?

Зиглинда. Хельга, и вправду, чего тебе тут стоять-то? Иди уж в дом, не смущай людей.

Хельга уходит.

Брюнхильда. Ну, всё тогда?

Зиглинда. Да.

Брюнхильда. Ага!.. А...

Зиглинда. Что?

Брюнхильда. Да нет. Ничего... Устала я что-то стоять. Надо ж и посидеть перед дорожкой-то.

Спускается, садится на землю. Зиглинда заглядывает в колодец.

Зиглинда. Да... Беда просто! Глубина-то какая! И как только эта вредная Хельга смогла туда прыгнуть?

Брюнхильда. Это она от страха!

Зиглинда. Точно! От страха прыгнула, трусиха!

Брюнхильда. Я вот не боюсь, потому и не прыгаю.

Зиглинда. Ты у меня молодец! Смелая девочка!

Смотрят обе в колодец.

Зиглинда. Постой, а зачем тебе прыгать? Давай-ка, лучше спустим тебя на верёвочке!

Брюнхильда. И вправду, матушка! Давай на верёвочке!

Зиглинда. Точно! Сейчас принесу! И Хельгу надо позвать, чтобы помогала! А то сидит там, лентяйка, ничего не делает!

Уходит. Брюнхильда сильно повеселевшая ходит вокруг колодца.

Появляется Петух.

Брюнхильда. Ну, теперь-то я утру нос этой Хельге! Будет знать, как в дорогом платье ходить! Уж мне-то золота побольше должны дать, чем такой глупой замарашке! Уж я-то поважнее её буду...

Выскакивает Петух и набрасывается на Брюнхильду. Она от страха забирается на колодец.

Брюнхильда. А ну кыш!.. Брысь отсюда!.. Отстань, говорю тебе, проклятый петух! А то я матушке скажу, она из тебя быстро суп сварит!

Петух отворачивается и отходит. Брюнхильда, почувствовав себя в безопасности, тут же принимается его дразнить.

Брюнхильда. Ага! Испугался?! Ха-ха-ха! Вот так-то! Будешь знать, как со мной связываться! Такой же трус, как и эта Хельга! Все вы трусы-трусы-трусы!..

Петух выскакивает и с разбега толкает Брюнхильду. Она теряет равновесие и с криком падает в колодец. Петух убегает. Выбегают Зиглинда и Хельга с большим мотком каната и останавливаются в растерянности у колодца.

9. Брюнхильда в подземной стране

Вай делоты:

Напрасно раздражила девчонка Петуха,
У петухов есть шпоры и голова лиха!
Хвастливую Брюнхильду он двинул сгоряча,
И полетела дева, от ужаса крича!

И снова всё, как в прошлый раз,
с колодцем получилось:
В стране подземной Свартальвхейм
Брюнхильда очутилась.

Брюнхильда лежит на зелёной поляне. Рядом лежат её мешки.
Гномы осматривают всё это с удивлением.

Дворфофф. Ничего интересного, дорогой Цвергофф. Тут одна еда.

Цвергофф. А у меня целый мешок одежды. Да ещё одеяло с подушкой.

Дворфофф. Интересно, Вы когда-нибудь видели, чтобы люди прыгали в колодец за одеялом с подушкой?

Цвергофф. Это удивительный случай, дорогой Дворфофф! Я обязательно напишу об этом в своём дневнике!

Дворфофф. Напишите, уважаемый. И вот про эту штуку тоже.

Дворфофф показывает найденную им выбивалку.

Цвергофф. Интересно, интересно... Выбивалка для ковров? Зачем?.. А может быть, это... для перин? А? Кажется, я начинаю кое о чём догадываться! Смотрите внимательней, Дворфофф, думаю, где-то здесь должно быть и веретено!

Дворфофф. Гениально, Цвергофф! Вот оно! Как Вы догадались?

Цвергофф. Элементарно, Дворфофф! Это берём с собой. И выбивалку тоже – хорошая вещь, новая.

Дворфофф. Гостью будем оживлять, или сама пусть очнётся?

Цвергофф. Нет, её надо будить – что-то долго лежит уже.

Гномы травинкой щекочут лицо Брюнхильды. Она чихает и приходит в себя.

Гномы накрываются плащами и становятся невидимыми.

Брюнхильда встаёт, осматривается. Пытается поднять один мешок, другой.

Устало садится.

Раздаются оханья печки.

Брюнхильда. Что там за оханья? Может быть, старуха Метелица так стонет? Пойти, что ли, взглянуть?

Идёт. Перед ней возникает печь.

Гномы (*невидимые, вместе, изображая голос печки*):

Здравствуй, доброе сердечко.

Это я вздыхаю – печка.

Целый день пекла-дымила, угольки в себе калила,

Тесто замесила пышно, и начинка вкусной вышла.

А теперь готов пирог. Вынуть кто б его помог?

Брюнхильда. Вот ещё! Охота мне руки пачкать! У меня там, на поляне, своих пирожков целый мешок остался. Пойти, что ли, перекусить? Так... а куда идти-то? Что-то я запуталась...

Гномы (*невидимые, вместе, изображая голос печки*):

Тут куда ни повернёшь, всё равно вперёд пойдёшь.

А обратного пути не найти, как ни крути.

Брюнхильда. Ладно уж, сама как-нибудь разберусь! Будут ещё мне тут всякие печки указывать!

Идёт дальше. Возникает яблоня.

Гномы (*невидимые, вместе, изображая голос яблони*). Ах, девица-красавица, не проходи мимо! Помоги! Избавь мои ветви от тяжёлых яблок. Смотри, какой урожай – я еле держусь.

Брюнхильда. Ну конечно! А если мне на голову яблоко упадёт?

Гномы (*невидимые, вместе, изображая голос яблони*). Там, вон, шлемик за стволом лежит.

Брюнхильда. Ещё чего! Что я, глупая, что ли – в шлеме яблоки трясти! Зачем мне это надо?

Гномы (*невидимые*). Ах, девица-красавица, это же мне надо! Помоги! Погибаю от тяжести!

Брюнхильда. Тебе надо, ты и тряси!

Уходит. Яблоня с хрустом ломается. Гномы снимают плащи-невидимки.

Гномы:

– Вот же лентяйка какая попалась! Из-за неё вся яблоня сломалась!

– И печка чуть не сгорела! Надо будет фрау Холле рассказать.

– Да... А эта девчонка пусть теперь по лесу бродит. До самого вечера. Не будем её охранять!

– Не будем! Пусть потрясётся подольше от страха!

– Пусть потрясётся!

10. Брюнхильда и Метелица

Вайделоты:

И в тёмный лес дремучий Брюнхильда побрела,
Куда по воле гномов тропа её вела.
В густые буреломы, где вечный мрак царит,
Где даже самый смелый с опаскою глядит.

Брюнхильда выла и тряслась.

То кралась, то бежала.

Но только к вечеру она опушку увидала.

Метелица ждёт новую гостью. Появляется Брюнхильда. Она вся мокрая, в паутине, в листьях, дрожит от страха и от злости одновременно.

Брюнхильда. А! Вот вы где! Это п-п-просто ужас какой-то! Я т-т-там чуть не з-з-заблудилась в этом вашем п-п-проклятом лесу! Не могли что ли д-д-дорогу ка-а-кую-нибудь сделать там... с ла-ла... ла-ла-ла... с ла-лампочками...

Метелица. Ну, здравствуй, Брюнхильда. Ты, наверное, пришла мне помочь? (*Показывает выбивалку для ковров, которую нашли гномы.*) Это очень похвально, что ты так заботаешься о бедной старушке.

Брюнхильда. Что? Бедная старушка?.. А Вы точно Метелица?

Метелица. Да. Это я, не волнуйся.

Брюнхильда. Ага. Тогда хорошо... А... это... ужин-то готов?

Метелица. Ужин? Готов. Я понимаю, после такого путешествия тебе, наверное, хочется подкрепиться?

Брюнхильда. Конечно! И поспать бы тоже. А то я устала, пока шла.

Метелица. Верю, верю. Как же тут не устать... Господа гномы, ну-ка появись!

Появляются Гномы.

Метелица. Пожалуйста, знакомься, Брюнхильда. Это мои друзья-помощники: Цвергофф и Дворфофф.

Брюнхильда. Ой, какие малявки! Да... От таких помощников, наверное, толку немного.

Метелица. Ну, мы ещё посмотрим, много ли будет толку от такой большой помощницы, как ты.

Брюнхильда. Не сомневайтесь, госпожа Метелица! Когда я отдохну, Вы увидите, что я достойна самой высокой награды!

Метелица. Понятно. Ну что ж, господин Дворфофф, проводите гостью на отдых. А Вы, господин Цвегофф, готовьте перины. Пора мне браться за работу.

Брюнхильда и Дворфофф уходят.

Цвергофф выносит перины, укладывает их (или развешивает).

Метелица берёт в руки выбивалку Брюнхильды и сначала пробует ею выбивать перины, но вскоре недовольно откладывает её, берёт свою, старую, начинает взбивать перину.

Летит пух, звучит волшебная музыка.

Открывается вид из подземной страны на двор *мачехи*. Идёт снег.

На дворе – Хельга и Зиглинда.

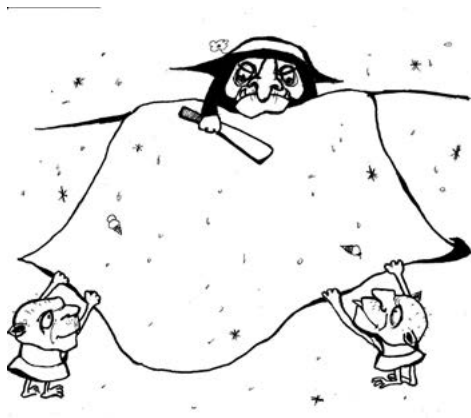
Зиглинда. Ага! Вот и снег пошёл! Это моя Брюнхильдочка перины взбивает! Смотри, Хельга, сколько снега! У тебя-то, никак, поменьше было!

Хельга. Это Вам лучше знать, матушка Зиглинда. Я же тогда не видела, сколько снега было.

Зиглинда. Сейчас больше! Это точно! Значит, и золота больше будет! Молодец, Брюнхильда! Сразу видно – моё воспитание!

Музыка стихает. Метелица завершает выбивание перины. Появляется Брюнхильда.

Метелица. Ну что, Брюнхильда, ты хорошо отдохнула?

Брюнхильда. Не очень. Вы так громко стучали всю ночь, что я не могла уснуть.

Метелица. Что же поделаешь – надо было перины взбивать.

Брюнхильда. И напрасно Вы торопитесь. Я бы Вам сама их взбила лучше всех! А теперь, вот, никаких сил нет – спать охота. *(Берёт выбивалку и пару раз ударяет по перинам.)* Ох... Давайте лучше сейчас отдохнём, а потом я Вам все перины взобью, честное слово! Так взобью, что весь пух улетит! Знаете, какая я сильная!

Метелица. О! Это замечательно! Но ты снова хочешь спать, а на земле уж зима скоро кончится.

Брюнхильда. Велика беда! Одна зима закончится, другая придёт. Куда торопиться-то? Лучше бы Вы, госпожа Метелица, тоже отдыхали. Чего по ночам-то работать? Вот, берите пример с меня – будете жить припеваючи! Уж я Вас научу, не сомневайтесь! Только и мне взамен надо будет чего-нибудь дать. Ну, золота, например, и платья, чтобы по размеру подходили. Вы знаете мой размер?

Метелица. Знаю, деточка, знаю. А не пора ли тебе домой, как ты думаешь? Там как раз и отдохнёшь вволю.

Брюнхильда. Уже домой? А под воротами я буду проходить?

Метелица. Ну а как же иначе? Будешь.

Брюнхильда. Хорошо тогда! Я согласна. Чего мне тут зря сидеть, если уже идти можно?!

Метелица. Тогда – счастливого пути! Закрывай глаза, считай до семи и сразу окажешься сразу у ворот своего дома.

Брюнхильда. Ага. Закрываю...

Метелица и Гномы исчезают. Брюнхильда оказывается перед воротами своего дома, делает шаг-другой, и, как только она оказывается под воротами, на неё сверху льётся чёрная смола.

Откуда ни возьмись, появляется Петух и кричит.

Петух:

Ку-ка-ре-ку! Смотри, народ!

Замарашка к нам идёт!

Появляются Зиглинда и Хельга, Петух убегает.

Хельга. Какое чудо, матушка! Кажется, наш петух заговорил!

Зиглинда. При чём тут петух! Это же наша красавица Брюнхильдочка вернулась...

Замечают Брюнхильду.

Зиглинда. А!!! Что это?! Почему ты вся в смоле?!!

Брюнхильда (*рыдая*). Я... я не зна-а-аю...

Зиглинда. Где золото?! Золото где?! Стряхни, стряхни эту смолу, там золото под ней!

Брюнхильда. Она не стряхивается!

Зиглинда пытается стереть с Брюнхильды смолу, но сама прилипает к ней и вскоре тоже становится чёрной.

Петух:

Ку-ка-ре-ку! Смотри, народ!

Две грязнули у ворот!

ФИНАЛ

Первоначальная картина – Вайделоты у костра.

Вайделоты:

Жила в земле тюрингов на хуторе вдова
По имени Зиглинда, сварлива и скупа.

А дочь её, Брюнхильда, лентяйкою была,
И от того случилась с Брюнхильдою беда.

А Хельга была доброй, и слух о ней кружил.
И вскоре принц тюрингов ей руку предложил!

Не зря живут преданья о зле и о добре,
Нравоучений мудрых полны сказанья те.

Занавес.

ГрОбовщИк

Инсценировка по мотивам повести А. С. Пушкина

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А д р и я н – Адриан Прохорович Прохоров, гробовщик

А к с и н ь я, его работница (тайно влюблена в Адриана)

Д а р ь я, его старшая дочь

А к у л и н а, его младшая дочь

К у п ч и х а – купчиха Елизавета Егоровна Трюхина

Ш у л ь ц – Готлиб Шульц, сапожник, немец

Л у и з а, его жена, немка

Л о т х е н, его дочь, немка

Ю р к о, будочник, младший полицейский чин

Б у л о ч н и к – Иоганн, булочник, немец

Д е н щ и к – денщик племянника Трюхиной

Б р и г а д и р, – отставной бригадир, мертвец

Б е д н я к – Шабашкин Антон Панфутъич, мертвец

С к е л е т – Курилкин Петр Петрович

С в я щ е н н и к

Н а р о д, Гости Шульца, Мертвецы

МЕСТА ДЕЙСТВИЯ

На кладбище

Дома у Адриана

В гостиной у Шульца

В гостиной у купчихи Трюхиной

1. Похороны отставного бригадира

На кладбище.

Похоронная процессия у могилы. Грохот грома. Вспышки молнии. Ощущение приближающегося ливня.

А д р и я н. Батюшка, нельзя ли сегодня поскорее? Не ровен час, промокнем.

С в я щ е н н и к. Побойся бога, сын мой, усопшему дань воздать надлежит честь по чести. Ужель промокшая рубаха твоя важнее упокоения души человеческой?

А д р и я н. Кабы только моя рубаха, уж я бы молчал.

С в я щ е н н и к. Да что ж за беда-то? Чай не сахарные.

А д р и я н. Помилуй, отец, а то ты не знаешь! У меня ж тут одних мантий да шляп напрокат взяли рублей на 50! Шляпы ж бумажные – не приведи господь под ливень попасть – сплошное разорение! Мантии сузятся – кто их потом наденет? Опять же гроб заказали крашеный, на обивочку поскупились, а краска, даром что немецкая, на воду не рассчитана. Слава богу, хоть закопать успели...

Раскат грома.

С в я щ е н н и к. Уймись ты, Адриан, ради Христа. До того ли сейчас? В такой день!

А д р и я н *(про себя)*. А что день? День как день. Самый обыкновенный. *(Священнику)*. Вот разве только дождь может хлынуть в любой момент. Вы уж, батюшка, поспешите... А то ж не приведи господь... *(Молится в голос)*. Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас. Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас...

Н а р о д *(повторяет)*. Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас.

Священник. Тьфу... ты об чём молишься-то, Ирод?..
(Громко.) Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Народ (повторяет). Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Раскат грома.

Священник (откашлявшись). Господня земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущий на ней. Той на морях основал ю есть, и на реках уготовал ю есть. Кто взыдет на гору Господню? Или кто станет на месте святем Его? Неповинен рукама и чист сердцем, иже не прият всуе душу свою, и не клятятся лестию искреннему своему... (Гром. Нарастающий шум дождя.) Сей примет благословение от Господа, и милостыню от Бога, Спаса своего. Сей род ищущих Господа, ищущих лице...

Адриан (перекрикивая священника и шум дождя). Воля ваша, батюшка, а надо бы поспешать! Сейчас польёт как из ведра...

Священник. Кхе... Возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная, и внидет Царь славы. Кто есть... кто есть сей... Царь...

Адриан (кричит). Полно уж, святой отец! Всё одно ничего не слышать!

Священник. Да уймись же ты, окаянный!.. Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, поми-и-и-луй.

Народ (повторяет). Господи, поми-и-и-луй

Священник. Слава Отцу, и Сыну, и Святому Ду-у-уху.

Народ (повторяет). Слава Отцу, и Сыну, и Святому Ду-у-уху.

Священник. И ныне, и присно, и во веки веков. Ами-и-инь.

Гром, молния, темнота.

2. Дома

Дома у Адрияна.

А д р и я н и А к с и н ь я. Адриян задумчиво пьёт чай. Кругом гробы, вперемежку с наспех расставленной мебелью. Некоторое время молчат.

Из «соседней комнаты» временами доносится девичий смех.

А к с и н ь я. Гляжу я на тебя, батюшка, Адриян Прохорович, всё-то ты грустить изволишь.

А д р и я н. А чему радоваться-то прикажешь?

А к с и н ь я. Вот чудной. Видать, чему люди рады, то тебе в тягость.

А д р и я н. Эка ты дура, Аксинья! В тягость! Я тоже не злодей какой! Но когда у нас за две недели только одни похороны, это ж совсем не порядок. Глядишь, по миру пойдём... Дождь этот ещё – уж как был некстати! Все гробовые наряды попортил... Кругом одни убытки.

А к с и н ь я. Что ты, батюшка! Я уж о ремесле твоём не заикаюсь. Дак ведь ты и новому дому будто не рад! Шутка ли – такой дом купить изволил! Не в пример старой лачуге. Тут бы радоваться да на новоселье народ созывать, а ты ходишь тучей. Дочки твои, вон, праздника ждут, а не похорон.

А д р и я н. Но-но! Будут похороны, будет и праздник. Что тут тебе непонятного?.. Поди лучше узнай, как там у них вывеска, готова ли? Что-то долго пишут.

А к с и н ь я. Дак стараются, видать. Для нового дома-то по-красивше выводят.

А д р и я н. Долго, долго уже! Полдни без вывески сидим. Поди, подгони.

Аксинья уходит.

А д р и я н (*один, листает потрепанный бухгалтерский журнал*). Подгони-подгони... Кабы можно было ещё кого подогнать.

Вот чего иным неймётся? Уж и ноги не ходят, и кусок в горло не лезет, а всё одно – упираются, не желают... того... отдохнуть уже. Всё выжидают чего-то. А чего, спрашивается? Отставной бригадир, вон, дождался, что его под дождём хоронили. Да и ладно, если б только дождь! А то ж всё наследство на докторов извёл, до осени дотянул, да без обивки так и поехал. Хорош гусь! А ведь ещё каким приятелем был! Нет. Обо мне никто не думает... Вот Шабашкин Антон Панфутьич... опять же, друг детства. До того довёл, что даром хоронили. Ни копейки за душой не оставил, шельмец. А я что – злодей какой, что ли? Мне куда деваться прикажешь? Всю жизнь от своей же доброты страдаю, и хоть бы кто спасибо сказал.

А к с и н ь я вносит большую фанерную вывеску. Ярко раскрашенную. Перед надписью изображён «дородный Амур с опрокинутым факелом в руке».

А к с и н ь я. Вот, батюшка Адриан Прохорович, изволь взглянуть! Дочки-то твои как славно малюют! Красота, право!

А д р и я н. А что написали-то?!

А к с и н ь я. Что просил, батюшка, то и написали. Разве не так?

А д р и я н. Ты, Аксинья, помолчала бы. Больно грамотная.

А к с и н ь я. А хоть бы и грамотная! Я, Адриан Прохорович, слава богу, сызмальства грамоте обучена. Наш барин-то, покойный Василь Кирилыч, большой пресвятитель был, прости господи! Всех крестьянских детей грамоте обучал, чтобы стихи егонные читать могли. Эдак, встамши на тубареточку-с.

А д р и я н. Экий ты вздор несёшь, Аксинья. Ну-ка, прочти, что написано... Что молчишь-то?

А к с и н ь я. Так сперва ж про себя надобно... Вот: *(с важным видом)* «Здесь продаются и обиваются гробы простые и крашенные».

А д р и я н. Это так. Но далее я просил написать: «отдаются напрокат и починяются старые».

Аксинья. И починаются старые... кто? Гробы?

Адриан. Они самые. Разве это непонятно?

Аксинья. Да нет, батюшка, оно понятно, конечно, понятно... Только... откуда ж они возьмутся, старые гробы-то?

Адриан. Хм... Вот дура! Ступай, скажи, чтоб строчку дописали как надо. А до другого тебе дела нет. Ступай, говорю!

Адриан снова утыкается в свой журнал.

Аксинья. Воля ваша, Адриан Прохорович. Отдаются напрокат и починаются старые... отдаются напрокат и починаются старые...

Адриан. Погоди... Ты, часом, не слыхала, каково поживает купчиха Трюхина? Что люди говорят о ней?

Аксинья. Трюхина? А мне-то какое дело? Ну, говорят, больна, дак она уж год как больна. Это, батюшка, не новость. И дай-то бог ей здоровья. А вот ты, батюшка, чем о купчихе заботиться на старости лет, лучше б о дочерях подумал! У купчихи, чай, свои родственники имеются.

Адриан (*что-то помечая в журнале*). Да вроде есть один племянник... А что дочери? Разве чем обижены?

Аксинья. Как же не обижены, когда в новый дом въехали, а новоселие справить не желаем! Девки молодые взаперти сидят – ни гостей тебе, ни праздника! А суседи новые что скажут? Разве так делается? Страм, да и только!

Адриан. Но-но, Аксинья! Ты говори, да не заговаривайся! А то, гляжу, и впрямь больно грамотная стала!.. Праздника им подавай... Вот бабы...

Достаёт шкатулку. Неуверенно вынимает оттуда пару купюр.

Адриан. Вот! Смотри, дура! Вишь? Специально на новоселье припас! Иль ты думала, я не понимаю? Или я злодей какой? Ан нет! У меня всё чин по чину, да только – чу! – всему свой

срок и своё время. (*Убирает деньги обратно в шкатулку.*) Это у вас, у баб, все просто. А мне ещё подумать надо да посчитать, поняла? Может, завтра справим, а может, и днём позже. То не твоя забота, слава богу... Теперь ступай уже, да про надпись не забудь.

Аксинья (*радостно*). Помню, батюшка, а как же! Отдаются напрокат и починяются старые... Всё как есть помню, Адриан Прохорович. Уж прости, благодетель. Всё помню.

Адриан. Да ступай ты уже, господи! Никакого покою...

Аксинья уходит. Адриан пытается спрятать шкатулку в куда-нибудь другое место, но не успевает. Стук в дверь.

3. Приглашение на серебряную свадьбу

Там же.

Адриан со шкатулкой в руках. Стук в дверь.

Адриан. Вот нелёгкая!.. Аксинья! Кого там ещё принесло? Открой! (*Себе.*) Неужель, наконец, от Трюхиной? И то верно! Давно пора бы...

Входит Шульц. (Говорит с лёгким немецким акцентом.)

Шульц. Извините, любезный сосед, что я вам помешал... Я желал поскорее с вами познакомиться. Я сапожник, имя моё Готлиб Шульц. Живу от вас через улицу, в этом домике, что против ваших окошек.

Адриан. Прошу, проходите. Будем знакомы. Я Адриан Прохоров. Гробовых дел мастер.

Шульц. Очень приятно, дорогой Адриан. Очень приятно. Завтра я праздную мою серебряную свадьбу и прошу вас отобедать у меня по-приятельски.

А д р и я н. Благодарствую, ваша милость. Приду всенепременно. А куда вот присаживайтесь чайку откусать.

Ш у л ь ц. О нет, прошу вас, Адрьян, не извольте беспокоиться. Мне теперь недосуг – много забот по приготовлению праздника.

А д р и я н. Да. Это я понимаю. Верно, нынче такие дела недёшевы? *(Смотрит на шкатулку.)*

Ш у л ь ц. Э-хе-хе... недёшевы, что и говорить, любезный.

А д р и я н. Да... А какво торгует ваша милость?

Ш у л ь ц. И так и сяк. Пожаловаться не могу. Хоть, конечно, мой товар не то, что ваш: живой без сапог обойдётся, а мёртвый без гроба не живёт.

А д р и я н. Сущая правда! Однако ж, если живому не на что купить сапог, то, не прогневайся, ходит он и босой; а вот нищий мертвец и даром берёт себе гроб.

Ш у л ь ц. О! Даром? Я того не знал... у вас очень непростое ремесло, любезный сосед... Да... Непростое... Нынче стало так много нищих...

А д р и я н. Э-э. Не то слово! Каждый так и норовит... Ну вы, я вижу, человек понимающий. Чего вам объяснять.

Ш у л ь ц. Да... Я понимаю... Ja... ja-ja... Так вы уж приходите, не забудьте.

А д р и я н. Всенепременно, дорогой Шульц.

Ш у л ь ц. В таком случае, до завтра, дорогой Адрьян.

Адрьян провожает Шульца до двери.

А д р и я н. До завтра, дорогой Шульц. Премного благодарен вашей милости.

Шульц уходит.

А д р и я н. Вот те и «я-я»... Но это, верно, полезное знакомство. Дарья! Акулина! Что вы там копаетесь? Быстро идите сюда!

Являются дочери Адрияна Дарья и Акулина. С ними и Аксинья. Дочки словно художницы – в фартуках, измазаны красками.

Адриян. Ну что, живописецы, готово?

Акулина. Там, батюшка, на табличке места маловато. Может, мы не будем про старые гробы-то писать?

Дарья. Табличка такая красивая вышла. Куда ж ещё больше?

Адриян. Ой, ой... развели тут художества... Это всё ваш глупый Амурчик место занял. Распустили мне нюни вместо объявления. Коли доска мала, берите, вон, хоть это. *(Стучит по крышке гроба.)* Всё одно брак – по размеру не подошёл.

Аксинья. Господь с тобой! Неужто целый гроб у ворот повесишь? Ополоумел совсем?

Адриян. О! Аксинья! Да ты молодец! Дура-дурой, а как славно придумала! Целый гроб! Ей-богу, славно! Для такого дела не жалко! На нём всё и напишем. А что? Такого ещё ни у кого не бывало, верно? Сразу заметят! А? Чего молчите?

Дарья. Я, вот, думаю, поместится и на табличке. Акулина, скажи. Чего нам заново-то писать? Там уж всё почти готово.

Акулина. А я-то что? Я как раз и говорю, что поместится, только места, говорю, маловато, а так – поместится, конечно! Чего там!

Адриян. Не-е... Мне теперь на гробе больше нравится... Вот, ежели, скажем, кто читать не умеет – что ему ваша табличка? Плюнет да мимо пройдёт.

Аксинья. А так все прям и побегут к тебе, коли гроб повесишь! Совсем батюшка сбрендил на старости лет.

Адриян. Не побегут, а заприметят сразу. И как времечко придёт, так наш гроб и вспомнится. Ко мне пойдут, а не к кому другому... Да и что тебе объяснять – ты баба тёмная, а тут наука сурьезная... Всё, дочки, бросайте это дело. Пустое. После гроб распишем.

Акулина. Да как же, батюшка?!

Дарья. Мы же столько старались...

Адриан. Цыц! После, я сказал! Покуда – готовьте наряды. Завтра к соседу идём. На приём.

Аксинья. Это к немцу, что ли?

Адриан. К нему. На серебряную свадьбу пригласить изволил.

Дочки визжат в диком восторге. Убегают.

Аксинья. Немец, вон, твой, хоть и сапожник, да сапоги на воротах не вешает.

Адриан. Полно, Аксинья. Сама ж первая придумала, а теперь и недовольна.

Аксинья. Дак я ж наоборот! Господи, угораздило же сказать такое...

Адриан. И славно, что сказала! Всё. Об этом после. Сейчас я еду к купчихе Трюхиной. Верно, к вечеру обернусь. Так ты это – помоги пока дочкам собраться. Чтoб всё по высшему чину смотрелось. Поняла? Дело важное.

Аксинья. Дак, поняла... А чего ж это, к Трюхиной-то?

Адриан. Значит так надо. Дело есть... А ты не стой, не стой. Иди дочками занимайся.

Уходит.

Аксинья. Нет, ты глянь, что творится! Только новый дом купил, сразу по бабам пошёл. Право слово, седина в бороду – бес в ребро... Трюхина! Это ж надо? Тьфу... Да, вишь, другие хоть гробы на воротах не вешают! Этот же совсем уже, прости господи. Надо ж такое удумать... Ещё говорит, я у него молодец! Тьфу!

Уходит, причитая.

4. У купчихи Трюхиной

В гостиной у купчихи Трюхиной.

Купчиха не старая, но измождена долгой болезнью. Разговор часто прерывается её кашлем и пожеланием здоровья со стороны Адрияна.

Купчиха. Адриан? Здравствуй, голубчик. Слыхала, ты переехал? Далеко ли?

Адриан. На Никитскую.

Купчиха. О! Это хорошо. И как дом? Большой? Новоселье, верно, справлять будете?

Адриан. Куда там, справлять! Уж больно велики расходы, матушка. Дом, хоть и небольшой, да денег стоит. И место, вроде, хорошее, да клиентов мало.

Купчиха. Это ничего. Обустроишься. А чего пришёл-то, коли на праздник не зовёшь?

Адриан. Так, вот, справиться о здоровье.

Купчиха. Здоровье? Сам видишь, какое здоровье. Чахотка проклятая замучила. Наши лекари только обирают как липку, а пользы никакой... Тут, кстати, один известный француз на три дня приехал. У него, говорят, хорошее средство есть, да только у меня сейчас нет таких денег.

Адриан. Что ж, так дорого?

Купчиха. Дорого-недорого, да не хватает малости. У меня ж как раз всё на товар ушло. Может, ты, Адриан, чего купишь? Или займы дашь? Веришь ли, я как заболела, так все друзья словно испарились. Даже занять не у кого.

Адриан. Дак откуда же деньги взять, матушка! У тебя чахотка, у меня переезд. Заказов нету. Если б мог, то помог бы, чего там! Здоровье, оно, конечно, дороже.

Купчиха. Это похвально, Адриан, что ты о здоровье моём печёшься. Похвально... Но ежели ты думаешь, что ткань у меня

подешевеет, то не надейся. И с меня, голубчик, мануфактура дерёт втридорога. Никакой жалости к больному человеку. Ты уж там своим клиентам объясни. Пушай понимают. Дело, мол, у тебя такое, что экономить грех... Это ж не каждый день бывает!

А д р и я н. Твоя правда, матушка.

Куп ч и х а. Ты сам, Адриан, верно, дела не смыслишь, оттого и дело стоит. Я б на твоём месте уж давно не сатином, а бархатом гробы обивала. Глядишь, и клиент бы серьезней пошёл. А бархат, к слову, у меня нынче роскошный. Тебе, голубчик, по старому знакомству могла б и уступить в цене-то.

А д р и я н. Премного благодарен. Только теперь не могу. Заказов-то нету. Да и народ, матушка, неразумный пошёл. Все в последний момент спохватываются, когда уж и спохватываться поздно. Я, признаюсь, даже задумываться стал о странностях человеческой породы.

Куп ч и х а. Да бог с тобой, голубчик. Об чём же таком ты задумался?

А д р и я н. Да вот, скажем, люди на чёрный день откладывают деньги, не жалеют. Стало быть, заранее допускают, что такой день может случиться. А ведь это ещё неизвестно, как сложится! Ведь бывает, живёт себе человек, а с ним ничего и не случается. Верно же? Но странное дело – предложи только кому заранее гроб заказать, так ведь ни за что не соглашаются! Как на злодея смотрят! Хотя здесь-то уж точно известно, что гроб обязательно потом пригодится. Разве не так?

Куп ч и х а. Так-то оно так... Но... Кому ж охота...

А д р и я н. А я ж не злодей какой. Я ж, матушка, предлагаю как лучше. Чтобы потом родственники часом не обманули. Чтобы уже человек спокоен был. Опять же, и платить всё сразу не обязательно! Сегодня денег нет, завтра будут. Я ж понимаю... Чем, вон, на неизвестные лекарства тратиться, лучше бы уж на то, что всегда потом пригодится...

Купчиха. Погоди... Ты о чём это?..

Адриан. Я это... я ж могу и с бархатом сделать. Заранее-то можно как угодно договариваться. Зато гроб лучше всех будет, право слово! А? И в цене могу уступить...

Купчиха. А ну вон! Вон отсюда! Мерзавец! А я ему ещё скидки делала!.. И чтобы духу твоего здесь не было! Слышишь?!

Адриан. За что же, матушка! Уж ты-то деловой человек, а понять не можешь...

Купчиха. Вон, я сказала! И слушать не желаю!..

Адриан. Что ж... прощайте, коли так.

Адриан уходит. Купчиха кашляет.

Купчиха. Каков подлец!..

5. На серебряной свадьбе у Шульца

В гостиной у Шульца.

«Тесная квартирка Шульца наполнена гостями, большей частью немцами-ремесленниками, с их жёнами и подмастерьями».

Хозяева: Шульц, его жена Луиза, их дочь Лотхен. Из гостей один русский – Юрко (будочник-охранник у Никитских ворот).

Праздник в формате фуршета. Стулья отсутствуют. Стол немного в глубине.

Возле него, или за ним, возможно некое возвышение, с которого будут объявляться тосты. Общий гомон преимущественно на немецком языке.

Отдельные диалоги происходят на переднем плане, в стороне от стола.

Луиза и Лотхен в дальнейшем дежурят у стола по очереди, либо одновременно. Шульц и Луиза приглашают шумную компанию к столу.

Лотхен у стола разливает вино по бокалам.

Шульц. Willkommen! Willkommen, teure Gäste! Проходите, гости дорогие! Проходите, не стесняйтесь.

Гости направляются к столу. Юрко немного в стороне ото всех. Входит Булочник Иоганн.

Булочник. Meine Achtung! Guten Tag!

Шульц. Guten Tag, Johann!

Луиза. Guten Tag! Sie gehen, bitte. [Зи гейн битте.]

Шульц и Луиза отходят к столу.

Юрко. О-о, Ёхан! Здорова, брат! Давненько тебя не видел!

Булочник. Ja! Много дела стало! Время совсем нету.

Юрко. А меня, вишь, тоже позвали. Очень приятно, знаешь ли. Только вот хожу теперь средь вашего брата и ни черта не получаю...

Лотхен (*подходит к ним*). Ich bitte zum Tisch.

Юрко. Ага...

Булочник. Danke!

Юрко. Что говорит? Пора, что ль? Это гуд!.. А дочка-то у них подросла! Смотрю, невеста уже!

Булочник. Да, так. Верно, скоро так будет. Ja.

Отходят к столу.

Входит гробовщик Адриан с Дарьей и Акулиной. Дочери Адриана наряжены в «европейские наряды», в жёлтых шляпках и красных башмаках. Сам Адриан в русском кафтане. Шульц и Луиза устремляются навстречу.

Шульц. О! Любезный сосед! Добро пожаловать!.. Дамы, прошу... Моё имя Готлиб Шульц. Это моя супруга Луиза. Прощу знакомиться.

Дамы делают книксены.

Адриан. Адриан Прохоров. Это мои дочери – Дарья и Акулина.

Луиза. Очень приятно. Ви будете хороший компания нашей Лотхен.

Шульц (*громко*). Господа, позвольте представить. Это Адриан, наш новый сосед. Гробовой мастер. Sehr nötiger Mensch! (*Адриану.*) Прошу! Willkommen!

Адриан с Шульцем идут к столу.

Луиза и Дарья с Акулиной остаются в стороне. К ним подходит Лотхен, повинувшись жесту Луизы.

Луиза. Позвольте представлять. Майн дочь Лотхен.

Акулина. Акулина.

Дарья. Дарья.

Лотхен. Es ist sehr angenehm!

Луиза отходит к столу.

Дарья. Сегодня замечательная погода, не правда ли?

Лотхен. Ohh, ja! Natürlich! Осень – это хорошо! Я есть большой любитель!

Акулина. О, я тоже люблю поесть! Иногда, знаете, так тянет на сладкое...

Шульц. Дамы и господа! Прошу внимания! Предлагаю тост за здоровье моей доброй Луизы!

Шульц целует Луизу.

Все шумно аплодируют и выпивают.

Лотхен. Хм... Сладкое... Что есть «сладкое»?

Акулина. А чего его не есть-то, ежели вкусно?!

Дарья. Акулина, помолчи. Лотхен, моя сестра хочет сказать, что у вас очень мило. Хорошо!

Лотхен. Ohh, хорошо! Danke! Хорошо! Я прошу проходить угощаться!

Дамы идут к столу.

Шульц. А теперь – за здоровье любезных гостей моих!

А д р и я н отходит от стола. В одной руке у него графинчик с водкой, в другой рюмка. К нему подходит Ю р к о с рюмкой. В процессе разговора, графинчик нещадно опустошается независимо от тостов.

Позже к ним ненадолго присоединяется Бу л о ч н и к .

Ю р к о. Адриян? Их, это, бин Юрко.

А д р и я н. А... Гуд... Юрко, ага. А я, это... Адриян я.

Ю р к о. Я-а-а! Я понял! Ты это... как его... *(Изображает руками прямоугольник и крестится.)*

А д р и я н. Чего? Не... я – это... *(Изображает, что держит тяжесть на плече.)* Гробовщик.

Ю р к о. Да ты русский, что ли?

А д р и я н. Да.

Ю р к о. Тьфу! То-то я смотрю, вроде, одет по-нашему! А я – Юрко, будочник. У Никитских ворот в будке охраняю. Может, видал?.. О, а это мой приятель – Ёхан. Знакомься. Ёхан – легко запомнить. У него булочная тут на Никитской.

А д р и я н. О! Булочная? Рад познакомиться!

Бу л о ч н и к. Иоганн.

А д р и я н. Очень приятно, господин Ёхан. Адриян.

Бу л о ч н и к. Доннэр вэттэр...

А д р и я н. Чего?

Бу л о ч н и к. И-о-ганн!

А д р и я н. Ну да, Ё-ханн. А я – А-дри-янн.

Бу л о ч н и к. Доннэр вэттэр...

Бу л о ч н и к, недовольно кивнув, о т х о д и т .

Ю р к о. Не обращай внимания – ворчит чего-то, да и пусть его ворчит. Ты, Адриян, когда будешь проходить у Никитских ворот, так заглядывай теперь. По-приятельски. Поболтаем.

А д р и я н. Всенепременно! Только, ежели с похоронами мимо пойду, дак не обессудь – уж останавливаться не буду. Работа.

Ю р к о. Понимаю, брат.

Один из гостей. Дамы и господа! Я поднимаю этот бокал за здоровье всей Москвы! Ура!

Все кричат «ура». А дрян и Юрко идут к столу. Их место занимают Булочник и Дарья. Чуть позже присоединяется Акулина.

Булочник. У вас чудесное платье, фройляйн!

Дарья. Благодарю.

Булочник. Я могу просить мой друг-портной. Он сделает вам ещё лучше! Он очень хороший портной.

Дарья. Я, право, не знаю. Мне надо посоветоваться с батюшкой.

Булочник. Я могу просить мой друг шить бесплатно. Это я хочу дарить вам.

Дарья. Вот ещё! С чего вдруг? Я бесплатно не возьму!

Булочник. Почему? У вас так много денег?

Дарья. Да. Много... Акулина! Акулина, поди сюда! Это моя сестра, Акулина.

Акулина (*подходит*). Что?

Дарья. Ничего. Сколько можно есть?.. Вот, знакомься. Это булочник.

Акулина. Ой! Булочник! Как я рада!

Булочник. И-о-ганны.

Акулина (*протягивая руку*). И-о... как?

Дарья. Иоган!

Булочник. Очень приятно! (*Целует руку Дарье.*) Данке! Так вы подумайте о платье, фройляйн Дарья. Подумайте.

Отходит. Акулина остаётся с протянутой рукой для поцелуя.

Акулина. Станный какой-то. Он с кем знакомился-то?

Дарья. Да что с них взять... Иностранцы...

Место для тостов занимает А дрян.

А дрян. Господа! Предлагаю выпить за здоровье всех мастеров!

Все радостно принимают гост и начинают друг другу кланяться, чокаясь.

Дарья. Вот! Видала? Экий гост батюшка высказал – знай наших!

Акулина. Да. Видать, всем понравилось. Только... не много ли батюшка водочки принял? Боюсь, как бы не разбушевался.

Дарья. Это верно. За вами обоими глаз да глаз нужен.

Акулина. А я-то причём?

Дарья. Да тебе только дай волю – будешь есть, покуда не лопнешь... Ладно, идём. Попробуем его от стола отвести.

Идут к столу. На место объявления тостов тем временем взбирается Булочник.

Булочник. Господа мастера и подмастерья! Хочу поднимать бокал за здоровье тех, на кого мы работаем, unserer Kundleute!

Очередной тост воспринимается публикой так же радостно, как и все предыдущие. От стола дочери отводят уже довольно выпившего Адрияна.

С ними, держась за Адрияна, такой же Юрко. Оба с рюмками.

Юрко. Адриян, ты слышал, что Ёхан сказал? За здоровье наших клиентов!

Адриян (*повторяет с готовностью, не задумываясь*). За здоровье наших клиентов!

Чокаются. Юрко вдруг начинает давиться от смеха.

Сперва его поддерживают и Адриян с дочерьми, не понимая причину смеха.

Юрко (*сквозь смех*). Ёханный... Ёхан... (*Громко всем.*) Господа! Однако премилый анекдот вышел! Наш Адриян-то пьёт за здоровье своих мертвецов! А? Ну, что же ты, батюшка, стал? Пей!!!

Все весело смеются. Кроме Адрияна и его дочерей. Юрко чокается с неподвижным Адрияном, весело выпивает, запрокинув голову, отчего тут же теряет равновесие и падает на руки подоспевших гостей. Юрко окружают, поднимают, ведут под руки к столу.

В этой суете никто не замечает Адрияна, абсолютно застывшего с грустной миной на лице и с рюмкой в руке. Дочери также стоят парочкой отдельно, со страхом глаза то на Адрияна, то на всех остальных.

Адриян начинает говорить. В процессе его монолога картина меняется, гости исчезают. В финале монолога Адриян оказывается у себя дома. Аксинья помогает ему снять праздничный кафтан, сапоги и проч.

(Возможно, Адриян пару раз неожиданно прерывается и засыпает на несколько секунд в разных местах и позах, затем резко приходит в себя и продолжает говорить, порой даже чересчур бодро, до следующей неожиданной остановки на короткий сон.)

А д р и я н. Что ж это, в самом деле? Чем ремесло моё нечестнее прочих? Разве гробовщик брат палачу? Чему смеются басурмане?!!

Сперва на себя оборотились бы лучше! Кто вы, да что вы сами-то?! Чего ради суетитесь на белом свете?

Вечно мните из себя невесть что. Мол, дела у всех важные, не дай бог! А как срок придёт, так и все дела выходят ни к чему.

Всего-то и дел, что один в сатине, другой в бархате – велика разница! Смех. Вот уж смех, да и только!..

Я бы и сам посмеялся, кабы злодеем был.

Да вам того не понять. Вы ж предо мной словно дети малые, так и стоит ли вам объяснять чего? Когда поймёте – ко мне придёте, да уж поздно будет...

Что ж это, люди, творится-то?! Чем ремесло моё вам неудобно? Разве гробовщик вам злодей какой? Или вам гробовщик – гаер святочный? Чему, чему смеётесь?

Хотелось было мне позвать всех на новоселье, задать вам пир горой: ин не бывать же тому! Не бывать! Маловаты вы, детки, для праздников. Сидите тут? – вот и сидите далее, смейтесь вздорным пустякам своим.

А созову я тех, кто теперь меня ценит! Кто меня понимает! Своих созову! Тех, на кого я работаю! Созову мертвецов православных! Вот!

К этому моменту гробовщик уже дома. Сидит у стола с ночным колпаком в руках. А к с и н ь я стягивает с него второй сапог.

А к с и н ь я. Что ты, батюшка?! Что ты это городишь? Перекрестись! Созывать мёртвых на новоселье! Экая страсть!

А д р и я н. Ей богу созову! И на завтрашний же день. Милости просим, мои благодетели, завтра вечером у меня попировать; угощу, чем бог послал.

Адриан натягивает на глаза колпак и тут же, сидя за столом, засыпает. Аксинья пытается его разбудить или сдвинуть с места – бесполезно.

А к с и н ь я. Вот нагрузился-то батюшка... То годами без праздников сидим, то на тебе – повеселилися. Уж не знаешь, чего и лучше.

Махнув рукой, у х о д и т, ворча, с Адриановым кафтаном и сапогами.

6. Похороны купчихи Трюхиной

Дома у Адриана.

С уходом Аксиньи быстро темнеет. Адриан спит. За окном воеет ветер. Раздаётся настойчивый стук в дверь. Адриан ворчит что-то невнятное, стук повторяется, Адриан с трудом поднимается, в это время входит почти спиной А к с и н ь я, пытааясь не пустить гостя, за ней – Д е н щ и к племянника Трюхиной.

А к с и н ь я. Нельзя, нельзя. Хозяин почивать изволит.

Д е н щ и к. Велено разбудить.

А к с и н ь я. Да куды ж ты... Нельзя, говорю...

А д р и я н. Что вам угодно?

Д е н щ и к. Вы Адриан Прохоров? Я послан к вам по важному делу от Петра Савельича.

А д р и я н (*пытается вспомнить, кто это*). Петра... Савельича?

Д е н щ и к. От него самого. Он просил вас ехать со мной сейчас.

А д р и я н. Да что ж за дело-то такое?

Д е н щ и к. Да известное дело... Тётушка его, Лизавета Егоровна Трюхина, вчера померла же...

А к с и н ь я. Купчиха?.. Господи, да как же это? А батюшка к ней только вчера ездил!

Д е н щ и к. Я про то не ведаю. Может, и ездил. Только к вечеру померла.

А к с и н ь я. Батюшки-святые! Как же это?..

А д р и я н. Полно причитать, Аксинья, сапоги давай! (*Денщику*.) А ты ступай, передай барину, что я скоро буду сам на извозчике. Скажи, что гроб, свечи, покров и всё, что надо, доставлю в исправности. Всё будет улажено как надо, и лишнего я не возьму, пушай за то не волнуется... И на вот от меня тебе на водку. Ступай.

Денщик уходит. Аксинья приносит сапоги. Адриан обувается.

А д р и я н. Вот ведь как чувствовал! Ну, Трюхина... ведь и слушать не хотела! Вон прогнала! А у меня-то глаз намётанный. Я ж тут не просто так!.. Хорошо, хоть запас имеется.

А к с и н ь я. Да что ж теперь? Дочерей будить?

А д р и я н. Не надо. Сам управлюсь. Иди извозчика найми. Тут легко теперь – за углом на площади стоят.

А к с и н ь я. Ага. Я мигом! Ой, господи, это ж надо...

Аксинья уходит.

А д р и я н. И чего распричиталась? Словно родню хоронит.

Аксинья возвращается.

А к с и н ь я. Вы, батюшка, только не это... держитесь. Ничего не поделаешь. Всяко бывает.

А д р и я н. Помилуй, Аксинья! Что такого стряслось-то?

Аксинья. Я ж понимаю. Я всё понимаю, батюшка. Любимая женщина... Но бог – он же видит! Право, грех говорить – но, может, оно и к лучшему...

Адриан. Какая ещё женщина, дура?! Что ты себе придумала? Ступай за извозчиком быстрее! Скажи, на целый день беру, да сторгуйся недорого. И выкини глупости из головы!

Аксинья уходит.

Адриан. Вот, бабы! Что в голову втемяшится – ничем потом не выбьешь...

Адриан берёт гроб (возможно, тот же, который ранее называл «браком»), взваливает его на себя, и с ним уходит вслед за Аксиньей.

На кладбище.

Похоронная процессия у могилы со Священником. Почти так же, как в начале пьесы, только без дождя.

Священник. Господня земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущий на ней. Той на морях основал ю есть, и на реках уготовал ю есть. Кто взыдет на гору Господню? Или кто станет на месте святем Его?..

Адриан устало усаживается на ящик, камень и т.п. (либо прислоняется к чему-нибудь и дремлет стоя). Священник прерывается, удивлённо глядя на него.

Адриан (*бодро*). Продолжай, отец, я ничего. Я не мешаю.

Священник. ...Неповинен рукама и чист сердцем, иже не прият всуе душу свою, и не клятса лестию искреннему своему. Сей примет благословение от Господа, и милостыню от Бога, Спаса своего. Сей род ищущих Господа, ищущих лице Бога Иаковля...

Адриан храпит.

Священник (*громче*). Возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная, и внидет Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь крепок и силен. Господь силен в брани...

Адриан храпит. Священник прерывается. Адриан замолкает. В толпе – недовольный шёпот.

Священник (*осторожно, поглядывая на Адриана*). Возмите врата князи ваша, и возмיתесь...

Адриан (*не открывая глаз, покачиваясь, но громко*). Возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная, и внидет Царь славы.

Священник и Адриан (*вместе*). Кто есть сей Царь славы? Господь сил, Той есть Царь славы. Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, поми-и-и-луй. (*Народ повторяет.*) Слава Отцу, и Сыну, и Святому Ду-у-уху. (*Народ повторяет.*) И ныне, и присно, и во веки веков. Ами-и-инь.

Народ расходится, поглядывая на спящего Адриана и покачивая головами.

Народ:

- Притомился, сердечный.
- Намаялся...
- Видать, что притомился...

Священник остаётся. Будит Адриана.

Священник. Эй, Адриан. Полно уже. Иди домой.

Адриан. А... всё, что ли? Устал я нынче чего-то.

Священник. Оно и видно, как устал... Сам-то до дому дойдёшь?

Адриан. А чего не дойти? У меня, вон, извозчик. На целый день. Могу и тебя подвезти, святой отец.

Священник. Да мне тут рядом. Ты лучше сам поезжай. Дочери, чай, заждались.

А д р и я н. Извозчик!!! (*Священнику.*) Благодарствую, святой отец.

С в я щ е н н и к. С богом, сын мой.

Расходятся.

7. Мертвецы

Дома у Адрияна.

А д р и я н входит к себе домой. Разувается.

А д р и я н. Аксинья! Аксинья! Уснула, что ль? Вот тетеря... И пушкой не разбудишь...

Подходит к столу. Достает шкатулку. Достает из кармана пачку денег. Начинает пересчитывать (в руках).

А д р и я н. Вот тебе, батюшка, и Юрьев день... А племянничек-то у Трюхиной не жадный оказался... хороший племянничек...

Скрип двери. А д р и я н быстро прячет деньги в карман, а шкатулку в стол.

А д р и я н (*поворачиваясь*). Ну, чего там прячешься? Проснулась, так заходи. Я чаю хочу!

Входит отставной Бригадир. В мокрой одежде.

А д р и я н. Вы... ко мне? Прошу... я, кажется, забыл закрыть дверь?

Бригадир. Не церемонься, Прохоров. Свои люди. Аль не узнаёшь?

А д р и я н. Бригадир? Господи! Да как же мне вас не узнать-то! Какими судьбами? Раздевайтесь же... Где вы изволили так сильно промокнуть?

Бригадир. Забыл, что ли? На похоронах. Мы ж вместе под ливень попали.

Адриян. А! Ну конечно! Такое, батюшка, не забывается. Кого, бишь, мы тогда хоронили-то... погоди-ка... так ведь... как же это?..

Бригадир. Что, братец, засмутился? Иль думаешь, что я на тебя в обиде за мокрый гроб? Нисколько. Это, право, пустяки. А вот за приглашение спасибо. Это мы все приняли с радостью.

Адриян (*отступая от бригадира*). Вы?.. Все?!

Адриян оглядывается. Отовсюду (из мебели, из окна, из стен) выходят мертвецы с поклонами и приветствиями.

«...Все одеты были благопристойно: покойницы в чепцах и лентах, мертвецы чиновные в мундирах, но с бородами небритыми, купцы в праздничных кафтанах.» «Кроме одного бедняка, недавно даром похороненного, который, совестясь и стыдясь своего рублища, ...стоял смиренно в углу.»

Адриян, отбегая то от одного, то от другого, натывается на этого Бедняка.

Бедняк. Позвольте представиться. Шабашкин Антон Панфутьич. Тот самый, которого вы изволили похоронить бесплатно. Пришёл поблагодарить. Я, верно, не имел права...

Адриян уже отбежал к выходу. Но тут ему навстречу входит купчиха Трюхина.

Купчиха. Адриан, голубчик, вы уже начали? Я еле успела выбраться! Надеюсь, в этот раз ты пригласил меня на праздник?

Адриян снова оказывается в центре.

Бригадир. Видишь ли, Прохоров, все мы поднялись на твоё приглашение; остались дома только те, которым уже невмочь, которые совсем развалились, да у кого остались одни кости без кожи. Но и тут один не утерпел – так хотелось ему побывать у тебя.

Из-под пола торжественно вырастает перед Адрианом трясущийся Скелет в больших ботфортах и обрывках истлевшей одежды.

Скелет. Ты не узнал меня, Прохоров? Помнишь ли отставного сержанта гвардии Петра Петровича Курилкина, того самого, которому в девяносто девятом году ты продал первый свой гроб – и ещё сосновый за дубовый? Помнишь, братец?! Ну, дай же мне обнять тебя!

Адриан с криком отталкивает Скелета, тот падает. Мертвецы вокруг выражают недовольство. Наступают на Адриана со всех сторон.

Мертвецы:

- Позвольте!
- По какому праву?!
- Это не порядок!
- Так ли порядочные люди встречают гостей?!
- Ты за это ответишь, Прохоров!
- Сатисфакции! Требую сатисфакции!
- Я всегда знала, что он подлец!
- Врёшь, братец, ты неправ!
- Экий злодей! Вестимо, злодей!
- Стало быть, супротив пошёл? Это ты зря...

Мертвецы кружатся хороводом вокруг Адриана, сжимая кольцо. Темнеет. Голоса сливаются в единый гомон, из которого всё явственней звучит голос Священника. Голос звучит нереально, становясь всё громче, словно заполняя собой пространство.

Г о л о с: Возмите врата князи ваша, и возмится врата вечная, и внидет Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь крепок и силен. Господь силен в брани. Возмите врата князи ваша, и возмится врата вечная, и внидет Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь сил, Той есть Царь славы. Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, поми-и-и-луй.

Голос резко обрывается в полной темноте. Наступает рассвет.

8. Финал

Там же.

А д р и я н лежит на полу босой, с надвинутым на лицо ночным колпаком, в неестественной позе. Недалеко от стола, сидя за которым он заснул.

Положение его тела может вызывать предположение, что он во сне упал со стула и, возможно, пытался стянуть с себя колпак и кафтан. Входит А к с и н ь я. Недовольно качает головой при виде Адрияна. Если есть окно, то открывает его. Затем будит Адрияна.

А к с и н ь я. Нет, ну это ж надо так?.. Уж на что наш покойный барин был пресвятителем, а такого себе не позволял. То ж культура! А тут – поди ж ты – до кровати не добраться. Зато хлебом не корми, дай на заборе гроб повесить – вот и вся тебе культура... (Стягивает с Адрияна колпак.) Ну что, батюшка, слышишь, нет? Чай, проспался уже? Или хоть в кроватку лечь изволь! Чего на полу-то лежать? Страм, да и только!

Адриян приходит в себя.

А д р и я н. Аксинья?.. А что, уже утро?

А к с и н ь я. Уж заплодень! Заспался ты, Адриян Прохорович. К тебе заходил сосед портной, и здешний буточник забежал с объявлением, что сегодня частный именинник, да я никого не пустила. Ты изволил почивать прямо на полу, и мне было не добудиться.

А д р и я н. Буточник? Это Юрко, стало быть... А...

А к с и н ь я. Что?

А д р и я н. Да нет, ничего. Стало быть, Юрко приходил... И сосед?

А к с и н ь я. И сосед. Портной.

А д р и я н. Ага. Немец. Этого помню, да... А... А не приходили ко мне от покойницы... Трюхиной?

А к с и н ь я. Покойницы? Да разве она умерла?

А д р и я н. Эка дура! Да не ты ли пособляла мне вчера улаживать её похороны?

А к с и н ь я. Что ты, батюшка? Не с ума ли спятил? Али хмель вчерашний ещё у ты не прошёл? Какие были вчера похороны? Ты ж целый день пировал у немца, воротился пьян, завалился на стол да и спал до сего часа, как уж к обедне отблагостили.

А д р и я н. Ой ли?!

А к с и н ь я. Вестимо так!

Адриан начинает нервно смеяться. Аксинья подхватывает.

А д р и я н. Стало быть, спал?

А к с и н ь я. Вестимо так. На полу, батюшка. Видать, свалиться изволил со стулу...

А д р и я н. Ну, коли так, давай скорее чаю да позови дочерей!

Аксинья уходит. Адриан резко прекращает смеяться. Шарит у себя по карманам в поисках пачки денег. Находит только носовой платок.

А д р и я н. Стало быть... купчиха не умерла.

Ещё не веря, бросается к столу, достаёт шкатулку, заглядывает туда. Достает оттуда пару купюр, отложенных на новоселье. Пачки денег нет.

Входят дочери и Аксинья с самоваром.

Д о ч к и (по очереди):

– Добрый день, батюшка.

– Добрый день, батюшка.

Адриан задумчиво кивает. В одной руке у него раскрытая шкатулка, в другой деньги. Аксинья ставит самовар и обращает внимание на знакомую шкатулку.

А к с и н ь я. Ой, барышни, чую, батюшка приготовил вам сюрприз!.. Ась?.. Адриан Прохорович?.. Новоселье-то справлять будем, или как?

Адриан медленно поднимает руку с деньгами вверх. Дочери радостно замирают в предвкушении счастья.

Адриан. Аксинья! Вот... возьми эти деньги и... отведи их купчихе Трюхиной.

Аксинья (*изумлённо*). Как – Трюхиной?!

Адриан. Да. Скажи, это от меня ей... на лекарства... Да смотри, передай лично в руки. Я проверю!

Адриан бросает деньги на стол и резко выходит. У Аксиньи и дочерей немая сцена. Пауза. Аксинья берёт деньги. Медленно идёт к выходу.
Останавливается.

Аксинья (*кричит, чуть не плача*). Ну что вы стоите?! Идите чай пить! А я не могу, у меня теперь дело, видите?! Сами пейте! А у меня... у меня... пуцай судьба рушится! Вот!..

Уходит в слезах. Пауза. Дочери говорят, глядя вслед ушедшей.

Дарья. Хорошенький сюрприз!

Акулина. А что случилось? Новоселья не будет?

Дарья задумчиво пожимает плечами.

Дарья. И гроб куда-то делся... (*Выглядывает в окно.*) Ничего не понимаю...

Акулина. Так, может, тогда сами чайку попьём?

Дарья (*взволнованно*). А и попьём! Веришь ли, сегодня с самого утра никак не могу напиться...

Акулина. Ой, и я тоже! (*Поднимает с пола большую кость, с удивлением её рассматривает.*) Видать, погода нынче такая...

Дарья (*испуганно*). Брось это... Пойдём, пойдём... И то правда – не иначе как погода, что же ещё...

Поспешно уходят.

Занавес.

Колобок

Пьеса для театра кукол

Проиллюстрировано персонажами Виктора Запаренко

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дед
Бабка
Колобок
Заяц
Волк
Медведь
Лиса

1. Начало

Дед играет на балалайке и поёт. Бабка слушает.

Дед:

Балалайка зазвенела
И от счастья обомлела:
Лучше всех других людей
Я могу играть на ней!
Опа-опа-опа хей!
Я могу играть на ней!

Дед. Ну как?

Бабка. Хорошо!

Дед (*снова играет*):

Трам-парам да трали-вали,
Позабудьте про печали,
Лучше вспомните про смех –
Я играю лучше всех!
Опа-опа-опа эх!
Я играю лучше всех!

Дед. Хорошо, бабушка?

Бабка. Ой, хорошо!

Дед снова играет и поёт. Бабка начинает ему подпевать.

Дед:

Знаю я, что я умней
Даже тысячи людей!

Бабка:

Что ж нам орден не дают?

Дед:

Просто, все завидуют!
Опа-опа-опа эх!

Ба б к а. Хоть бы дали что-нибудь...

Де д. Ну хватит! Не мешай! Ты меня сбиваешь!

Ба б к а. Да я ж только подпеваю.

Де д. Не надо! Не надо мне подпевать. Я и так хорошо пою.

Ба б к а. Ой-ой, хвастун!

Дед снова начинает петь.

Де д:

Говорит, что я хвастун,

Песня ей не нравится,

Но как только запою...

Ба б к а. Сразу всё кончается... Дед! Сходил бы ты на рынок за продуктами, а то в доме-то все запасы кончились.

Де д. Ты что, не видишь, я занят – песню пою! Лучше бы послушала, чем перебивать.

Ба б к а. Так я ж о тебе забочусь! Что мы нынче кушать-то будем?

Де д. Вот, без меня ничего не можешь! Всему надо учить... Значит так: пойди, открой короб, в котором была мука, и там лопаткой по стенкам поскреби. А потом в том сусеке, где пшено хранилось, щёточкой помети. Так и наберёшь муки на каравай.

Ба б к а уходит.

Де д. То-то же! А ещё говорит, что я – хвастун! Да если бы не я, давно пропала бы...

Дед играет и поёт.

Говорит, что я хвастун,

Песня ей не нравится,

Но как только запою,

Сразу улыбается!

Опа-опа-опа эх!
Я играю лучше всех!

Ба б к а возвращается с кадкой.

Ба б к а. Вот. По сусеку помела, по коробу поскребла. Горсти две муки набрала.

Де д. Что-то немного...

Ба б к а. Уж сколько было. Каравай, конечно, не получится, но на колобок, пожалуй, хватит.

Де д. Вот и чудесно! Значит, испечём колобка! Эх, сейчас я покажу, как настоящих колобков делают! С чего начнём?

Ба б к а. Пойди руки помой.

Де д уходит. Бабка начинает месить тесто. Вскоре Де д возвращается и подключается к приготовлению.

Де д и Бабка вылепляют колобка. Ставят его в печь.

Де д. Вот видишь, бабушка, будет у нас теперь колобок. Со мной не пропадёшь!

Ба б к а. Ты-то здесь причём?

Де д. А кто придумал по коробу поскрести да по сусеку помести? Кто? Я! А если б захотел, ещё и не то смог бы придумать!

Ба б к а. Ну да! Ты у нас герой! Только хвастовство тебя до добра не доведёт.

Де д. Что же тут плохого? Уж если я молодец, то и похвалиться не вредно.

Ба б к а. Я тебе сейчас расскажу одну сказку. Про хвастуна, которого съели. Знаешь такую?

Де д. Нет... да такого и быть не может!

Ба б к а. А вот и может... погоди, колобок-то, кажется, готов уже.

Достают из печки колобка.

Дед. Ах, как вкусно пахнет! Давай, бабка, скорее есть его!

Бабка. Нет-нет. Надо ещё подождать. Пусть немного остынет. Вот, накроем его салфеточкой и поставим остывать.

Дед. Тогда рассказывай мне скорее свою сказку. Легче ждать будет. А то сил уж нет.

Бабка. Какую сказку?.. А! Про хвастуна, которого съели?

Дед. Ну да. Про него.

Бабка. Тогда слушай. Однажды испекли дед и баба Колобка, накрыли салфеточкой и поставили его остывать на окошко.

Дед. Хе-хе... это как мы с тобой?

Бабка. Да. А Колобок-то круглый. Вот он полежал-полежал, да и покатился... Ты не отвлекайся, дед, лучше слушай, что дальше-то было. Покатился Колобок с окошка на лавку, с лавки на пол да за дверь. И всё дальше и дальше от дома по лесной дорожке. Катится себе Колобок и песенку поёт...

2. Заяц

Колобок катится по дорожке и поёт.

Колобок:

Я Колобок, Колобок,
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешён,
Да в масле пряжён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки... Ой...

Перед Колобком появляется Заяц.

Заяц. Ух ты! Колобок! Настоящий!

Колобок. Да! Это я! А ты кто?

Заяц. Я – Заяц! Ох, как вкусно от тебя пахнет, Колобок! Ты же совсем свеженький!

Колобок. Конечно! Я только что из печки! Даже не остыл ещё!

Заяц. Ура! Мне сегодня повезло!.. Ну, Колобок-Колобок, я тебя сейчас съем!

Колобок (*испуганно*). Зачем? Меня не надо есть! Как же можно меня есть? Ведь это же я!

Заяц. Да! Это ты – Колобок. И поэтому я тебя съем!

Колобок. Нет, постой... Я... Я могу...

Заяц. Что? Что ты можешь? Ах, как давно я не ел свежих булочек...

Колобок. Я могу кататься... туда-сюда... туда-сюда... правда, весело?

Заяц. Не надо кататься. Иди лучше ко мне.

Колобок. А ещё... Я... Я могу песенку петь!

Заяц. Песенку? Это смешно! Булочка, которая поёт!

Колобок. Правда? Хи-хи... вот видишь. Хочешь, Заяц, я тебе песенку спою?

Заяц. Ну давай, попробуй. А потом я попробую... какой ты вкусный! Ха-ха-ха!

Колобок (*поёт песню*):

Я Колобок, Колобок,

Я по коробу скребён,

По сусеку метён,

На сметане мешён,

Да в масле пряжён,

На окошке стужён.

Я от дедушки ушёл,

Я от бабушки ушёл,

И от Зайца я тоже уйду!

Заяц заплясал, увлёкся танцем. Колобок незаметно укатился.

Заяц. Сбежал! Вот, хитрец! Ну, погоди, я тебя всё равно найду! (Принюхивается.) По запаху найду!

Заяц идёт в ту сторону, куда укатился Колобок, но оттуда раздаётся волчий вой.

Заяц. Ой... там, кажется, волки!.. Пойду я лучше в огороде капусту пожую.

Заяц разворачивается и убегает в обратную сторону.

3. Волк

Катится Колобок по лесу.

Колобок. Фу-у-ух! Еле убежал! Какой страшный этот заяц! Какой он кровожадный! Хорошо, что я додумался ему песню спеть... хм... я Колобок, Колобок, я по коробу скребён... да... хорошо получилось! Заяц даже заслушался... А, может быть, у меня талант?..

Раздаётся волчий вой: «У-у...»

Колобок. У-у... правильно! У меня талант! Я, наверное, настоящий певец!

Ещё громче волчий вой.

Колобок. У-у-у!!! Да! У меня золотой голос! Я так и думал! Теперь мне нечего бояться! Я покорю любые сердца! Я стану лучшим певцом всех времён и...

Появляется Волк.

Волк. Ха-ха-ха! Вот это сюрприз! Настоящий Колобок!

Колобок. Ой... этот зверь ещё больше, чем Заяц!

Волк. Конечно, я больше, чем заяц! Потому что я – Волк. И кушать я тоже хочу больше, чем все зайцы в этом лесу!

Колобок. Ну, тогда пойдя, покушай. А я, пожалуй, дальше покачусь.

Волк. Ха-ха-ха! Молодец! Шутник! Люблю таких шутников... Но!

Колобок. Что – «но»?

Волк. Колобок-Колобок, я тебя съем!

Колобок. Нет! Нельзя! Я – певец! Я ооочень способный! Меня нельзя есть!

Волк. Ха-ха-ха! Ещё и певец! Давно я не ел певцов! Сейчас попробую.

Колобок. погоди! Ты только послушай! Одну минутку послушай – тебе понравится!

Волк. Думаешь, понравится? Ладно, пой. Но только недолго – очень уж есть охота.

Колобок (поёт):

Я Колобок, Колобок,
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешён,
Да в масле пряжён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от Зайца ушёл,
От тебя, Волк, нетрудно уйти!

Колобок пытается укатиться, но Волк преграждает ему дорогу.

Волк. Ай, молодец! Ха-ха-ха!

Колобок. Тебе понравилось?

Волк. Очень понравилось! Ото всех ушёл. Значит, бабушка и бабушка тебя уже не спасут... Я люблю таких детей, которые от старших убегают.

Колобок. Почему?

Волк. Потому что их есть удобно! Никто им не помогает! Ха-ха-ха! Ам...

Волк бросается на Колобка, но тот ловко уворачивается.

Колобок. Ой! Что ты делаешь?..

Волк снова бросается на Колобка, тот уворачивается.

Колобок. Я не хочу играть в догонялки! Мы так не договаривались!

Волк. А я хочу! У-у-у!..

Погоня продолжается.

Колобок. Ух ты! Какой я, оказывается, ловкий! А я и не знал!

Волк придавливает Колобка лапой.

Волк. Какой ты, оказывается, хвостун! А я и не знал! Ха-ха-ха!..

Волк раскрыл пасть, чтобы съесть Колобка, но в этот момент раздаётся всплеск воды, и затем басистое урчание Медведя. Волк с испугом оглядывается, отпускает Колобка и убегает. Колобок глядит вслед убежавшему Волку.

Колобок. Эй, стой! Я же сказал, что не буду играть! Слышишь? Я не буду тебя догонять!

4. Медведь

Появляется Медведь.

Медведь. Это ты с кем сейчас разговаривал?

Колобок. Ого!.. Этот зверь ещё больше!.. Наверное, такой же глупый, как и Волк.

Дальше начинает громко кричать, словно разговаривает с глухим.

Колобок. Я тут с Вол-ком раз-го-ва-ри-вал!!! А ты кто та-кой?!!

Медведь (*спокойно*). Я – Медведь. А ты – колобок, что ли?

Колобок. Да! Я – Ко-ло-бок!!!

Медведь. Свежий, кажется... А чего кричишь-то? Глухой, что ли?

Колобок (*тише*). Я не глухой. Сам ты глухой. А я, между прочим, знаменитый певец и ловкий... борец! Вот!

Медведь. Понятно. Грубиян, значит. Я тебя съем, пожалуй.

Колобок. Ха! Все меня сначала съесть хотят, а потом никто не может! Я всем очень нравлюсь! А поймать меня никак нельзя, потому что я очень ловкий! Ай...

Медведь одним движением хватает Колобка и держит его в лапе.

Медведь. Понятно. Хвастаться любишь. Надо тебя съесть поскорее.

Колобок. Ой-ой-ой... погоди немножко! Дай, я тебе песенку спою. Хорошая песенка. Даже Волку понравилась. Правда! Он даже сказал, что я – молодец!

Медведь. Так и сказал?

Колобок. Я не вру! Сказал, что ему ооочень понравилось!

Медведь. Хорошо. Послушаю песню перед обедом.

Медведь ставит Колобка перед собой и слушает песню. Как только Колобок откатывается в сторону, Медведь его тут же ловит и ставит обратно.

Колобок (*поёт песню*):

Я Колобок, Колобок,
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешён

Да в масле пряжён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
И от Зайца ушёл,
И от Волка ушёл,
От тебя, Медведь, я тоже уйду!

Медведь сидит и задумчиво смотрит на Колобка. Одним движением лапы достаёт откуда-то лосося (при этом слышен всплеск воды) и тут же проглатывает его с урчанием, не отрывая взгляда от Колобка.

Колобок. Ну как? Понравилась моя песня?
Медведь. Иди.
Колобок. Что?
Медведь. Иди, катись дальше. Не хочу тебя есть.
Колобок (*радостно*). Ну вот! Я же говорил! Ха-ха! Счастли-
во оставаться!

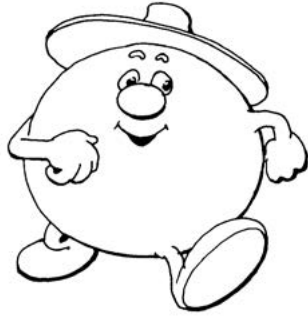
Колобок укатился.

Медведь. Плохо поёт. Бррр... Не хочу... потом живот заболит от такого певца.

Медведь уходит. Раздаётся знакомый всплеск и урчание.

5. Лиса

Колобок. Здорово! Как ему понравилось! Какой успех! Вот что значит «золотой голос»! Скоро я точно стану знаменитым! Ля-ля-ля па-па-па бу-бу-бу тра-та-та... О! Пора мне ещё какую-нибудь песню сочинить! М-м-м-м... Например, так: Зайцу я понравился, Волку я понравился, а Медведю больше всех!.. Ля-ля-ля, эх!.. Нет, лучше «эх, ля-ля-ля»! Ага, значит так: Зайцу я понравился,

Волку я понравился, а Медведю больше всех... Эх!.. И дальше ля-ля-ля?.. Да! А потом второй куплет: Ах, какой я молодец! Скоро будет мне... э... будет скоро мне...

Появляется Лиса.

Лиса. Холодец.

Колобок. ...Холодец?! Нескладно как-то...

Лиса. Зато вкусно. Ну, не нравится «холодец», можно спеть «огурец». Или даже, если хочешь... «леденец»!

Колобок. Скоро будет мне леденец?

Лиса. Конечно! И ещё много-много сладких конфет! Ты их заслужил!

Колобок. Правда? Значит, вы меня уже знаете?

Лиса. Обижаешь! Кто же не знает знаменитого Колобка! Все вокруг только и говорят о тебе! Ты ведь настоящая звезда!

Колобок. Я так и думал! Я знал! Это должно было случиться!

Лиса. Видишь, Колобок, я принесла тебе радостную весть. Может быть, ты хочешь узнать, как меня зовут?

Колобок. Да нет, не важно! Знаешь, я умею ещё одну песню петь! Там про то, как я ото всех ушёл, потому что я очень ловкий! Это вообще как раз самая известная моя песня! Хочешь, спою? Вот, слушай.

Колобок (поёт):

Я Колобок, Колобок,
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешён,
Да в масле пряжён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
И от Зайца ушёл,
И от Волка ушёл,
От Медведя ушёл,
От тебя... эта... э...

Нет... погоди... Это не считается... Мне надо сначала узнать, как тебя зовут.

Лиса. Ты же сказал, что это не важно.

Колобок. Да я немного перепутал. Забыл просто.

Лиса. Ну, тогда подойди поближе, я скажу тебе на ушко.

Колобок. Ага, иду... Ой, нет. Не подойду. Думаешь, я такой глупый? Я подойду, а ты меня возьмёшь и съешь! Нет уж!

Лиса. Зачем? Я и не думала тебя есть.

Колобок. Меня не проведёшь! Я знаю! Меня все хотели съесть! Лучше говори оттуда, как тебя зовут. Я всё услышу – у меня очень хороший слух!

Лиса. Не может быть! Ещё и слух есть? А я-то думала, что ты просто обычный певец.

Колобок. Нет. Я не просто! Я гораздо лучше! И если ты скажешь мне своё имя, то я спою тебе самую чудесную песню на свете! Моего собственного сочинения! Вот!

Лиса. Договорились. Меня зовут... э... Зовут меня... Ах, как же меня зовут? Забыла что-то...

Дети из зала подсказывают.

Колобок. А! Понятно! Тебя зовут Лиса!

Лиса. Лиса? Ну да, Лиса... Как ты узнал?

Колобок. Мне птички сейчас кричали: «Лиса-лиса!» Ты разве не слышала?

Лиса. Представляешь, вообще ничего не слышала! Никаких птичек! У тебя действительно музыкальный слух, Колобок! Ты просто гений!

Колобок. Я – гений? Здорово! А я раньше думал, что я просто... ну... талантливый.

Лиса. Ты – гений! Можешь даже не сомневаться!

Колобок подходит ближе.

Колобок. Правда? Слушай, Лиса, а ты мне начинаешь нравиться.

Лиса. Ах, пустяки... Я всегда нравлюсь только гениям и больше никому не нравлюсь... Спой мне лучше свою песенку, Колобок! Я так хочу тебя послушать!

Колобок. Это я запросто! Слушай!

(Начинает петь.)

Я Колобок, Колобок,
Я по коробу скребён...

Лиса. Извини, я не расслышала. Можешь стать поближе?.. Ах да! Ты же боишься, что я тебя съем! Тогда ладно. Не подходи. Пой отсюда. Как там? «Я коробок-коробок»...

Колобок. Не «коробок», а «Ко-ло-бок»! Ты что, вообще ничего не слышишь?

Лиса. Ах, какая хорошая песня! Только слова какие-то глупые. Совсем не гениальные.

Колобок. Неправда! Там совсем другие слова!

Колобок подходит ближе.

Колобок. Вот, слушай внимательно:

(Поёт.)

Я Колобок, Колобок,
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешён,
Да в масле пряжён,
На окошке стужён...

Лиса прыгает на Колобка, тот отскакивает. Лиса лежит и рыдает.

Лиса. Ах, какая прекрасная песня! Мне так захотелось тебя обнять, Колобок! Ах, как жаль... как жаль, что ты всего лишь гениальный певец. И у тебя никогда... никогда не получится спеть *сверхгениально!*

Колобок. *Сверхгениально?* А это как?

Лиса. О! Знаешь, это очень-очень трудно! Тут, кроме пения, надо обладать ещё и небывалой ловкостью! Только очень ловкий певец может спеть *сверхгениально.*

Колобок. А я как раз очень ловкий.

Лиса. Ха-ха-ха! Ты – ловкий? Ой, не смей меня! Куда уж тебе!

Колобок. Это правда! Говори, что надо делать, и ты сама увидишь, какой я ловкий!

Лиса. Надо спеть песню, стоя у меня на носу! Тогда это и будет *сверхгениально*, потому что никто так не может!

Колобок. Это очень даже легко! Я смогу!

Лиса. Нет-нет. Даже и не думай. Ты сразу упадёшь и даже запеть не сможешь.

Колобок. Я не упаду! Я ещё и не такое умею! Да я даже танцевать могу на носу, а не только петь!

Лиса (*в сторону*). Какой ужасный хвостун! Давно пора его съесть.

Колобок. Что ты сказала?

Лиса. Не верится мне, говорю, что ты всё можешь. Не похож ты на *сверхгениального* певца. Я, пожалуй, лучше пойду... Расскажу всем, что ты просто гениальный, и всё.

Колобок. Нет-нет-нет! Стой! Давай попробуем! Ты увидишь, что я смогу!

Лиса (*ложится*). Ладно, тогда закатывайся на мой нос!

Колобок. М-м... только ты это... рот не открывай.

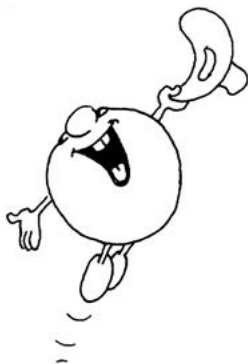
Лиса. Ой... да ты, кажется, испугался? Птички, вы слышали? Колобок испугался! Всё, я ухожу...

Колобок. Ничего я не испугался! Вот, смотрите! Я уже на носу! Видели?!

Лиса. Вот и молодец. А теперь я поднимаюсь... Не упадёшь?

Колобок. Никаких проблем! Я могу спокойно петь у тебя на носу! Внимание! Слушайте все! Выступаю я – *сверхгениальный* певец Колобок, самый-самый знаменитый и самый-самый вообще лучший!

Колобок (поёт):

Я Колобок, Колобок,
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешён,
Да в масле пряжён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
И от Зайца ушёл,
И от Волка ушёл,
От Медведя ушёл,

От Лисы и подавно уйду! Эх!..

Лиса проглатывает Колобка.

Лиса. Вот и нет больше самого-самого знаменитого хвосту-на! М-м-м-м... вкусно! Хи-хи-хи!

6. Финал

Снова Дед и Бабка.

Дед. А дальше что было? Лису поймали, Колобка спасли?

Бабка. Ничего дальше не было. Всё, конец сказки.

Дед. А как же Колобок? Его что, совсем съели и всё?

Бабка. Да. Совсем. Был Колобок и не стало. Потому что слишком много о себе воображал.

Дед плачет.

Дед. Так нечестно!.. Я так не хочу... Он что, не мог от Лисы убежать?

Бабка. Мог бы, если б не хвастался. Всё, хватит рыдать. Это же просто сказка была.

Дед. Плохая сказка... Был такой хороший колобок...

Бабка. Да ладно уже, старый. Успокойся! Вон, лежит твой колобок на окошке. Остыл уже. Будешь есть-то?

Бабка выносит колобка на стол.

Дед. Целый?

Бабка. Конечно. Цел и невредим.

Дед. Эх ты, колобок-колобок... Нет, бабка, мы не будем его есть. Давай оставим его себе на память.

Бабка. Давай оставим.

Дед. А я лучше пойду на базар да накуплю продуктов.

Бабка. Вот и правильно! Молодец, дед!

Дед. Но-но! Не хвали меня! А то я буду, как тот Колобок...

Бабка. Глупый! Мне-то можно! Ты, главное, сам себя сильно не хвали, а другим всегда можно – это даже хорошо, когда тебя кто-то другой похвалит.

Дед. Правда?.. А ты у меня тоже молодец, бабка!

Ба б к а. Ой спасибо, дед, угодил. Я молодец, а ты – хитрец!
Ну да ладно. Спой-ка теперь лучше чего-нибудь весёлое.

Дед сомневается.

Де д. А... тебе правда нравится, как я пою?

Ба б к а. Пой-пой, не стесняйся.

Де д. Тогда давай споём вместе.

Ба б к а. Я же тебе помешаю.

Де д. Нет! Что ты! Вдвоём даже веселее!

Ба б к а. Вот и замечательно! Тогда начинай!

Дед и Бабка поют финальную песню.

Де д и Ба б к а (*вместе*):

Трам-парам да трали-вали,

Мы вам сказку рассказали!

Рассказали сказку вам,

Трали-вали, трам-парам!

Не грустите вы напрасно,

Если что-то вам не ясно,

Разберётесь вы потом,

А сейчас у нас поклон!

Занавес.

Приложения

«Главный режиссер театра»
(Репортаж из театра марионеток им. Деммени)

ТЫ ЖЕ ДРАМАТУРГ?

В кабинете главного режиссера театра Деммени – маленькой узкой комнате с огромным распахнутым настежь окном, куда врывается шум и гам Невского проспекта – Эдуард Петрович пишет мне в толстую (600 полос!) книгу «Пьесы»: «...в Музей уникальных вещей. Это первый экземпляр моей книги, с ошибками и массой прочих недочётов, выпущенный тиражом в 10 экземпляров!», – и ставит автограф, придавая и без того редчайшему экспонату дополнительную бесценность.

Спрашиваю, как так вышло? Нет, не то, что пьесы для детей и подростков изданы собственно автором тиражом в десять экземпляров – про это я знаю много. А вот чтобы одновременно – и режиссер, и сценарист (хотя, конечно, удивляюсь я своему везению на людей, умеющих сочетать разные ипостаси).

Оказывается, Эдуард Гайдай учился на режиссера. Но на четвертом курсе совершенно случайно (как это часто случается в творческом мире) по его пьесе поставили спектакль – так дипломированный режиссер стал известен в качестве драматурга.

Примерно в это же время театру Деммени понадобилась новогодняя пьеса. Написать попросили Гайдая. «Ты же драматург?» – «Да». Написал. И опять же совершенно случайно «пропал» режиссер спектакля. Поэтому следующим вопросом стало: «Ты же режиссер?» «Да», – снова ответил Гайдай. И поставил спектакль.

Так сложились звезды над головой этого удивительного человека, и с 2000 года по сегодняшний день он и главный режиссер театра Деммени, и автор многочисленных пьес – сценариев детских спектаклей. Их уже поставили в десяти театрах страны: «Балтийский дом», театр Комедии Акимова, театр марионеток Деммени, театры кукол Тюмени, Карелии, Азербайджана...

ЖИТЬ ИЛИ УМЕРЕТЬ КОЛОБКУ?

Звонят из Азербайджана, говорят: «Слушай, напиши сценарий „Колобка“! Только нормально, по сказке напиши, а то, понимаешь, сценаристы ерунду какую-то пишут, а надо – в точном соответствии с сюжетом!»

Эдуард Гайдай переспрашивает: «Я вас правильно понимаю: чтобы дети в конце рыдали?» «Почему?» – удивляется голос в трубке. «Ну вот представьте, – объясняет Эдуард Петрович, – дети сорок минут смотрят на Колобка, переживают за него, а в конце...» «А! – после непродолжительного молчания догадывается собеседник. – Нет, не надо, чтоб рыдали! Ты, значит, концовку слегка измени. Но в остальном – чтобы точно, как в сказке, в полном соответствии с сюжетом!»

Написал. А потом его пригласили в Азербайджан – ставить спектакль. «Только, знаешь, мы эту сказку решили на азербайджанском показывать, – огорошили режиссера при встрече. – Не переживай, все перевели, артисты готовы, а вот те двое понимают по-русски. Так что – ставь!» Поставил. «Но как???» – не выдерживаю я, распугивая хохотом сотрудников театра за стенкой. Эдуард Петрович смеется и открывает мне великую режиссерскую тайну: «По интонациям, по ИГРЕ актера понятно, когда артист в текст не попадает».

КТО ТАКОЙ ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР?

Тот, кто заботится, чтобы у всех было дело

Новогодний сезон в театре кукол очень насыщенный. Пишутся многочисленные спектакли, но что потом? Что делать куклам, задействованным только в новогодней кампании? Эдуард Петрович написал для них сказку: ту, где действуют те же герои, но которую можно играть целый год.

Тот, кто понимает, что куклы-артисты не уходят на пенсию

Удивительно, но музея при театре кукол нет. Хотя, казалось бы: отслужившие свой театральный век куклы могли бы стать предметами самого обожаемого детьми музея!

Они могли бы сидеть в креслах-качалках, рассказывая легенды о себе и спектаклях, о создателях и актерах... Они могли бы вспоминать по случаю короткие сценки. Но нет. «Музейная деятельность» не предусмотрена для театров. Но все же есть коллекция (более 1000 единиц лучших кукол, отобранных за 100 лет) и постоянные выставки, а части этой коллекции уже объездили всю Европу и Азию. Этой осенью куклы выставлялись в Германии и Италии.

ЧТО МОЖНО ДЕЛАТЬ С ПЬЕСАМИ?

Эдуард Гайдай: «Издавать пьесы для обычных читателей бессмысленно. Это же схемы! Это как издавать... ну, не знаю, чертежи кораблей или ракет...»

Абсолютно согласна с Эдуардом Петровичем в той части, что пьесы – это как чертежи кораблей или ракет. Их не издают. Не публикуют. Их вообще можно только выкрасть!

Самые умные люди охотятся за чертежами и схемами отлично работающих вещей от гениальных конструкторов, чтобы на их основе создавать работающие аналоги.

*Аня Амасова,
Сентябрь, 2018*

Произведения Эдуарда Гайдая в коллекции Музея

ИНСЦЕНИРОВКИ, ПЬЕСЫ и МЮЗИКЛЫ

Алые паруса (Э2)

Аленький цветочек

Братец Кролик

Волшебный пунш

Герда

Горыныч (Э2)

Госпожа Метелица (Э2)

Гробовщик (Э2)

Дюймовочка

Золушка

Калиф и Джинн

Колобок (Э2)

Карлик Нос

Крошка Енот

Морж

Настоящий Дед Мороз

Раскольников и бес

С днём рождения, Дед Мороз!

С новым счастьем! или Радость в подарок

Сказки Оле Лукояе

Салтан

Добрый слон

Стальная Орхидея

Третье путешествие Гулливера

РАССКАЗЫ и СТИХИ

От Автора

Уважаемые читатели, я рад представить вашему вниманию несколько пьес.

Я впервые обращаюсь к читателям, потому что ранее обращался только к зрителям. И представленные здесь произведения изначально были написаны не для чтения, а для постановки на сцене театра. В связи с этим они имеют некоторые особенности. Уверен, что вы знаете, что такое «пьеса» и чем она отличается от повести или рассказа, но сейчас я хочу сказать не об этом.

Так сложилось, что зрители, особенно дети, больше любят смотреть спектакли на основе известных литературных или народных сюжетов, поэтому драматургам, работающим для театров, гораздо чаще приходится писать именно такие пьесы или инсценировки, чем сочинять новые истории. И тут желание зрителя вполне можно понять. Но, как только подобные пьесы появляются в книге и зритель превращается в читателя, возникает вопрос: зачем читать эти – к примеру, «Алые паруса», – когда можно прочесть настоящие?..

Простой ответ на данный вопрос дать трудно (я сейчас не говорю о тех, кому это может быть необходимо по профессии). Как правило, в драматургии меньше подробной информации о том, что думают герои или каков окружающий их мир, чем в литературных произведениях, но зато сильнее работает фантазия читающего. И некоторым это нравится. Поэтому я могу посоветовать лишь одно – попробуйте! Надеюсь, вы получите удовольствие. Во всяком случае, уверен, – скучать вам не придётся!

В заключение хочу выразить огромную благодарность Анне Амасовой, главному инициатору создания этого издания, редактору и вообще активному сподвижнику развития современного искусства Санкт-Петербурга, благодаря которой эти пьесы здесь опубликованы.

С уважением, Эдуард Гайдай

*Литературно-художественное издание
для библиотек, театров и вузов*

Серия «Книга – театр»

Эдуард Петрович Гайдай

СЛОВА ВОЛШЕБНИКА

Пьесы и мюзиклы

Редакционная группа:

Редактор-составитель: Аня Амасова
Помощник редактора: Юлия Писклова (СПбГУ)
Дизайнер-верстальщик: Анастасия Аргутина
Дизайн штрих-кода, UV-лак: Арсения Зайцева
Портрет автора: Валерий Гордт
Леттеринг: Александр Горшков
Библиограф: Иван Прозоров
Художники: Чже Хи Ким, Виктор Запаренко

Издатель: Аня Амасова

Музей уникальных вещей
www.museumah.ru

Сувенирное издание, подписной индекс: Э2.
Эксклюзивный тираж на средства меценатов в подарок библиотекам.

Формат: 140x200 мм. Вып. 1. Тираж: 50 экз.
Дата подписания в печать: 15.09.2021. Заказ № .

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ИПФ «Реноме»
<https://renomespb.ru/>

Эдуард Гайдай

Эдуард Петрович Гайдай – драматург и вот уже пятнадцать лет главный режиссер Санкт-Петербургского Театра марионеток имени Деммени. Он не только ставит спектакли, но и сам пишет пьесы для своих артистов. Впрочем, по этим же «чертежам» ставят спектакли в дюжине других театров – Петербурга, России и соседних стран.

При составлении сборника избранных произведений драматурга Музей постарался учесть, что «бесценной вещичей» для каждого охотника за сокровищами и чертежами является разное. Но во всех случаях, это произведения, рассчитанные для теплого, уютного, ироничного семейного просмотра.

Тексты сопровождаются эскизами задействованных в спектаклях персонажей, выполненными современными художниками.

ISBN 978-5-6046613-2-1

Бесценно

Фонд «АХ»